Чулууны Далай

МОНГОЛИЯ в XIII–XIV веках

Чулууны Далай

МОНГОЛИЯ в XIII–XIV веках

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

Авторизованный перевод с монгольского
П. НИХЛАЯ

Ответственный редактор
Б. П. ГУРЕВИЧ

Опираясь на монгольские и китайские источники, а также широкий круг литературы, автор книги подробно описывает хозяйство, политические и социально-экономические институты, состояние культуры монгольского народа в период господства монгольских завоевателей в Китае (1260—1388).

Д $\frac{0506000000-046}{013(02)-83}$ 117-82

Чулууны Далай

МОНГОЛИЯ В XIII—XIV ВЕКАХ

Редактор *Л. В. Матвеева.* Младший редактор *Н. В. Беришвили.* Художник *А. Н. Жданов.* Художественный редактор *Б. Л. Резников.* Технический редактор *Г. А. Никитина.* Корректор *Г. А. Дейгина*

ИБ № 14485

Сдано в набор 21.04.82. Подписано к печати 09.02.83. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 14,5. Усл. кр.-отт. 14,88. Уч.-изд. л. 17,74. Тираж 4600 экз. Изд. № 6197. Зак. № 293. Цена 1 р. 90 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ОТ РЕДАКТОРА

В длительной истории монгольского народа XIII—XIV века вошли как период бурных, сложных и подчас противоречивых по своей значимости событий, оказавших большое влияние на исторические судьбы не только самой Монголии и сопредельных с ней государств Азии, но и отдаленных стран Европы.

Одним из главных событий явилось объединение монгольских племен и создание Чингисханом в самом начале XIII в. единого и сильного государства, а затем мировой монгольской империи. Несмотря на то что Чингисхан был выразителем прежде всего интересов монгольских феодалов, объединение им монгольских племен способствовало укреплению мира в степях Монголии и открыло возможность для ее экономического и культурного подъема. В то же время это наносило удар по захватнической политике китайских императоров и чиновников, постоянно стремившихся к угнетению кочевых народов, в том числе монголов. Однако завоевательная политика Чингисхана, как и политика его преемников, превратившая в конце концов монгольский народ в воинов, а Монголию — в военный лагерь, помешала, по мнению монгольских историков-марксистов, прогрессивному развитию монгольского феодального общества, не принесла простым монголам ничего, кроме страданий и лишений. Еще более тяжелые жертвы понесли тогда народы Азии и Европы, которые оказались под игом чужеземных завоевателей.

Монголами в ходе многолетних кровопролитных войн постепенно был завоеван соседний Китай. Основанная Чингисханом монгольская династия получила название Юань при монгольском великом хане Хубилае (1260—1294), который был внуком основателя империи. Как считают монгольские историки-марксисты, это был период угнетения и порабощения китайского народа чужеземными феодалами-захватчиками и их союзниками из китайской военно-феодальной бюрократической верхушки, которая перешла на службу к Хубилаю. Такого же мнения недавно придерживались и многие видные китайские историки — Фань Вэньлань, У Хань, Мэн Сымин, Ван Чунъу, Шан Юэ, Юй Юаньань и др.

Хотя еще далеко не все аспекты истории собственно Монголии XIII—XIV вв. достаточно глубоко и всесторонне исследованы, можно, однако, со всей определенностью сказать, что эта страна (с центром в г. Каракоруме) оставалась на особом положении как колыбель зарождения монгольского государства и его опорная база. Она находилась под управлением наследника императорского престола, а ее обширные пастбища продолжали по-прежнему использоваться для разведения и выпаса скота императора и крупнейших монгольских феодалов. Там же размещался основной контингент монгольских войск и проводилось их обучение для подготовки к новым завоевательным походам и усмирения завоеванных государств. Наконец, Монголия сохраняла особое военное и административное устройство, отличное от китайского.

События, связанные с именем Чингисхана и его преемников, уже давно привлекают к себе внимание историков КНР. Некоторые из них с начала 60-х годов стали превратно освещать прошлое монголов. Они прежде всего отказывают монгольскому народу в праве на самостоятельное национально-государственное существование, уверяя будто бы по отношению к Китаю Монголию «в историческом аспекте нельзя считать иностранным государством», ибо ее народ, мол, издавна жил на «китайской земле» [1]. Затем, вслед за реакционными гоминьдановскими идеологами, они вообще рассматривают монголов лишь как «национальное меньшинство Китая». Отсюда Чингисхан для них — лишь хан одного из «национальных меньшинств Китая». Хубилай и другие великие ханы в связи с этим объявляются «китайскими императорами» [2].

Столь нелепый вывод имеет свою историю. Он основывается на абсурдной версии о существовании некоего «родства» между монголами и китайцами (ханьцами), сочиненной ранее в духе пресловутой концепции «единой китайской нации». Она утверждает, что такая одна-единственная нация, ядром и собирателем которой были ханьцы, существует в Китае уже несколько тысячелетий, а все другие народности страны являются лишь ее ветвями [3]. Эта концепция позаимствована у реакционных гоминьдановских идеологов, именно они в свое время начали искать «родство» с Чингисханом и его преемниками. Иронизируя над такого рода нелепыми попытками, великий китайский писатель-демократ Лу Синь еще в 30-е годы замечал: «В двадцать лет я услышал, что когда „наш“ Чингисхан покорил Европу, то был „наш“ золотой век. Лишь когда мне исполнилось 25 лет, я узнал, что на самом деле в так называемый „наш“ золотой век монголы покорили Китай и мы стали рабами. В августе сего года я перелистал три книги по истории Монголии, чтобы уточнить некоторые исторические факты, и только тогда уяснил, что прежде чем покорить весь Китай, монголы покорили Русь, вторглись в Венгрию и Австрию. Тогда Чингисхан еще не был „нашим“ ханом. Ведь русские раньше нас были порабощены, это они должны были сказать: „Когда наш Чингисхан покорил Китай, наступил наш золотой век“» [4].

Уже стало почти закономерным для некоторых китайских историков рассматривать историю монгольского народа как одну из составных частей истории Китая наряду с другими землями, отторгнутыми в свое время Чингисханом и его преемниками от различных государств. Пренебрегая фактами, они заявляют, что «Чингисхан является выдающимся политическим и военным деятелем Китая», так как он и его преемники «завершили объединение Китая, заложили базис стабильности китайских границ на 600 с лишним лет для последующих династий — Юань, Мин и Цин» [5]. Некоторые китайские историки без всяких оснований причисляют династию Юань к обычным императорским династиям, каких было много в Китае. Они утверждают, что Хубилай обеспечил «мир» и «единение» ханьских и неханьских народов страны. Огромные размеры Юаньской империи, частью которой был Китай, в представлении китайского историка Бай Гана, да и других китайских авторов, оправдывают все бесчинства монгольских завоевателей на китайской земле [6]. Наконец, безудержно восхваляя деятельность Чингисхана, китайские историки утверждают, что созданное им «единое многонациональное государство» было якобы не феодальным, а рабовладельческим [7]. Это объясняется не недостаточным знанием исторических фактов, а скорее намеренным умалением степени социально-экономического развития Монголии в XIII—XIV вв.

Советские и монгольские ученые в ряде своих монографических исследований и обобщающих трудов, на основе неопровержимых фактов показывают несостоятельность такого рода утверждений некоторых китайских историков, в том числе их попытки отрицания различных этапов политической и экономической самостоятельности монгольского народа, идеализации правления Хубилая в Китае, стремление принизить вклад монголов в развитие мировой культуры [8]. Одним из таких трудов является вышедшая в 1973 г. в Улан-Баторе книга монгольского историка Чулууны Далая «Монголия в эпоху империи

Юань»[9]. Помимо этого исследования его перу принадлежит монография «Краткая история шаманства у монголов»[10], некоторые разделы упомянутой выше трехтомной «Истории Монгольской Народной Республики», а также несколько фундаментальных научных статей по средневековой истории Монголии и Китая, в том числе «Некоторые вопросы истории монголов в период Юань»[11], «Борьба за великоханьский престол при Хубилае и его преемниках»[12] и «Монголо-китайские отношения (XIII—XIV вв.)»[13]. Он — автор ряда монографий и статей, посвященных актуальным вопросам монголо-китайских отношений и истории КНР.

Настоящая работа Ч. Далая о Монголии XIII—XIV вв. представляет большой интерес прежде всего в силу того, что история собственно Монголии в период господства в Китае империи Юань (1260—1368), как отмечалось уже выше, оставалась до последнего времени сравнительно мало исследованной. Зачастую в монголоведческой литературе смешивались монгольские и китайские исторические события, а если речь заходила о Монголии, то главное внимание уделялось жизни и деятельности монгольских ханов, ноянов и их завоеваниям, в то время как деятельность самого народа, широких трудящихся масс, оставалась вне поля зрения.

Широко используя китайские и монгольские источники, глубоким знатоком которых он является, а также обширную литературу на русском, монгольском, китайском, английском и японском языках, Ч. Далай воссоздает наряду с общей политической обстановкой, сложившейся в монгольской империи после смерти Чингисхана, жизнь самого монгольского феодального общества на исконных землях монголов во всем ее многообразии — их хозяйство, политические, социальные и правовые институты, культуру. Особый раздел занимает анализ внешней политики монгольских великих ханов из рода Чингисхана, перенесших свою столицу в Пекин, названный по-монгольски Ханбалгасун (Ханский город).

Ч. Далай, скрупулезно следуя за источниками, делает глубокий социальный срез, вскрывает причину кризиса в среде самих монгольских феодалов, которые в период правления династии чингисидов Юань установили свое господство не только над Китаем, но и за его пределами. Он показывает тяжелую участь трудящихся масс самого монгольского народа и особенно покоренных чужеземными завоевателями народов, вскрывает причины падения империи Юань.

Свой главный вывод об обособленном существовании Монголии в XIII—XIV вв. и позднее Ч. Далай вполне подтверждает также событиями, последовавшими за падением Юаньской империи в 1368 г. и воцарением в Китае новой, теперь уже китайской, династии Мин (1368—1644). Это, как видно из монографии, вовсе не означало крушения государственности в Монголии. Династия монгольских великих ханов не была уничтожена. Они лишь потеряли часть территории и переместились в собственно Монголию. Общеизвестно, что минским императорам не удалось подавить свободолюбивый дух монгольского народа и расширить свои владения за счет монгольских земель. В результате они должны были смириться с фактически существующей традиционной границей между Китаем и Монголией по линии Великой китайской стены. Сама же Монголия осталась одним из значительных государств Азии, военные силы которого не уступали силам Минов. Только после маньчжурского нашествия монгольский народ потерял свою независимость и Монголия оказалась под властью Цинской империи.

Таким образом, исследование Ч. Далая, авторизованный перевод которого с монгольского языка на русский ныне публикуется в полном виде, является заметным событием в монголоведческой науке. Оно в то же время еще раз свидетельствует о том, что любые попытки принизить роль собственно Монголии в процессе исторического развития монгольского народа антинаучны и противоречат фактам. Неоднократно в тяжелые для монголов времена иноземного гнета районы расселения монгольских племен были надежным бастионом национального единства. Здесь собирались и сплачивались патриотически настроенные силы. Монголия всегда была подлинной сокровищницей духовных и материальных ценностей монгольского народа.

Формирование монгольской нации происходило на нынешней территории Монгольской Народной Республики в ходе политического и социально-экономического развития монголов, в непосредственной борьбе за сохранение своего суверенитета, против феодального Китая. Здесь развертывалось антицинское общемонгольское национально-освободительное движение, свергнувшее в 1911 г. владычество маньчжуров и приведшее к восстановлению национальной государственности. Однако подлинной независимости и свободы монгольский народ добился только благодаря победе народной революции в 1921 г., которая открыла путь к созданию Монгольской Народной Республики.

Б. П. Гуревич

ПРЕДИСЛОВИЕ

В послереволюционные годы в Монгольской Народной Республике было положено начало всестороннему изучению истории страны с древнейших времен до настоящих дней, что явилось важным шагом на пути успешного развития марксистской исторической науки в Монголии.

Достижения исторической науки в МНР непосредственно связаны с заботой и братской помощью ученых Советского Союза. В 1955 г. в результате совместной разработки вопросов истории монгольского народа советскими и монгольскими учеными был опубликован однотомник «История Монгольской Народной Республики», переизданный в 1966 г. С конца 70-х годов была продолжена работа над новым изданием этой книги. Расширенная трехтомная «История Монгольской Народной Республики», подготовленная монгольскими историками,— одно из крупных трудов отечественной историографии последних лет.

В настоящее время внимание монгольских историков сосредоточено на детальном изучении отдельных периодов истории Монголии. К такого рода значительным работам относятся монографии «Умарт хунну» («Северные сюнну») Ц. Дорджсурэна, «Эртний турэгууд» («Ранние тюрки. IV—VIII вв.») Н. Сэрод-жаба, «Хятан нар тэдний монголчуудтай холбогдох нь» («Кидани и их связи с монголами») Х. Пэрлээ, двухтомная «Халх товчоон» («Краткая история Халхи») Д. Гонгора, «Манжийн эрхшээлд байсан уеийн халхын хураангуй туух» («Краткая история Халхи периода маньчжурского владычества») и «Монголын феодализмын туухэн замнал» («Исторические пути монгольского феодализма») Ш. Нацагдорджа, «Богдо хаант монгол улс» («Монголия при богдо-хане») Ш. Сандага и др.

Монгольский ученый Н. Ишджамц, всесторонне изучив историю монголов за несколько сот лет, особенно в эпоху становления феодализма и складывания единого государства в Монголии, в 1972 г. создал труд, явившийся большим вкладом в историческую науку МНР. Ш. Бира в своей монографии впервые исследовал сложные вопросы монгольской историографии. С. Пурэвджав написал ценную работу «Монголын шашны хураангуй туух» («Краткая история монгольского буддизма»).

Хотя изучение истории монголов началось довольно давно и к настоящему времени монгольскими и зарубежными специалистами осуществлены многочисленные исследования в этой области, до сих пор почти отсутствуют работы, в которых бы всесторонне и последовательно анализировалась история монгольского народа в XIII—XIV вв.

В феодальной и буржуазной историографии господствовали две тенденции в освещении истории монголов данного периода. Одна из них заключалась в том, что история Монголии подменялась историей Китая, названного «Империей Юань»; другая же сводилась к тому, что деяния монгольских хаганов, их завоевания и внутренние распри выдавались за историю монголов данного периода. Только в годы, прошедшие после народной революции, подверглась переоценке история Монголии периода Юань. В частности, вопросы истории монголов указанной эпохи излагались с принципиальных позиций марксизма в статьях наших ученых, в однотомнике «История МНР» и некоторых главах учебников истории Монголии. В последнее время они рассмотрены на высоком теоретическом уровне в расширенной главе трехтомной «Истории МНР» — «Монголия в период династии Юань», написанной акад. Ш. Нацагдорджем. Публикуемая монография «Монголия в XIII—XIV вв.» представляет собой попытку продолжить упомянутые начинания.

Изучение истории монголов данного периода актуально и в настоящее время. Реакционные буржуазные ученые и китайские историки-националисты, рассматривая историю Монголии этого периода как придаток к истории Китая, поныне считают, будто в то время у монголов не было своего государства.

Что касается основной задачи этой работы, то она посвящена изучению положения в самой Монголии во второй половине XIII и в XIV в. Дело в том, что, хотя в то время монгольские завоеватели, покорившие Китай и другие государства Азии и установившие там свою власть, перенесли свою столицу в Китай и превратили его в центр политической жизни империи, монгольский народ на своей родной земле жил своей жизнью и был творцом собственной истории. В монографии «Монголия в XIII—XIV вв.», в которой кратко излагаются события, имевшие место в истории монголов в течение 100 с лишним лет — с 1260 до 1368 г., автор по возможности старался осветить изменения в государственном устройстве монголов того времени, их хозяйство, общественные отношения, классовое расслоение и классовую борьбу, государственные повинности, условия жизни народа, культуру, религиозные верования и другие вопросы.

В основу этой работы легли критически прочитанные автором многочисленные, в целом малоизученные китайские источники периода Юань, и прежде всего «Юань ши» («История династии Юань»), являющаяся важным памятником истории того периода.

Автором использованы источники главным образом на монгольском и китайском языках, а также на некоторых других иностранных языках. В ходе работы привлекались и относящиеся к теме исследования монгольских и иностранных ученых.

В заключение хочется выразить глубокую благодарность монгольским и советским ученым, ценные советы которых оказались полезными при написании этой книги.

ВВЕДЕНИЕ
ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ МОНГОЛИИ В XIII—XIV ВВ.

1. МОНГОЛЬСКИЕ ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Источники дают возможность проследить древние и современные этапы и периоды истории монгольского народа. Первоисточником по древнему и средневековому периоду истории монголов является и устная народная традиция.

У кочевых народов, в том числе и у монголов, исторические сведения сохранялись в виде устной традиции в не меньшей степени, чем у других народов. У монголов было обычным явлением заучивать наизусть и пересказывать целые исторические повествования. Так, хорошие знатоки легенд и улигеров — эпических поэм — могли рассказывать некоторые длинные улигеры несколько дней подряд или целый месяц. Устная традиция теперь, как и прежде, играет важную роль, и ценные исторические сведения и факты, не включенные в письменные памятники, можно почерпнуть в монгольском фольклоре.

В частности, очень трудно написать какую-либо работу о происхождении монгольских племен и родов без изучения устной традиции монгольского народа. Например, у западномонгольских племен захчинов и элетов до сих пор бытует обычай разбрызгивать первую пробу чая или молока, приговаривая: «Предки наши, найманы, и родственные нам трехреченцы!» Этот факт свидетельствует о том, что некогда предками захчинских и элетских родов были найманы и что они в то время находились в родственных отношениях с монголами Трехречья, т. е. бассейнов рек Онона, Толы и Орхона в Центральной Монголии. Те же западные монголы и сейчас напевают так называемый «Призыв к четырем ойратам», который был политической песней объединенных четырех ойратских родов в период борьбы против маньчжурских завоевателей. Таких важных сведений не встретишь ни в одном из письменных источников. И подобных фактов можно привести много.

Поэтому систематическое изучение народной устной традиции имеет действительно большое значение. Из великого наследия устной традиции народа мы можем почерпнуть редкие све-

дения, не зафиксированные в исторических трудах. В книге Ц. Дамдинсурэна «Антология монгольской литературы в ста лучших образцах» собраны произведения устного народного творчества — «Сказание о победе над тремястами воинами», «Спор мальчика-сироты с девятью урлюками Чингиса», «Изречения Чингиса», «История двух поучений Чингиса», «Плач Тогон-Тэмура» и многие другие редкие исторические материалы.

Помимо собственно источников и материалов по истории Монголии XIII—XIV вв. на монгольском языке существует немало исследований о них. Монгольские ученые довольно тщательно изучили источники и материалы, связанные с этой эпохой. В частности, они были исследованы при написании первого тома трехтомной истории МНР или в книгах Ш. Бира «Монголын туух бичлэг» («Монгольская историография»), Н. Ишджамца «Монголын нэгдсэн тор байгуулагдаж, монголд феодализм бурэлдэн тогтсон нь» («Создание единого монгольского государства и становление феодализма в Монголии»), Д. Гонгора «Халх товчоон» («Краткая история Халхи») и др. Нет необходимости останавливаться на уже изученных в этих трудах проблемах, скажу несколько слов только о тех немногих источниках, тесно связанных с исследуемым мною периодом, о которых необходимо дополнительно сообщить новые данные и соображения.

«Монгол-ун ни'уча тобча'ан», или «Тайная история монголов», представляет собой произведение, в котором зафиксирована вся история жизни и деятельности Чингисхана, а в конце текста приведены дополнения об Огодэй-хагане. В упоминаемых в китайских источниках монгольских сочинениях «Го-шу» («Книга истории государства»), «Го-ши» («История государства»), «То-би-чи-янь» (монг. «Тобчиян» — «Краткая история»), или «То-би-чань» («Тобчан» — «Краткая история») и «Го-шу то-би-чи-янь» («Книга истории государства — Тобчиян»), по-видимому, была пересказана почти вся «Тайная история монголов», причем «Го-шу» или «Го-ши», скорее всего была китайским переводом монгольской «Тобчиян». Китайский литератор Сюй Южэнь, усердно служивший династии Юань, писал: «То, что называется „Го-шу", есть „Тобчиян". [Последняя] секретна» [1]. Литератор Ян Вэйчжэнь, живший в период конца Юань — начала Мин, также указывал на то, что «Го-шу» и «Тобчиян» дублируют друг друга, а японский ученый Такасиро Кобаяси в своей книге «Исследование „Тайной истории монголов"» отмечает, что «Го-шу» и «Го-шу то-би-чи-янь» — по-монгольски «Монгол бичиг-ун тобчиян» («Краткая история на монгольском языке») — это одно и то же произведение и что под ними подразумевается монгольская «Тобчиян» [2].

Часто встречающееся в китайских источниках название «Го-шу» употребляется в значении «Книга истории монгольского государства». «Улус-ун бичиг-ун тобчиян», или «Монгол бичиг-ун тобчиян», представляет собой то же произведение, что «Тоб-

чиян», и иногда называется «Йэкэ тобчиян» («Великая краткая история»). Об этом сообщается в главе 181 «Юань ши». Ш. Бира отмечает, что тибетский историк Гунгадордж исследовал «Йэкэ тобчиян» при написании своей работы «Улаган дэбтэр» («Красная книга») [3].

В 1268 г. по указу Хубилай-хагана ученые начали записывать историю монголов всех периодов и стали называть ее «Монгол бичиг-ун тобчиян», или «Йэкэ тобчиян». В «Тайной истории монголов» зарегистрированы события VII — середины XIII в. и почти отсутствуют сведения о монголах XIII—XIV вв. Но при изучении политических институтов, социальных и экономических проблем рассматриваемого периода все же необходимо сличать их со сведениями «Тайной истории монголов». Из исследований, посвященных этому источнику, значительный интерес представляет работа японского ученого Такасиро Кобаяси.

«Правдивые записи» о монгольских хаганах, по-китайски «Ши-лу», в отличие от «Тайной истории монголов» содержали подробные описания деяний монгольских хаганов. «Правдивые записи» создавались в подражание традиционной манере составления «Ши лу» китайских императоров. В биографии чиновника Юй Цзи в «Юань ши» сказано: «Так как некоторые из „Правдивых записей" об императорских предках еще не были готовы, то [Юй Цзи] ходатайствовал, чтобы Академия литературы Хань-линь-юань и Академия государственной истории составили их. В тот период все управления и отделы представляли доклады о проверке и редактировании [записок] о деяниях [умерших императоров]. Чиновники Академии литературы сказали императору [по поводу ходатайства Юй Цзи]: „Правдивые записи" по закону нельзя передавать чужеземцам. Поэтому и [записки] о деяниях не должно показывать другим лицам". [Юй Цзи] еще ходатайствовал о том, чтобы „Тобчиян" на государственном языке была дополнена [описаниями] деяний [императоров] со времен Тай-цзу. Императорский докладчик Таш-Хайя сказал на это: „Нельзя передавать Тобчиян иностранцам!" Поэтому все это было прекращено» [4]. Из этого видно, что «Тобчиян» и «Правдивые записи» представляли собой два разных произведения, которые хранились в тайне.

Хотя в большинстве случаев «Правдивые записи» составлялись на китайском языке, оригинал их переводился на монгольский, представлялся хаганам и высшим монгольским чиновникам на чтение и таким образом подвергался проверке. Поэтому несомненно бывали случаи, когда данные записи могли считаться оригинальными сочинениями.

В равной мере очевидно из конкретной практики обращения с документами, освещающими деяния аристократии, что в «Правдивых записях» на монгольском языке были написаны абзацы о жизни хаганов, важных секретных делах или крупных мероприятиях, связанных с собственно Монголией. Поэтому

справедливо то, что мы рассматриваем «Правдивые записи» не только как китайский, но и как монгольский источник.

В известной работе Рашид ад-Дина сообщается, что интересное сочинение под названием «Алтан дэбтэр» («Золотая книга») хранилось во дворце монгольских ханов в Иране[5]. В некоторых китайских сочинениях отмечается, что в Монголии исторические работы назывались «синими, желтыми, красными, золотыми и белыми» только по цвету переплета. В журнале «Монголо-тибетский ежедекадник» указывалось: «В Монголии было много сутр и книг [в папках] пяти цветов. К сожалению, их осталось мало. Тем не менее несомненно, что много книг хранится в императорском зимнем дворце в Пекине»[6]. Некоторые историки считают, что «Золотая книга», видимо, представляет собой копию «Тайной истории». Как бы то ни было, несомненно, что «Золотая книга» была любопытным и содержательным сочинением по истории монголов. Впоследствии в Монголии появилось много подобных сочинений под названием «Алтан тобчи» («Золотая краткая история») или «Алтан дэбтэр» («Золотая книга»); в частности, известна современная «Алтан дэбтэр» Ш. Дамдина, продолжающая традиции «Золотой книги», упомянутой Рашид ад-Дином.

Наши историки писали о том, что в свое время существовала интересная работа «Хэ-линь гуан-цзи» («Обширные записки о Каракоруме») (в обратном переводе на монгольский — «Хара хорум-ун агуй тэмдэглэл»), в которой содержались подробные сведения о древней монгольской столице, впоследствии исчезнувшей. Эти данные были позаимствованы из главы 110 «Юань ши», переведенной на монгольский язык ученым Данда. Действительно, такие сведения имеются в этой главе «Юань ши». Там сказано: «Хэ-линь гуан-цзи до цзай го-чу чжи ши». Это место переведено Данда: «В „Хара хорум-ун агуй тэмдэглэл“ („Обширные записки о Каракоруме“) записано много событий начала существования государства». Перевод Данда верен. Но китайское слово «гуан», содержащееся в заглавии работы, имеет много значений, в том числе «широкий», «необъятный», «обширный». По китайскому словарю «Цы-хай» («Море слов»), древними значениями слова «гуан» еще были: «главное здание внутри дворца», «хранилище книг» и т. д. Поэтому «Хэ-линь гуан-цзи» может означать «архивные материалы, находившиеся в Каракоруме». В любом случае очевидно, что авторы «Юань ши» привлекли ценный монгольский источник под названием «Обширные записки о Каракоруме», или «Каракорумские архивные материалы».

В Монголии XIV в. было известно произведение под заглавием «Чаган тэукэ» («Белая история»). Оно также называлось «Дорбэн торо-йин арбан буйанту ном-ун чаган тэукэ» («Белая история учения о десяти добродетелях четырех установлений»). Подлинник рукописи, ныне хранящийся в Государственной биб-

лиотеке МНР, был дополнен и отредактирован в конце XVI в. Академик Ш. Нацагдорж, специально изучавший это сочинение, в 1958 г. опубликовал научную статью «Несколько слов о „Чаган тэукэ“».

«Чаган тэукэ», по-видимому, была написана в 80—90-х годах XIII в. В ней освещается история Монголии и приводятся биографии монгольских хаганов, правивших до Хубилая, а также говорится о соединении государства и религии при Хубилай-хагане. Поэтому при изучении истории монголов периода Юань совершенно необходимо прочитать это сочинение.

«Алтан хаган-у тугуджи» («Повествование об Алтан-хагане») — анонимное сочинение XVIII в. Рукопись его, написанная бамбуковым пером и состоящая из 54 листов, хранится в Хухэ-Хото. В этом труде, созданном в разгар распространения буддизма в Монголии, содержится очень важный материал для изучения общественных отношений и экономики монголов XIV—XVIII вв.

Как явствует из работы Лю Цзинсяо «Арбан гурба — арбан долдугар джагун-у монгол-ун тэукэ бичлэг» («Монгольская историография XIII—XVII вв.»), опубликованной в 1979 г. в Хухэ-Хото, в которой подробно разбирается «Алтан хаган-у тугуджи», в последнем встречаются новые сведения о мерах Алтан-хагана (1507—1582) по насаждению земледелия и огородничества и увеличению продукции животноводства в Монголии, о строительстве Хухэ-Хото, поощрении торговли и ремесел и др. В этом же сочинении мы находим интересное сообщение о заключении равноправного договора о мире между Монголией и китайской империей Мин в 1558 г.

Сочинение, названное «Юань дянь-чжан» («Установления династии Юань»), было создано в XIII в. В настоящее время его монгольский оригинал отсутствует, а сохранился только китайский. Некоторые ученые считают, что монгольский оригинал «Установлений династии Юань» может быть найден даже в наши дни. Действительно, в последнее время в разных районах страны обнаруживаются фрагменты текстов на древнемонгольском языке, которые, возможно, и являются оригиналом «Установлений династии Юань». Но пока учеными точно не установлено, что они относятся к оригиналу этого сочинения. Полный перевод китайского текста этой работы на монгольский язык находится в хранилище рукописей научной библиотеки Института истории АН МНР.

«Описание личных походов священно-воинственного [Чингис-хана]» написано в XIII в. монгольским ученым Чаганом, который был известным историком, отлично владевшим иностранными языками. В главе 137 «Юань ши» сказано, что Чаган по указу Буянту-хагана (1311—1320) перевел выписки из «Тобчиян» и своему переводу дал название «Шэн-у кай-тянь цзи» («Записка об открытии мира священно-воинственным [Чингис-ханом]»

(по-монгольски — «Богда багатур орчлунг нэгэсэн тэмдэглэл»). Это, возможно, и было «Шэн-у цинь-чжэн-лу» («Описание личных походов священно-воинственного [Чингис-хана]» по-монгольски — «Богда багатур бий-э-бэр дайлагсан-у тэмдэглэл». Хотя это произведение не было точной копией «Тайной истории монголов», но оно, по-видимому, представляло собой сочинение, написанное Чаганом в подражание ей. В период правления маньчжурского императора Кан-си (1662—1723) было опубликовано еще одно сочинение под тем же названием «Описание личных походов священно-воинственного».

Ученый Чаган читал на иностранных языках, грамотно писал по-китайски. В китайской исторической литературе он в большинстве случаев фигурирует под китайскими именем и фамилией Бай Юнь[7]. В китайских работах отмечается, что он был родом из Западного края (Си-юй). На наш взгляд, он скорее всего был монголом, так как в тот период многие известные монгольские политические деятели, начиная с полководца Баяна, жили в Западном крае. Из литературы известно, что существовала монгольская работа «Записка об истории умиротворения государства Цзинь Огодэй-хаганом», автором которой был Чаган, но она до сих пор не обнаружена.

В XIII—XIV вв. было написано очень много монгольских сочинений, но в редких случаях уцелевших и дошедших до нас. Монгольская литература неоднократно подвергалась уничтожению. Прежде всего при свержении монгольского господства в Китае значительное число монгольских книг и сутр, записок и документов было в буквальном смысле «растоптано конями минской армии». Можно вспомнить некоторые факты из этой области. Так, в последний период правления Тогон-Тэмура монгольский ученый Баян во время переезда на родину из китайской провинции Хэнань во главе нескольких сот семей столкнулся с солдатами повстанческой армии Чжу Юаньчжана. Баян и его жена были убиты, а многочисленные книги и сутры из его обоза сожжены китайцами.

Так как Баян получил прекрасное по тому времени образование, его называли «святым наставником учения»[8]. Он отредактировал «Цзинь ши» («История династии Цзинь»). Именно в момент гибели Баяна по всему Китаю распространялось воззвание «Убивай татар и жги книги на татарском языке!» Очевидно, в такой ситуации было уничтожено большое число монгольских книг и сутр. Также ходили слухи о том, что полководец Чжу Юаньчжана Сюй Да, взяв столицу империи Юань Ханбалгасун (совр. Пекин), осадил ханский зимний дворец и уничтожил массу книг. Когда в 1381 г. китайские войска под командованием Сюй Да вторглись в Ордос, они грабили население и сжигали монгольские книги.

Когда в 1410 г. войска минского императора Юн-лэ разрушили и сожгли город Каракорум, исчезли хранившиеся там цен-

ные исторические сочинения. По этим и другим причинам монгольские книги периода Юань стали большой редкостью и от той эпохи сохранились лишь отдельные произведения, спрятанные в свое время частными лицами.

В периоды правления императоров маньчжурской династии Цин Юн-чжэна (1723—1725) и Цянь-луна (1736—1796) продолжались эти преступные акции, сжигались и уничтожались монгольские книги. Об изъятии у населения и уничтожении монгольской литературы говорится в «Дун-хуа лу»: «Когда оказалось, что в эры правления императоров Юн-чжэна и Цянь-луна было напечатано много фальшивых монгольских сочинений, также собирали книги и сутры, хранящиеся в монгольских семьях, и взамен их выдавали буддийские сочинения».

Журнал «Монголо-тибетский ежедекадник» писал и по этому поводу: «В связи с тем что маньчжуры и китайцы не знали монгольского языка, они, не доверяя монгольским книгам и сутрам, сжигали их, собирая время от времени, и взамен их выдавали буддийские сутры. По этому вопросу на съездах по делам Монголии и Тибета постоянно затевались споры» [9].

Русский путешественник П. К. Козлов отмечал: «Китайцы неоднократно уничтожали все старые книги и сутры, записки и документы у монголов района Цайдама и Куку-Нора. Это продолжалось около 200 лет, а в самый последний раз в 1848 г. было сожжено очень много книг» [10].

Так в классовом обществе представители господствующего класса растрачивали и изымали памятники культуры, созданной народом. Реакционные представители китайских правящих кругов на протяжении длительного периода истории не раз пытались уничтожить наследие монгольской культуры.

Несмотря на полное господство феодальной идеологии в монгольском классовом обществе, в рассматриваемый период феодальная культура не была единственной. В противовес этой культуре, несмотря на крайне тяжелые условия, развивались и умножались творения народного разума. Хотя материалы по истории монголов уничтожались неоднократно, огромная сокровищница народной культуры не опустошалась.

Вплоть до 1921 г. у монголов была ограниченная возможность хранить по-хозяйски книги и другое культурное наследие. После создания МНР в результате победы народной революции монгольский народ стал обладателем огромного богатства и культурного наследия. В МНР была широко развернута работа по собиранию и хранению редких исторических сочинений, биографий и других исторических памятников. Были достигнуты большие успехи в этой области. В настоящее время в Государственной библиотеке Монгольской Народной Республики сосредоточено большое количество монгольских книг и сутр, документов и других редчайших материалов [11].

2. КИТАЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Обширные материалы, представляющие собой непреходящую ценность для изучения истории монголов XIII—XIV вв., имеются и на китайском языке.

Ученые неоднократно определяли китайские источники как наиболее значительные и важные памятники по истории Монголии [12]. Однако следует отметить, что достоверность источников, написанных на китайском языке, сомнительна, а поэтому нельзя пользоваться ими без всякой оценки и критики. Монгольский историк XVIII в. Рашипунцуг писал: «Не бывает, чтобы китайские писатели и мудрецы... уповая на мягкий кончик кисти, не восхваляли ловко свою страну и не унижали тонко чужие» [13].

Среди китайских источников XIII—XIV вв. известны многочисленные официальные династийные истории — «Ляо ши» («История династии Ляо»), «Сун ши» («История династии Сун»), «Цзинь ши» («История династии Цзинь») и «Юань ши» («История династии Юань»), а также «Си-ю лу» («Описание путешествия на Запад») Елюй Чуцая [14], «Мэн-да бэй-лу» («Полное описание монголо-татар») Мэн Хуна [15], «Бэй-сюнь сы-цзи» («Частная записка о путешествии на Север») Лю Цзи [16], «Бэй-ши цзи» («Записка о посольстве на Север») Угусунь Чжундуаня [17], «Си-ю цзи» («Записка о путешествии на Запад») Цю Чуцзи [18], «Лин-бэй цзи-син» («Записка о путешествии в Монголию») Чжан Дэхуэя [19], «Хэй-да ши-люэ» («Краткое описание дел черных татар») Пэн Дая [20], «Сун-мо цзянь-вэнь» («Увиденное и услышанное в Сунмо») Хун Хао [21], «Ху-цун бэй-син цзи» («Записка о путешествии на Север в составе свиты») Чжоу Боци [22] и другие многочисленные отчеты послов и путешественников.

В КНР обнаружено и изучается много редких сочинений и материалов, связанных с историей монголов XIII—XIV вв.[23]. В большинстве случаев это собрания сочинений китайских ученых-чиновников, усердно служивших монгольским хаганам или уклонявшихся от службы им, записки об отдельных местностях, городах, крепостях и т. д. Ознакомим читателя в качестве примера с некоторыми из них, прочитанными и использованными нами.

«Го-чао цзин-ши да-дянь» («Великие установления по управлению миром правящей династией»). В «Юань ши» отмечается, что этот труд создан группой ученых во главе с Юй Цзи в период правления Джаягату-хагана (1328—1332) [24]. Возможно, что составители «Юань ши» воспользовались этой книгой, китайский оригинал которой сохранялся до начала эпохи Мин (1368—1644). В рассматриваемой работе сообщалось об улусах Чагатая и Хулагу и Золотой орде и содержались сведения о том, что юаньские императоры издавали законы и инструкции по управлению этими улусами. Были приложены подробные карты тер-

риторий указанных трех улусов. Раздел «Географическое описание» в «Юань ши» написан на основании соответствующей части той же книги.

В работе Юй Цзи «Дао-юань сюэгулу» («Записи об изучении старины Дао-юаня») содержатся интересные сведения о создании «Го-чао цзин-ши да-дянь»[25]. Так, в главе 5 мы находим любопытную статью под заглавием «Записка, сделанная предисловием к „Го-чао цзин-ши да-дянь“». В ней говорится о том, что во 2-м году периода правления Тянь-ли (1329) по указу императора начала составляться расширенная история империи и что она была названа «Го-чао цзин-ши да-дянь». Книга была написана совместно монгольскими и китайскими учеными. Во 2-ю луну 1-го года Чжи-шунь (1330) началось составление сочинения по истории империи Юань. В написании книги участвовали Дархан, Эл-Тэмур[26], Алин-Тэмур[27], Худа[28], Сая, Ариун, Дорой[29] и другие монгольские сановники. Она была начата 16-го дня 4-й луны 1-го года Чжи-шунь (май 1330 г.), закончена 1-го дня 5-й луны 2-го года Чжи-шунь (июнь 1331 г.) и преподнесена императору. Написанное по образцу официальных историй империи, это сочинение было разбито на шесть разделов — «Небо», «Земля», «Весна», «Лето», «Осень» и «Зима»[30]. Оно создавалось под непосредственным контролем Академии государственной (т. е. монгольской) истории.

«Юань-чао мин-чэнь ши-люэ» («Краткие биографии знаменитых чиновников династии Юань»), включающие 15 глав, составлены китайским историком Су Тяньцзюэ[31]. В этой работе содержатся биографии 47 монголов и китайцев, в том числе 39 китайских военных и ученых, находившихся на службе у монгольской династии. Но среди них нет южных китайцев. При написании книги автор воспользовался надписями на могилах, семейными архивами и некоторыми официальными документами и сочинениями. При создании «Юань ши» Сун Лянь и Ван Вэй привлекали рассматриваемую работу.

Текст биографии Мухали в «Юань ши» свидетельствует о том, что отдельные места ее дословно списаны с упомянутой книги.

Сохранилось много изданий этого произведения, являющегося ценным источником периода Юань, но некоторые его издания XVII—XIX вв. содержат ошибки. Отдельные китайские историки не удостаивают внимания эту работу, считая, что в ней описываются дела чиновников-изменников, служивших монгольской династии, и недооценивают значительность ее содержания. Хотя она написана с точки зрения интересов господствующих классов, она представляет собой важный источник по истории монголов XIII—XIV вв. Для использования в качестве источника наилучшим является издание 1962 г. в трех книгах с предисловием профессора Нанкинского университета Хань Жулиня[32].

«Нань-цунь чжо-гэн лу» («Записи, сделанные во время перерыва в пахоте в южной деревне») — сборник литературных произведений, написанных историком XIV в. Тао Цзунъи[33]. В частности, в нем рассказывается о том, как монголы опустошили поля на севере Китая и заброшенные земли превратили в пастбища для своих стад. Поэтому автор и назвал свое произведение «Нань-цунь чжо-гэн лу» («Записи, сделанные во время перерыва в пахоте в южной деревне»). В сборнике содержится богатый материал для изучения обычаев, нравов и родственных отношений монголов. В нем также помещены сведения об указах и декретах монгольских хаганов, 72 монгольских родах, раскопках могил сунских императоров и обширный материал, не зарегистрированный в других исторических источниках. Очевидно, исследователь истории монголов XIII—XIV вв. не может пройти мимо этой книги. Однако в ней встречается немало мест, где преувеличиваются отрицательные явления в истории монголов и принижаются положительные. Отсюда необходимо критическое отношение к этой работе.

«Дяоюй-чэн цзи» («Записка о городе Дяоюй») — книга неизвестного автора, имеющая важное значение для истории монголов. В ней излагаются события, происходившие в период с 1231 г., когда монголы заключили договор с государством Южная Сун о «совместной войне с государством Цзинь», по 1279 г., когда монголы захватили всю территорию Южных Сунов. Характерно, что ход войны в Сычуани, где монгольские войска вели бои около десяти лет, изложен гораздо четче, чем в любом другом сочинении. В книге помимо сообщений о боеспособности монгольской армии и состоянии ее вооружения и состава подробно описаны места смерти монгольских хаганов. В работе также содержатся сведения о том, как жители защищали город от завоевателей, восстанавливали и строили стены и укрепления, как они выкопали 92 глубоких колодца для длительной обороны, и другой интересный материал[34].

«Ши-линь гуан-цзи» («Обширные записки Ши-линя») — книга, написанная юаньским литератором Чэнь Юаньцзы. Она представляет библиографическую редкость. В ней содержится много рисунков, в том числе два рисунка, воспроизводящие повседневную жизнь монгольской семьи XIII в. На них изображены монгольские юрты, их внутреннее убранство, одежда и т. д. Кроме того, в работе сообщается о некоторых китайских книгах, переводившихся тогда на монгольский язык. В ней приводятся 100 родовых названий, написанных квадратным алфавитом. Поэтому следует рассматривать эту книгу как один из источников по истории монголов эпохи Юань.

«Пин Сун лу» («Описание умиротворения Сунов»), состоящее из трех глав, написано Лю Миньчжуном[35] (авторами также называют Янь Шань и Пин Цинань). В нем показаны главным образом боевые действия монгольской армии против госу-

дарства Южная Сун. Содержатся также некоторые важные указы Хубилая (1260—1294) и Тэмура (1294—1307), панегирик полководцу Баяну, завоевавшему Южный Китай, и другие сведения, отсутствующие в таких источниках, как «Юань ши».

«Хуан Юань чжэн мянь лу» («Описание карательного похода священной династии Юань против Бирмы») и «Чжао бу цзун-лу» («Накопленные и систематизированные общие описания») — родственные сочинения безымянных авторов. В них много редких сведений по истории монголов той эпохи.

«Цю-цзянь сянь-шэн да-цюань вэнь-цзи» («Большое и полное собрание сочинений господина Цю-цзяня»), состоящее из 100 глав, представляет собой сборник трудов Ван Юня[36], китайского чиновника, находившегося на службе у монгольской династии при хаганах Хубилае и Тэмуре. В нем имеется важный материал об исторических событиях, происходивших в периоды правления Хубилая и Тэмура, и многочисленные сведения, отсутствующие в «Юань ши». В этом сборнике также помещены полные тексты отчетов о путешествиях Чжан Дэхуэя и Угусунь Чжундуаня в Монголию.

«Му-ань цзи» («Собрание сочинений Му-аня»), состоящее из 36 глав, принадлежит литератору Яо Сую[37], жившему между 1239 и 1310 гг. В сборнике встречаются чрезвычайно редкие сведения по истории монголов эпохи Юань. Например, в главе 14 содержится любопытное сообщение о том, что монголы того времени с осуждением говорили между собой о своем хагане. В нем также имеются указы Хубилая и Тэмура, описания съездов хаганов и высшей знати в ханской летней столице Шанду и другие исторические материалы.

«Вэнь-шань цзи» («Собрание сочинений Вэнь-шаня») — работа Вэнь Тяньсяна[38], возглавлявшего посольства Южных Сунов в Монголию. Составлена в виде сборника различных литературных произведений. В своих сочинениях помимо подробного пересказа договоров и переговоров Сунов с монголами писатель сообщает о том, что монголы арестовывали сунских послов, бросали их в тюрьму и подвергали допросам, а также о дворцах монгольского хагана, о военных учениях в монгольской армии и другие интересные подробности. Кроме того, в сборнике неоднократно критикуется трусливая политика сунских императоров.

В Китае распространено много народных преданий о Вэнь Тяньсяне. Там он считается национальным героем-борцом против иноземных захватчиков. В 1962 г. в Пекине была опубликована брошюра «Вэнь Тяньсян» историка Чэнь Цивэя. В ней Вэнь Тяньсян рассматривается как патриот и национальный герой. Но за последнее время некоторые китайские историки почему-то открещиваются от этой версии, отражающей историческую правду.

«Гуй-чжай вэнь-цзи» («Собрание сочинений Гуй-чжая») —

труд Оуян Сюаня[39], который вплоть до периода правления Буянту-хагана (1311—1320) состоял чиновником в Академии истории. В сборнике его сочинений содержатся тексты некоторых важных указов Хубилая, Тэмура, Хайсана (1307—1311) и Буянту-хагана, сообщения о политике монгольских хаганов по отношению к южным китайцам (о том, что Хубилай-хаган собирал монгольских и китайских ученых и беседовал с ними и что были созданы монгольская и китайская академии истории, в которых ученые писали исторические труды), а также биографии некоторых полководцев и тысячников монгольской армии, сведения об отправке послов для отыскания могил сунских императоров и др.

«Цзюлиншань фан цзи» («Собрание сочинений из дома на горе Цзюлиншань»), состоящее из 30 глав, является сборником сочинений историка конца периода правления Тогон-Тэмура (1333—1370) Дай Ляна[40]. Сочинения, написанные в стихотворной форме, содержат много интересных сведений о восстаниях китайского народа против монгольского господства и отзыве монгольских чиновников из Южного Китая Тогон-Тэмуром, напуганным размахом восстаний. Автор также пишет о том, как люди скрывали в горах книги и сутры, и о горькой участи беженцев.

«Цин-цзян Бэй сянь-шэн цзи» («Собрание сочинений господина Бэя из Цин-цзяна»), состоящее из 30 глав, принадлежит перу китайского историка Бэй Цюна[41]. В этой книге содержатся материалы, относящиеся к событиям конца периода Юань — начала Мин (1368—1644). Они представлены биографиями китайских ученых периода Юань, надписями на могилах, некоторыми статьями на исторические темы и другими произведениями. Кроме того, в сборнике встречаются сведения по истории монголов разных эпох, начиная с Тан (618—907), и особенно периода Цзинь (1115—1234). Во второй главе помещена большая историческая статья под заглавием «Биография господина Тэ Цуя»[42], в которой приводятся материалы о взаимоотношениях между Цзинь и монголами и важные сведения по истории киданей.

«Линь-чуань вэнь-цзи» («Собрание сочинений Линь-чуаня») — китайского ученого периода правления Хубилай-хагана Хао Цзина. В главе 32 этого сборника, богатого сведениями по истории монголов, напечатан весь текст статьи «Предложения об управлении государством», ставшей схемой организации политических институтов в период династии Юань.

«Ши-тянь цзи» («Собрание сочинений Ши-тяня») — труд Ма Цзучана, ученого середины эпохи Юань[43]. В книге встречаются материалы, относящиеся к монгольской экономике: о повинностях и налогах, о скотоводстве — кочевках и стойбищах, и др.

«Цин-жуй цзюй-ши цзи» («Собрание сочинений ученого на покое Цин-жуя»), состоящее из 50 глав, включает в себя про-

изведения, написанные Юань Туном[44]. В этом труде подробно излагаются события, имевшие место в периоды правления монгольских хаганов Хайсана (1307—1311), Аюурбарибады (1311—1320), Шидэбалы (1320—1323) и Есун-Тэмура (1323—1328). Автор пишет о Монголии в своей статье «Предложения о Северном крае», помещенной в сборнике.

На наш взгляд, на этом перечень подобных произведений можно закончить. Мы познакомили читателя только с частью из них, которые нами изучены при написании настоящей монографии.

Далее перейдем к «Юань ши» («Истории династии Юань»)[45], являющейся самым главным источником при изучении истории династии Юань.

«Юань ши» представляет собой обширный труд, основной китайский источник для изучения истории монголов XIII—XIV вв. Он был написан совместно более чем 30 китайскими учеными под общим руководством Сун Ляня и Ван Вэя в начале эпохи Мин.

Коллективная работа по написанию истории династии чингисидов была начата в период правления Хубилай-хагана. Минские историки составили «Юань ши» на основании подготовленных в период Юань оригинальных дворцовых материалов в «Ши-лу» 13 монгольских ханов. Материалы были захвачены полководцем Сюй Да[46] в качестве военных трофеев при занятии столицы империи в 1368 г.

Коллектив авторов создал «Юань ши» в двух вариантах. Начав работу над первой редакцией во 2-ю луну 2-го года Хун-у[47] (1369), авторы закончили ее через 180 дней, или в 8-ю луну того же года. Затем сбор оригинальных материалов продолжался до 2-й луны следующего (1370) года[48]. Известно, что составление «Ши-лу» о деятельности Тогон-Тэмура велось в спешном порядке[49]. Продолжив работу над второй редакцией во 2-ю луну 3-го года Хун-у (1371), авторы завершили ее в конце 7-й луны (август 1371 г.). Обширная и трудная задача по написанию политической истории монгольской империи за 165 лет от Чингисхана до периода правления Тогон-Тэмура была выполнена всего за 331 день.

Рассматривая внутреннюю организацию и структуру «Юань ши», можно видеть, что она разбита на разделы: «Бэнь-цзи» — «Основные записи» (основная летопись событий) — 47 глав, «Чжи» — «Описания» (описания географии империи, административной системы, состояния государственной экономики и т. д., вплоть до астрономических явлений) — 58 глав, «Бяо» — «Родословные таблицы» (родословные хаганов и знати в виде таблицы) — 8 глав и «Ле-чжуань» — «Биографии» (биографии представителей знати, известных чиновников, полководцев и ученых) — 97 глав. Всего в ней насчитывается 210 глав.

Существует много изданий «Юань ши». По мере того как

первое издание ее периода Хун-у династии Мин все больше становилось библиографической редкостью, она переиздавалась. При каждом новом ксилографическом издании неизбежно появлялись ошибки в тексте. Особенно обильны они в изданиях конца эпохи Мин и периода Цин. В издании «Бо-на-бэнь», которым мы пользуемся, представлен текст без погрешностей, основанный на многих сличенных между собой предыдущих публикациях. В КНР в 1958 г. версия «Юань ши» периода Хун-у была выпущена шанхайским издательством «Шанъу иньшугуань» в двух томах фотолитографическим способом уменьшенным форматом. Оно считается наилучшим переизданием текста «Бо-на-бэнь».

Для того чтобы досконально изучить содержание этого исторического источника, включающего обильнейший материал, требуется длительный и кропотливый труд. По всей видимости, монголы, овладевшие в совершенстве древним китайским языком, имеют большие возможности в этой области. Известно, что китайскому историку Цзянь Дасиню так и не удалось полностью проникнуть в содержание «Юань ши», хотя он тщательно штудировал ее до 77-летнего возраста. Действительно, весьма затруднительно до конца проанализировать это всеобъемлющее произведение. Однако ныне исследование этого труда развертывается во всем мире. В МНР достигнуты немалые успехи в этом направлении.

Хотя сравнительно давно ведутся исследования «Юань ши», но, кроме МНР, в других странах пока еще нет полного ее перевода. Существуют предположения о том, что «Юань ши» была переведена на монгольский язык в период Мин, но это до сих пор не подтвердилось. Нет никаких оснований считать, что в Монголии не уделяли внимания «Юань ши» и не изучали ее в течение почти 270 лет, когда страна после хагана Тогон-Тэмура соседствовала с китайской империей Мин. Несомненно, и в тот период этот труд был переведен на монгольский язык и использовался учеными. К сожалению, перевод «Юань ши» того времени до сих пор не найден.

В 1-м году эры правления Шунь-чжи династии Цин (1644) был издан сокращенный перевод «Юань ши» на маньчжурский и монгольский языки ксилографическим способом в 600 комплектах[50]. Насколько теперь нам стало известно, эти два сокращенных варианта «Юань ши», возможно, были первыми ее переводами на иностранные языки. Позднее появилось много монгольских переводов отдельных глав «Юань ши» или кратких пересказов основных идей того или иного раздела.

В Европе перевод «Юань ши» начал осуществляться в XIX в. Более ста лет тому назад русский китаевед Н. Я. Бичурин перевел первые четыре главы «Юань ши» на русский язык[51]. Это было началом изучения истории династии Юань на Западе. В первой половине XX в. главы 93, 94, 102, 107 и 108-я «Юань

ши» были переведены на французский и английский языки. Из них три главы изданы на французском Л. Анби[52].

Ученый МНР Чимидийн Дэмчигдоржи[53] (1863—1932) полностью (210 глав) перевел «Юань ши» на монгольский язык. Литературное имя Ч. Дэмчигдоржи — Данда. Его книги и переводы по традиции подписываются именем Ч. Данда. Известный китаевед, он получил в свое время прекрасное образование, был действительным членом Комитета наук МНР. Данда начал работать над переводом «Юань ши» в 1917 г. В 1920—1923 гг. он временно занялся литературным трудом, одновременно внося исправления в рукопись своей монгольской версии «Юань ши». Возобновив работу над переводом «Юань ши» в 1923 г., он закончил его в 1928 г. Таким образом, он один перевел «Юань ши», состоящую из 210 глав, в течение семи-восьми лет.

Руководство Комитета наук МНР по монгольскому обычаю послало переводчику тушу барана, кувшин монгольской водки-архи и цветной хадак (полоска шелковой ткани, преподносимая почетным лицам в знак особого уважения) с выбранными специально для этой цели людьми — Базаром, Монкэ и Гуром — в честь успешного завершения перевода «Юань ши». Таким образом было выражено большое уважение ученому Ч. Данда.

Рукопись перевода «Юань ши», выполненного Ч. Данда в двух экземплярах, ныне хранится в Государственной библиотеке МНР и является настольной книгой для ученых при исследовании истории монголов XIII—XIV вв.

Хотя оригинал, с которого переводил Ч. Данда, не был изданием «Бо-на-бэнь» (являвшимся наилучшим), его перевод сделан добротно. В совершенстве владея китайским, японским, тибетским и маньчжурским языками, он использовал однородные материалы на этих языках для сличения их между собой. Очевидно, Данда, переводя «Юань ши» по искаженному изданию, использовал также «Юань ши юй-цзе» («Объяснение слов, встречающихся в „Юань ши"»[54]), опубликованное в период правления Цзя-цин (1796—1821). В переводе Данда монгольские имена приводятся в тех же формах, что и в «Юань ши юй-цзе». Кроме того, Данда позаимствовал формы имен из «Тайной истории», «Алтан тобчи» («Золотая краткая история»), «Эрдэни-йин тобчи» («Драгоценная краткая история») и других исторических трудов.

Ч. Данда занимался переводом «Юань ши» один, без помощников или людей, которые бы проверяли и редактировали перевод по частям. И каким бы выдающимся переводчиком ни был Ч. Данда, разумеется, нельзя считать, что в его работе нет никаких упущений и ошибок. В некоторых местах рукописи от двойного имени оставлено переводчиком только одно, а термины, которые следовало бы переводить, переданы в транскрипции. Например, им позаимствованы такие китайские термины и названия, как «хуан-ди» («император»), монг. «эджэн хаган»;

«хуан-тай-цзы» («наследник престола»), монг. «хаган-у кобэгун»; цзинь-ван («родовитый князь»), монг. «иджагур-ун ван»; «тай-цзы» («царевичи»), монг. «хаган кобэгуд»; «цинь-ван» («князь — родственник императора»), монг. «угсагаа торол-ун ван;» «Хэлинь лу» («лу Каракорум»), монг. «Хара хорум джам»; Ся го (Тангутское государство), монг. Тангуд улус. Однако Ч. Данда, возможно, так передавал имена и термины потому, что старался употреблять ставшие традиционными их формы из прежних переводов и словарей.

Из-за отсутствия научных примечаний к тексту или отдельным словам при чтении перевода Ч. Данда встречаются трудности. К тому же этот перевод существует только в рукописи и лишь в двух экземплярах, следовательно, недоступен многим исследователям. Учитывая такое положение, целесообразно было бы выполнить подлинно научный перевод «Юань ши» с подробным научным комментарием и издать его.

У монголов богатая историческая традиция переводить наилучшие произведения иностранных авторов на свой родной язык. Эта традиция поможет нашим монгольским ученым издать «Юань ши» в переводе с подробными научными комментариями.

Существует много сокращенных монгольских переводов «Юань ши» и других монгольских исторических работ, созданных авторами под тем же заглавием — «История династии Юань». Необходимо, между прочим, отметить, что в печатне[55] и типографии[56], находившихся во Внутренней Монголии, широко практиковалось издание подобных книг по истории монголов на монгольском языке.

«Юань ши» по сравнению с другими китайскими источниками обладает одной интересной особенностью. В некоторых местах ее порядок слов и словосочетания сходны с монгольским. Такое же наблюдение было сделано японским ученым Ивамурой Синобу, много лет тщательно исследовавшим «Юань ши».

Как сказано выше, редко встречается такая всеобъемлющая работа по истории Монголии, как «Юань ши», имеющая огромное значение для изучения истории монголов XIII—XIV вв. Раньше, читая «Юань ши», монгольские и иностранные ученые сосредоточивали все внимание на ее научной ценности и в очень немногих случаях относились к ней критически. Поэтому здесь непременно следует сказать о недостатках этого сочинения. От критического рассмотрения ошибок, содержащихся в ней, само собой разумеется, не утратится ее ценность и не сведется на нет ее значение. Прежде чем остановиться на недостатках «Юань ши», необходимо кратко упомянуть о положении общества времени ее составления и о китайских ученых, которые руководили работой по ее написанию.

Что касается положения в обществе в период составления «Юань ши», то это было время, когда в Китае только что пала

политическая власть монгольских завоевателей и устанавливалась власть династии Мин. В этот период представители класса феодалов в Китае по всей стране старались как можно больше навредить политической репутации династии Юань. Иначе говоря, это был период, когда еще не разрядилась атмосфера, в которой началось движение против монголов под такими лозунгами, как «Бей татар (т. е. монголов.— *Ч. Д.*) всюду, жги повсеместно бумаги с татарскими письменами!» и «Поднимемся дружно и перебьем татар 15-го дня 8-й луны!» [57].

В таких условиях китайские ученые, авторы «Юань ши», и не стремились найти и использовать первичные материалы на монгольском языке. В книге китайского историка Цзинь Юйфу «История китайской исторической науки» написано об этом: «Так как при династии Юань у кормила государственной власти стояли монголы, то минские ученые рассматривали их историю с точки зрения иностранцев и не обращали внимания на материалы на родном их монгольском языке. Это неизбежно оказало влияние на написание „Юань ши"» [58].

Сун Лянь [59] и Ван Вэй [60], руководившие работой по составлению «Юань ши», жили в конце Юань — начале Мин. Несмотря на то что хаган Тогон-Тэмур вызвал Сун Ляня ко двору для работы в Управлении государственной истории, последний решительно отказался служить монгольской династии и бежал на гору Дунминшань на юге Китая. Он жил на этой горе более десяти лет и написал там много сочинений. Первый император династии Мин, Чжу Юаньчжан, дал ему аудиенцию и назначил его старшим чиновником в Дворцовое историческое управление. Ван Вэй также не согласился быть на службе династии Юань и, скрываясь на горе Цинъяньшань в Южном Китае, писал свои произведения. Он вместе с Сун Лянем был поставлен старшим чиновником Дворцового исторического управления.

«Юань ши» была написана за короткий срок в спешном порядке. При коллективной работе над ней авторы не только не привлекали монгольские материалы вроде секретной истории монгольских хаганов «Тобчиян» («Краткая история»), но и почти не пользовались известными записками Мэн Хуна, Чаи-чуня, Пэн Дая и Чжан Дэхуэя.

Помимо того что в «Юань ши» присутствует общий для всех китайских династийных историй недостаток, заключающийся в том, что она написана не как история империи, а как история императоров, и не как история народа, а как история господствующего класса, в ней имеются и другие погрешности. Авторы, не знавшие монгольского языка и не понимавшие истории, жизни и нравов монголов, неправильно транскрибировали монгольские имена и термины, передавали имя одного и того же лица в двух различных формах или дважды писали биографию одного и того же деятеля.

В «Юань ши» почти не упоминается о политической геогра-

фии и населении Монголии, тогда как те же вопросы, относящиеся к Китаю, освещаются подробно. Но в ней часто встречаются сообщения о многочисленных случаях голода в Монголии и перевозках зерна из Китая.

В XIII—XIV вв. монголы строили города в Китае, рыли оросительные каналы и сеяли хлеб, налаживали государственную ямскую службу и развивали пути сообщения. Они внедряли свой опыт содержания скота и разводили в Китае крупный рогатый скот и лошадей. Правда о такой деятельности монголов полностью замалчивается в «Юань ши». Авторы последней также проходят мимо сочинений Хархасуна, Баяна, Чагана, Тогона, Ариуна, Шадзгая, Алин-Тэмура, Таш-Хайя, Тог-Тэмура и других монгольских литераторов и ученых, которые прославились в ту эпоху своей ученостью.

Нетрудно заметить, что авторы «Юань ши» выражают националистические идеи, искажая историческую правду о монгольской империи. Относя к периоду правления династии Юань даже события, происходившие до 1260 г., когда Хубилай узурпировал престол великого хана монгольской империи, и до 1271 г., когда империя получила новое название, они всячески «китаизируют» историю монголов, присваивая хаганам — предшественникам Хубилая отсутствовавшие у них китайские титулы и излагая их деятельность в манере китайских династийных хроник. По их мнению, вся история монголов с 1206 по 1368 г. представляет собой историю Китая.

Многие китайские историки, изучавшие «Юань ши» с различных позиций начиная с Сун Ляня и Ван Вэя и кончая Кэ Шаоминем, писали свои труды в таком же духе. Только Ту Цзи, известный специалист в области истории монголов периода Цин, «уступает» часть истории Монголии XIII в. самим монголам, хотя и для него бесспорно, что династия Юань была китайской династией и что Хубилай был «китайским императором». Например, он в своей книге «Мэн-у-эр ши-цзи» («Исторические записки о монголах») писал: «Границы истории монголов очень широки. Если говорить о династии Юань, то это события, имевшие место после того, как Хубилай стал императором Китая. События со времен Чингисхана до начала правления Хубилай-хагана или происходившие в трех других монгольских улусах не относятся к истории династии Юань. Чингисхан назвал свои владения Монгольским государством, а Хубилай только в 1271 г. создал династию Да Юань (Великая Юань)»[61].

Некоторые китайские историки совершенно правильно отмечали недостатки «Юань ши». Так, Цянь Дасинь писал: «В древности и ныне сроки написания династийных историй никогда не были такими короткими, как при составлении „Юань ши“. Одновременно никогда не выходили династийные истории, подобные „Юань ши“ по ошибкам и погрешностям»[62]. Историк периода правления Цзя-цин (1799—1820) Вэй Юань отмечал:

«Самым большим недостатком „Юань ши“ является то, что [слишком кратко изложена история] периодов правления четырех ханов — предшественников Хубилая. Биографии некоторых заслуженных чиновников, отличившихся при основании монгольской династии, опущены»[63]. Ли Сычунь в своей книге «Юань шисюэ» («Историография династии Юань») писал: «„Юань ши“ не была вычитана полностью из-за того, что китайские ученые, составлявшие ее, не знали монгольского языка, и из-за того, что у господ Суна и Вана, осуществлявших общую редакцию ее, ухудшилось зрение на склоне лет. Нет таких династийных историй с ошибками и погрешностями, как „Юань ши“, написанная менее чем за год»[64].

Многие иностранные ученые, в том числе китайские историки, указывали на необходимость исправления ошибок в «Юань ши». Хотя известно сообщение о том, что историк периода правления минского Тай-цзу (1368—1398) Цзэ Цзинь исправил ошибки, содержавшиеся в «Юань ши», но такое исправленное издание пока не обнаружено. Таковы те несколько соображений, которые я хотел высказать о «Юань ши». Ученые, изучающие этот источник, при работе над ним должны обращать внимание на возможные в тексте ошибки и погрешности.

Совершенно необходимо также упомянуть китайские работы, непосредственно связанные с «Юань ши», которые являются, по сути дела, солидными исследованиями и которые надо читать изучающим историю монголов эпохи Юань, хотя они не относятся к источникам.

«Юань ши лэй-бянь» («Классифицированная история династии Юань»), состоящая из 42 глав, принадлежит перу историка периода правления Канси (1662—1723) Шао Юаньпина[65]. Она включает два раздела — Основные записи и Биографии. В ней имеется много ошибок, особенно в монгольских именах, которые записаны в непонятной транскрипции. Книга представляет собой первую попытку исправить и дополнить «Юань ши».

Известны «Юань ши шэ-и» («Собрание прóпусков в „Юань ши“»), «Юань ши као-и» («Исследования противоречий в „Юань ши“») и другие подобные работы Цянь Дасиня[66]. В этих двух сочинениях внутренние противоречия «Юань ши», хотя и не все, но в значительной части, исследованы и устранены.

«Юань ши синь-бянь» («Новая книга „Юань ши“»), состоящая из 95 глав,— сочинение историка периодов правления Цзяцин и Дао-гуан Вэй Юаня[67]. Автор помимо исправления ошибок, содержащихся в «Юань ши», стремился написать монгольские имена в правильной транскрипции. Это один из тех авторов, которые сводят историю монголов к истории империи Великая Юань. Но его произведение служит важным пособием для изучения «Юань ши».

«Юань-дай бэй-цзяо чжу-ван чжуань» («Биографии князей Северного края эпохи Юань») и «Као-дин юань-дай бэй-фан»

(«Исследование районов Севера в эпоху Юань») — труды историка Хэ Цютао[68]. Они служат ценными пособиями для чтения «Юань ши» и особенно необходимы при изучении географического описания империи, содержащегося в «Юань ши».

«Юань шу» («История Юань»), состоящая из 102 глав, историка эпохи Цин — Цзэн Ляня, является компиляцией сочинений предшественников.

«Юань ши и-вэнь чжэн-бу» («Исправление и дополнение Юань ши переводными текстами»), состоящая из 30 глав,— труд историка эпохи Цин — Хун Цзюня[69]. Он написал эту работу после ознакомления с сочинениями по истории монголов на арабском, персидском, русском, французском, английском и немецком языках. Большинство материалов в его книге — переводы. Хун Цзюнь первым из китайских историков привлек иностранные источники для изучения «Юань ши».

«Мэн-у-эр ши-цзи» («Исторические записки о монголах»), состоящие из 160 глав, автор — Ту Цзи. Писатель, начитанный в монгольской литературе, превзошел своих предшественников в использовании монгольских источников и материалов. В то же время он решительно включил в историю династии Юань истории всех монгольских хаганов — предшественников Хубилая. В своей работе он охватил события времен Чингиса, Джочи, Огодэя и Монкэ и назвал ее «Исторические записки о монголах», считая это название более подходящим, чем «История династии Юань». Ту Цзи излагает действительное положение на основе остроумного и тонкого анализа исторических фактов. В этом труде содержатся новые интересные сведения о найманах, кэрэитах, тайчиутах и других монгольских племенах, а также о Таян-хане и Ван-хане.

«Синь Юань ши» («Новая история династии Юань»), содержащая 257 глав,— труд историка гоминьдановского Китая, специалиста в области истории монголов Кэ Шаоминя. Автор упорно работал над ней в течение 30 лет. В 1930 г. это произведение было закончено и в 1935 г. впервые опубликовано издательством «Каймин шудянь» в Пекине. Книга написана на основе трудов историков предшествующей эпохи, так или иначе изучавших «Юань ши». Можно рассматривать ее как итоговое исследование цинского периода, посвященное «Юань ши». Нет оснований считать ее настоящим источником, могущим стать основой исследования, а не только пособием. Главный недостаток этой работы состоит в том, что автор не называет использованных источников, поэтому неясно, откуда почерпнуты им те или иные сведения.

3. ИСТОЧНИКИ НА ДРУГИХ ЯЗЫКАХ

В странах Азии и Европы существуют многочисленные источники и материалы по истории монголов. Наряду с некото-

рыми из них, изученными в той или иной мере, имеются еще и не исследованные.

Материалы на арабском, персидском, армянском, русском и европейских языках занимают важное место в изучении истории монголов XIII—XIV вв. Историки прошлого в достаточной степени исследовали их. В частности, источники на русском и армянском языках тщательно рассмотрены советскими учеными[70]. Поэтому здесь я назову только те работы, которые являлись основными пособиями при написании книги.

Прежде всего необходимо упомянуть Рашид ад-Дина и его труд «Сборник летописей»[71]. Работая над своим произведением, Рашид ад-Дин использовал монгольский фольклор, «Алтан дэбтэр» и другие письменные источники. В написании летописей принимали участие несколько монгольских ученых во главе с чэн-сяном Боладом. По сообщению отдельных историков их было шесть.

Рашид ад-Дин родился в 1247 г. В 1318 г. при ильхане Абу Саиде Бахадур-хане (1316—1336) он был оклеветан и казнен. Будучи приближенным Газан-хана (1295—1304), он выступал инициатором и проводником его реформ. Он написал исторический труд, названный «Сборник летописей», в 1309—1311 гг. В работе Рашид ад-Дина очень подробно излагаются события времен Чингисхана. В ней также написано довольно много о Гуюке и Огодэе, а также содержатся биографии Хулагу-хана (1256—1265). Абага-хана (1265—1282), Аргун-хана (1284—1291), Газан-хана и других ильханов хулагуидов.

«Сборник летописей» Рашид ад-Дина, которому, как писал Б. Я. Владимирцов, «удалось дать замечательную по своим подробностям картину кочевого быта монгольских племен», представляет собой один из редких по ценности источников по истории монголов XIII—XIV вв. Историк Абуль Гази[72], сам из рода монгольских хаганов, первым обнаружил «Сборник летописей» Рашид ад-Дина и использовал его в своей работе. На основании «Сборника летописей» он написал труд «Родословная тюрков». В начале этой книги почти дословно цитируется труд Рашид ад-Дина, а в конце ее сообщаются редкие и новые сведения о потомках монгольских хаганов.

Историк К. Д'Оссон и историк турецкого происхождения И. Хаммер-Пургшталль при написании соответственно «Истории монголов»[73] и «Истории [монгольских] ханов в Иране»[74] и других сочинений основывались главным образом на найденных ими оригинальных списках «Сборника летописей» Рашид ад-Дина. После выхода в свет книг этих двух ученых в Европе поняли ценность труда Рашид ад-Дина, заинтересовались им и начали изучать его.

Затем следует особо отметить труд Ала-ад Дин Ата-Малика Джувейни «История покорителя мира». Ата-Малик Джувейни — уроженец Хорасана. В 1252 г. он вместе с отцом прибыл в Ка-

ракорум. Когда Хулагу совершал поход на запад, Ата-Малик Джувейни служил чиновником в ханской ставке. Свой труд по истории монголов он начал еще в Каракоруме и закончил его по возвращении на родину, состоя на службе при дворе Хулагу-хагана.

В первом томе труда Ата-Малика Джувейни излагаются исторические события в последние десять лет жизни Чингисхана, Огодэя и Гуюка, рассказывается об Уйгуристане, тангутском государстве Си-ся и Хорезме.

Во втором томе излагаются события, имевшие место в Хулагуидском государстве со времен Чингисхана до 1257 г. Автор подробно рассказывает о жизни, войнах и походах монголов той эпохи, повествует о разрушениях, произведенных монгольскими завоевателями, особенно об уничтожении ими школ и библиотек и истреблении ученых. Для изучения истории монголов раннего средневековья целесообразнее всего пользоваться этим источником, который В. В. Бартольд оценил как «показывающий полный облик монгольских завоевателей»[75]. Иранист Дж. Бойль перевел этот труд на английский язык и опубликовал его в двух частях в 1958 г.[76].

Нам удалось прочитать на китайском языке краткое содержание интересной работы Вассафа «Записки по истории [монгольских] ханов в Иране»[77]. К сожалению, полный текст ее мною не прочитан. Вассаф — почетный титул Абдуллаха. Он был историком, жившим после Рашид ад-Дина. На аудиенции у Ольджэйту-хана ему был присвоен за оды в честь хана титул Вассаф ал-Хазрет — «Панегирист его величества». Первоначально он назвал свой труд «Разделение стран и чередование веков» и отразил в нем события 1257—1327 гг. По стилю и композиции эта работа в основном копирует труд Ата-Малика Джувейни.

Как видно из сокращенного перевода труда Шихаб ад-Дина «Жизнь Джелал ад-Дина»[78], в нем говорится о том, как мужественно сражались войска Джелал ад-Дина против монгольских завоевателей, о жизни монголов в Средней Азии и других фактах. В целом в книге содержится история борьбы Джелал ад-Дина вплоть до его гибели. Эта работа известна также как сочинение Несеви (прозванного так по названию местности Несы, где он родился).

Наши историки тщательно изучили сперва в английском, а затем и в русском переводе важные источники — «История монголов и путешествие в восточные страны» Плано Карпини, прибывшего в столицу Монголии Каракорум в 1246 г., и Вильгельма Рубрука, посетившего монгольскую столицу через восемь лет, т. е. в 1254 г. Поэтому подробно писать о них нет смысла. Авторы их были направлены в Монголию соответственно Папой Римским и французским королем Людовиком IX с целью разузнать о положении в Монгольской империи. Как ска-

зано в их записках, они официально прибыли в Монголию только для того, чтобы побывать на аудиенции у монгольских хаганов и передать им предложения своих хозяев жить в мире. На самом деле они имели скрытую цель разузнать о государственном устройстве, политике, мощи монгольской армии и других сторонах жизни монголов и привезти в Европу достоверные сведения о них. Их записки, в которых содержатся тонкие наблюдения об устоях жизни, нравах и обычаях монголов того времени и городской жизни в Каракоруме, в настоящее время являются ценнейшими источниками.

«Книга Марко Поло» — один из самых важных источников по истории монголов времен династии Юань. Марко Поло, прослуживший династии Юань в течение 17 лет правления Хубилая, увидел очень многое. Его книга переведена на монгольский [79], русский, английский, китайский [80], японский, французский, немецкий и другие языки. Нами она использована в монгольском переводе Ч. Гомбоджаба, сверенном с русским и китайским вариантами. Марко Поло за время длительного пребывания на службе династии Юань часто разъезжал на почтовых по различным районам империи, наблюдал образ жизни монголов, научился языку и накопил немало сведений. То, что он продиктовал по памяти впоследствии, после возвращения к себе на родину в Италию, вылилось в рассказы о путешествиях, изумившие мир.

В «Книге Марко Поло» пространно и подробно рассказывается об административных органах империи Юань, о порядках в ханском дворце, о власти и привилегиях хаганов, налогах и повинностях, китайских городах, о положении в провинциях и других фактах. Однако та ее часть, которая относится к истории монголов, недостаточно обширна по сравнению с упомянутой выше, относительно бедна подробностями и не слишком выходит за пределы сообщений о некоторых мерах по управлению Монголией, принятых в период правления Хубилай-хагана, а также незначительных новых сведений о городе Каракоруме [81].

Сочинения на армянском языке также являются ценными источниками по истории монголов XIII—XIV вв. Они представлены летописью Гетума II из Малой Армении, сочинением историка-монаха Гетума Патмича и другими источниками [82]. Нужно отметить, что заслуга перевода армянских источников по истории монголов на русский язык принадлежит советскому ученому А. Г. Галстяну [83], а также другим исследователям, которые вложили немало труда в это дело.

В период правления императора Юн-лэ (1403—1424) династии Мин в Корее была написана книга «Корё са» («История Кореи»). В нее вошли важные сведения о положении в империи Юань и особенно материалы, проливающие свет на монголо-корейские отношения той эпохи.

Кроме того, редкие и важные сочинения, связанные с историей монголов, имеются во Вьетнаме, Индии, Непале, Индонезии и других странах. Если наши историки сумеют привлечь все эти материалы, то это несомненно принесет пользу и обогатит изучение истории монголов. Очевидно, что число источников и материалов по истории монголов рассматриваемой эпохи очень велико, но здесь мы коротко познакомили читателя лишь с той их частью, которая была прочитана и использована автором.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РАСПАД МИРОВОЙ ДЕРЖАВЫ ЧИНГИСХАНА И СОЗДАНИЕ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ ЮАНЬ

1. БОРЬБА ЗА ХАГАНСКИЙ ПРЕСТОЛ МЕЖДУ АРИГ-БОГОМ И ХУБИЛАЕМ

Ко второй половине XIII в. единая Монгольская империя уже приближалась к своему распаду. Этот процесс еще более усилился после смерти Монкэ-хагана (1251—1259). Монгольская империя начала распадаться на части и вскоре окончательно разделилась на ряд государств, каждое из которых жило и развивалось по-своему. Когда империя вступила в полосу глубокого политического кризиса, в среде монгольских феодалов обострилась борьба за хаганский престол, власть и привилегии.

В период правления Монкэ-хагана борьба за хаганский престол велась между ноянами из родов Огодэя и Толуя. Вследствие того что Монкэ-хаган предал смертной казни одного из активных организаторов этой борьбы, Ширэмуна [1], она затихла на некоторое время. Но с момента появления на политической арене сыновей Толуя Ариг-Бога и Хубилая борьба за хаганский престол вновь усилилась внутри «золотого рода» Чингиса и превратилась в фактор, угрожавший существованию монгольского государства.

В то время как Монкэ-хаган находился в походе против Южных Сунов, Ариг-Бог [2] жил в своей кочевой ставке вблизи Каракорума. Оставаясь на родине, он должен был охранять старые монгольские земли. Перед смертью Монкэ-хаган наделил своего младшего брата Ариг-Бога правом на владение древними монгольскими кочевьями, расположенными вокруг Каракорума [3]. Поэтому Ариг-Бог в отличие от Хубилая обладал законным правом наследовать хаганский престол после Монкэ-хагана.

При возведении Ариг-Бога на престол по старому монгольскому обычаю старшая жена Монкэ-хагана созвала в Каракоруме Великий хурилтай (съезд) с участием царевичей, ноянов хаганского рода, влиятельных сановников и послов. Крупные нояны из улусов Чагатая и Бату поддержали возведение Ариг-Бога на хаганский престол. По сведениям источников, хотя Ариг-Бог был опытным и мужественным воином, он уступал Хубилаю по своему общему образовательному уровню.

Хубилай[4], управлявший завоеванными областями Северного Китая и долго живший в этой стране, был достаточно знаком с обычаями китайцев. С самых малых лет он старательно обучался наукам, брал уроки китайского языка у китайских ученых, беседовал с ними о китайских исторических сочинениях и иногда выслушивал их суждения об управлении государством. В исторических трудах часто отмечается, что Хубилай, который знал грамоту и военное дело, в роде Чингиса слыл умным и проницательным, за что в свое время был назван Хубилай-Сэчэном (Хубилай Мудрый). Тогда на службе у Хубилая находились Чжао Би[5], Ван Э[6], Яо Шу[7], Лю Бинчжун[8], Хао Цзин[9] и другие чиновники, прославившиеся в Китае своей ученостью. Именно Хао Цзин подсказал Хубилаю, каким образом узурпировать ханскую власть и сесть на престол.

Едва ли можно согласиться со следующим заключением Э. Д. Филлипса: «Хотя в первое время, очень доверяя окружавшим его китайским ученым и выслушивая внимательно все то, что они говорили, он (Хубилай.— *Ч. Д.*) заставлял их обучать его учению Конфуция, но отказывался от уроков языка и письменности»[10]. Хубилай уже знал китайский язык и письменность.

В статье «Состав чиновничества и личности в Северном Китае в начале монгольского периода» И. де Ракевильц приводит подробные сведения о северокитайских чиновниках и ученых, служивших монгольским ханам[11]. В частности, необходимо отметить, что у него содержится правильный вывод о монголо-китайских отношениях того времени.

Ариг-Бог и Аландар-ноян узнали, что Хубилай, следуя советам исключительно китайских чиновников и полководцев, готовил заговор с целью узурпировать право на наследование хаганского престола, и неоднократно напоминали Монкэ-хагану: «Надо ограничить права и привилегии Хубилая. Это человек, которому нельзя ни в коем случае позволить наследовать престол великого хана».

Хотя Монкэ-хаган, возможно, не верил всему, что говорили ему о Хубилае, но он предоставил именно Ариг-Богу право управлять собственно Монголией с ее столицей Каракорумом. Вместе с тем он собирался вызвать к себе своего младшего брата Хубилая, но смерть помешала ему это сделать. В «Эрдэни-йин тобчи» Саган Сэчэна, «Лу Абтан тобчи» и других монгольских источниках сообщается о том, что Чингисхан когда-то сказал: «У сына Хубилая слова особенные. Все слушайтесь его!» Это, однако, не означает, что Чингис стремился доказать, будто Хубилай именно тот, кто должен во что бы то ни стало занять хаганский престол.

Как только дошло до Хубилая известие о том, что Ариг-Бог сел на хаганский престол, он в Кайпине (впоследствии Шанду — «Верхняя столица» юаньских императоров) в июне 1260 г. созвал еще один Великий хурилтай и провозгласил себя мон-

гольским «великим ханом». В то время Хубилаю было 44 года[12]. Таким образом, в 1260 г. в Монгольской империи состоялось два Великих хурилтая и появилось две столицы. Борьба между братьями Ариг-Богом и Хубилаем, начавшаяся с этого времени, вылилась в кровопролитные вооруженные столкновения.

Монгольские нояны во главе со старшей женой Монкэ-хагана, созвавшие Великий хурилтай в традиционном месте, энергично поддерживали Ариг-Бога. Что касается Хубилая, то он нарушил монгольское правило наследования хаганского престола, переманив на свою сторону путем подкупа часть неустойчивых монгольских ноянов, жадных до золота, серебра. Созвав незаконный хурилтай на окраине Монголии, он незаконно захватил хаганский престол.

В борьбе против своего младшего брата Ариг-Бога Хубилай с целью узурпации хаганского престола объявил Кайпин «столицей» и противопоставил его Каракоруму. В то же время, понимая, что война с Ариг-Богом неизбежна, Хубилай тайно приводил в порядок свою армию.

Ариг-Богу приходилось поневоле вести вооруженную борьбу со своим старшим братом, который пренебрег законом династии и предал интересы страны. Помимо того, что армии ноянов вроде Хадана из рода Толуя энергично действовали на стороне Хубилая, еще большие контингенты китайских войск непосредственно участвовали в войне против Ариг-Бога. Осенью 1260 г. армии под командованием Ариг-Бога и Аландара двинулись на Кайпин в двух направлениях. Войска под водительством Хубилая и Хадана выступили из Кайпина навстречу им по двум дорогам. Между армиями Хадана и Аландара произошло жестокое сражение у южного края Гоби. Части Аландара были разгромлены, а он сам убит[13]. Главные силы противников под командованием Ариг-Бога и Хубилая также вступили в сражение в южной части Монголии. В результате Ариг-Бог потерпел поражение и отступил[14]. Хубилай, преследуя по пятам войска Ариг-Бога до бассейнов рек Орхона и Толы, подчинил себе Каракорум. Он оставил там часть армии во главе с нояном Есунгэ[15] для обороны города, а сам с главными силами возвратился в Кайпин.

Такой поспешный уход Хубилая из Монголии объясняется нехваткой сил для продолжения войны против младшего брата Ариг-Бога. Ему также нельзя было надолго прекращать походы на юг, которые в то время совершали монгольские войска с целью полного завоевания государства Южных Сунов. Кроме того, Хубилай с давних пор не желал жить в Каракоруме как центре империи, а хотел сделать вновь построенный город Кайпин своей столицей[16].

Пользуясь передышкой после ухода главных сил армии Хубилая из Каракорума, Ариг-Бог в течение лета и осени 1261 г.

наращивал силы, обучал войска, откармливал коней и в результате подготовился к новым сражениям. Тогда же он разгромил гарнизон нояна Есунгэ и отвоевал Каракорум. В первый месяц зимы 1261 г. Ариг-Бог во главе всей своей армии двинулся на Кайпин, чтобы повторно напасть на Хубилая [17]. Как только началось вторжение Ариг-Бога, Хубилаю пришлось отменить походы против Южных Сунов на какое-то время и с главными силами своих войск поспешно выступить на север, чтобы дать сражение Ариг-Богу. Зимой 1261 г. у края Гоби в современной Внутренней Монголии между войсками под командованием братьев снова произошло жестокое сражение, длившееся несколько дней [18]. Под конец Ариг-Бог был побежден и поспешно отступил. Таким образом, Ариг-Бог снова потерпел поражение в решающей битве и понес огромный урон.

После этого Ариг-Бог неоднократно вторгался незначительными силами на территорию, занятую войсками Хубилая, но безуспешно. Торговые пути, связывавшие Каракорум с Китаем и улусом Чагатая, были блокированы войсками Хубилая; Ариг-Бог сталкивался с трудностями в снабжении продовольствием и обмундированием. Поэтому фактически ему было не под силу восстановить армию. Он временно оставил Каракорум, перекочевал в долину Или, преодолев Алтайские горы, чтобы найти поддержку в западной части империи. Но так как воины его, вконец измотанные после неоднократных сражений, в пути мародерствовали, он не нашел поддержки у местного населения. Кроме того, он вступил в сражение с отрядами нояна Алгуя, пользовавшегося большим авторитетом у монголов Притяньшанья, и ограбил зависимых от него аратов-албату. По всем этим причинам Ариг-Богу не только не удалось найти поддержку, но и оставаться там дольше стало невозможно. Лишившись последнего шанса продолжать борьбу, он в 1264 г. сдался Хубилаю с остатками своих войск [19]. Хотя вооруженные столкновения между ними прекратились, но борьба за хаганский престол в Монголии не закончилась. Ее возглавил и продолжил Хайду.

Хубилай, сохранив брату жизнь, около двух лет позволял ему пользоваться прежними правами и привилегиями, хотя и держал его под особым надзором. Но остальных ноянов — сторонников Ариг-Бога он строго судил, обвинив их в организации заговора и разжигании войны между братьями, и большинство из них казнил.

Главная причина поражения Ариг-Бога в войне с Хубилаем заключается в том, что соотношение сил было не в его пользу. Ариг-Бог остался в одиночестве в борьбе за престол великого хана в условиях, когда центральная власть империи значительно ослабла в связи с уже начавшимся распадом монгольского государства, а в распоряжении Хубилая оказались главные силы монгольских войск, завоевывавших Китай. Кроме того, Хубилай

опирался на военные и экономические ресурсы Китая и пользовался этим преимуществом.

В первом томе «Истории МНР» содержится следующий вывод о борьбе между Ариг-Богом и Хубилаем: «Хотя война между Ариг-Богом и Хубилаем была борьбой за ханский престол, но, по существу, борьба Ариг-Бога была направлена на то, чтобы по-прежнему оставить столицу государства в Монголии и чтобы Монголия, как и ранее, была центром империи»[20]. По нашему мнению, в этом заключалась суть всего происходившего.

Ивамура Синобу и Кацуфудзи Такэси писали: «Борьба группировки, ратовавшей за уважение к традициям Монголии, против Хубилая, была делом справедливым, так как Хубилай был деятелем прокитайской ориентации»[21].

Даже некоторые китайские историки в свое время довольно правильно оценивали борьбу между Ариг-Богом и Хубилаем. Например, Чжоу Гучэн писал: «После смерти Монкэ-хагана Хубилай весной 1260 г. в 3-ю луну сам себя возвел на ханский престол в нарушение старой монгольской традиции, без решения великого собрания ноянов»[22]. Шан Юэ отмечал: «По предложению китайского ученого Хао Цзина Хубилай в 1260 г. нарушил старый порядок избрания хана на хурилтае и сам себя сделал ханом»[23]. Но буржуазные историки и китайские историки-националисты, руководствуясь некоторыми сообщениями, встречающимися в «Юань ши» и других китайских источниках, изображают Ариг-Бога как разбойника, постоянно затевавшего смуты. В «Юань ши» сказано: «Ариг-Бог затеял смуту в Северном крае. Он был очень скверным и жестоким человеком, который выступал против [династии Юань] во главе армии, набранной на Севере»[24].

В последнее время некоторые китайские историки, переоценивая роль Хубилая, безмерно восхваляют его и пишут о том, что он был якобы не монгольским ханом, а китайским императором. Они ставят перед собой задачу не только принизить значение борьбы Ариг-Бога, но и зачеркнуть историю монгольского народа. 21 января 1962 г. газета «Гуанмин жибао» писала: «Хубилай внес крупный вклад в развитие нашего единого многонационального государства». Можно было бы привести еще много подобных цитат из публикаций, выходящих в КНР.

В работах наших историков также иногда проскальзывает известная переоценка роли Хубилая. Например, историк А. Амур пишет: «Даже некоторые историки говорили о том, что Хубилай-де положил начало распаду империи. Хубилай, сын (не сын, а младший брат.— *Ч. Д.*) Монкэ-хагана, начиная с того времени, когда сам Чингисхан был жив, упорно занимался политическими вопросами; завоевал силой, подчинил и объединил Южный Китай, Тибет и многие другие страны Восточной Азии. В ту эпоху Хубилай был самым умным и мудрым из потомков

Чингисхана. Так как Хубилай получил хорошее образование и обладал способностью управлять народом, то он и был избран ханом. Как бы то ни было, в ту эпоху именно Хубилай был тем человеком, который непременно должен был сесть на хаганский престол»[25]. Пусть в оценке Амура будет часть правды, но, чересчур преувеличивая роль Хубилая, он невольно затушевывает реакционные стороны его деятельности. Хотя война между братьями Ариг-Богом и Хубилаем и представляла собой ту же борьбу за престол между царевичами, которая часто вспыхивала в период средневековья, но, судя по ходу событий и конечному результату, в деятельности первого имелась прогрессивная тенденция — руководствуясь политической традицией Монголии, созывать великие хурилтаи на монгольской земле и оставить центр страны на исконной монгольской территории, борьба же Хубилая преследовала цель нарушить указанную политическую традицию и перенести столицу монгольского государства в чужую страну[26]. Тем не менее нельзя забывать, что Ариг-Бог был одним из крупнейших представителей феодальной знати из «золотого рода» Чингиса — сторонников монгольской старины и что вся его деятельность, так же как и Хубилая, была направлена на защиту интересов господствующего класса, против народа. Но, как бы там ни было, при оценке их деятельности надо учитывать, что за борьбой между этими феодалами за хаганский престол стоял вопрос о судьбах монгольского государства.

2. ПЕРЕНОС СТОЛИЦЫ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

В XIII в. Каракорум был одним из крупных городов на Востоке. Он представлял собой тогда не только политический, экономический и культурный центр Монголии, но и крупный узел международных отношений.

Монголы объясняют название Каракорум по-разному, именуя его «хара хорин» («черная запретная крепость»), «хара курэм» («черные камни»), «хара хорум» («черные обломки»), «хара кэрэм» («черный замок»), «кор или кол хорин» («место, о котором запрещено говорить» или «место, куда запрещено ступать ногой») и «хорин гэр» («двадцать юрт») и т. д. Изучение значения всех этих словосочетаний, возможно, покажет, что они не совсем необоснованны. Например, в древности отводились специальные места, где собирались со всех сторон вожди племен для обсуждения государственных дел. Их называли «когэр хориху гэр», «йарилчаху гэр» или «когоролдэху гэр» («юрта, о которой запрещено говорить», «юрта переговоров» или «юрта бесед»), поэтому город назвали «когэр хорин» — «запретная крепость». Во Внутренней Монголии до недавних пор сохранялись земляные фундаменты двадцати юрт, поставленных рядами, как на улицах города, и назывались они «хорин гэр» — «двадцать

юрт». Местные жители сообщают: «История говорит о том, что во времена Чингисхана монголы поставили двадцать юрт в ряд и создали свою столицу. По этой традиции ставится княжеская ставка из двадцати юрт». Во времена Лигдэн-хана (1604—1634) отдавалось предпочтение княжеским ставкам, состоявшим из двадцати юрт. Вплоть до гоминьдановского периода во Внутренней Монголии ставилось двадцать юрт в самой середине юрточного города, собиравшегося во время пиров, устраивавшихся ноянами хошунов и сеймов.

Название Каракорума в китайских источниках передается как «Хэ-ла хэ-линь». Наши исследования осложняются тем, что едва ли возможно транскрибировать «курэм» или «хорум» как «хэ-линь». Тем не менее при рассмотрении каждого компонента сочетания становится ясным, что китайское «хэ-ла хэ-линь» происходит от монгольского «хара курэм» — «черные камни».

Некоторые историки считают, что город был назван Каракорум на том основании, что его построили на старых развалинах уйгурского города Каракорума (VIII в.). Тюркское «кара корум» — «черные обломки» соответствует монгольскому «хара кӱрэм». Нет основания утверждать, что в монгольском языке это словосочетание заимствовано непременно из тюркского или что в тюркском — из монгольского. Так как когда-то было выбрано тюркское название Каракорум, несмотря на наличие монгольского «Хара курэм», и употреблено в литературе, в настоящей работе я также применяю это название, вошедшее в обиход и зарегистрированное в исторических трудах.

Известно, что Каракорум существовал уже в VIII в., но в XIII в. он сильно вырос. В «И-ту-чжи» («Карты и описания всей империи») и других китайских источниках периода Цин отмечается, что Чингисхан в 1220 г. построил г. Каракорум и сделал его своей столицей. Как указывает Х. Пэрлээ, в европейской литературе название «Каракорум» впервые зарегистрировано как «Кара-корон» в 1246 г.[27].

Из работ иностранных и монгольских историков, изучавших историю Каракорума, исследования Х. Пэрлээ представляют наибольший интерес. Он рассматривает монгольское содержание термина на основании сравнительного анализа находок, содержащихся в прежних исследованиях, и редких материалов из исторических источников.

Хотя Чингисхан в 1220 г. и решил основать столицу своего государства в Каракоруме, но едва ли он успел выстроить город до своей смерти. Каракорум стал настоящей столицей империи во времена Огодэй-хагана.

По сообщению «Юань ши», в 1-ю луну года бин-шэнь, т. е. в 1236 г., монгольские князья и нояны собирались на пиршество по случаю завершения строительства дворца «Десяти тысяч спокойствий». В расширении города участвовало 1500 мастеров[28].

Монкэ-хаган продолжил расширение Каракорума, и можно сказать, что именно при нем город достиг наивысшего расцвета. Однако, как отчетливо показал в своем исследовании Х. Пэрлээ, в правление того же Монкэ-хагана Хубилай принял решение перенести столицу в другое место[29].

В «Юань ши» встречаются сообщения, в которых авторы, искажая действительное положение, пренебрежительно пишут, что хотя Каракорум в самом деле являлся столицей Монголии, но монгольские хаганы там не жили. Однако при исследовании положения Каракорума в эпоху Юань оказывается, что, хотя город в это время и не был главной столицей всей империи, он по-прежнему оставался политическим центром Монголии. Так, торжества по случаю наследования хаганского престола проводились главным образом в Каракоруме. Царевичи, императорские родственники и другие нояны, следующие по рангу за великим ханом, которые управляли коренной Монголией, также жили в Каракоруме. Главные силы монгольской армии размещались в районе Каракорума и в случае необходимости вызывались в Китай и другие страны.

По сообщению «Юань ши» и других китайских источников, к концу XIII в. в Каракоруме получили большое развитие различные ремесла, и туда стали собираться купцы из многих стран мира. В городе проживало особенно много богатых купцов. Кроме того, в монгольских и китайских военных гарнизонах культивировались земледелие и огородничество. По всем этим причинам в эпоху Юань Каракорум не был покинут и по-прежнему оставался политическим и экономическим центром старой Монголии.

В источниках сообщается о том, что в период правления Тэмур-хагана (1294—1307) Каракорум был перестроен, но не уточняется, какие работы там были произведены.

В Каракоруме намечалось построить красивый дворец для Хубилая, который по приказу Монкэ-хагана управлял северными округами Китая. В этот же период Хубилай лелеял мысль сесть на хаганский престол после Монкэ. По данным некоторых источников, он доставлял старшему брату (любителю выпить) всевозможные китайские вина и, спаивая его, тайно беседовал с ним о важных государственных делах. К этому времени он уже решил построить себе дворец, не уступающий по красоте каракорумскому, вблизи Долоннора в южной части Монголии. Монкэ-хаган поддержал эту затею.

В 1252 г. китайский чиновник Яо Шу посоветовал Хубилаю построить новый город в местности Цзиньляньчуань и назвать его Кайпин[30]. Хубилай, приняв предложение Яо Шу, собирался немедленно начать строительство нового дворца, но столкнулся с противодействием других монгольских крупных ноянов. В частности, нояны Ариг-Бог и Аландар, разгадавшие замысел Хубилая, неоднократно напоминали Монкэ-хагану о таящейся

в этом опасности для трона. Тем не менее возможно, что в 1255 г. Монкэ-хаган дал Хубилаю разрешение построить новый город. Тогда Хубилай не ставил вопроса о переносе столицы Монголии в другую часть страны, и такая мысль, очевидно, не приходила в голову Монкэ-хагану. Позволяя Хубилаю построить новый город, Монкэ-хаган рассматривал последний лишь как административный центр для управления Китаем.

Получив разрешение Монкэ-хагана, Хубилай в начале 1255 г. поручил китайскому чиновнику Лю Бинчжуну составить проект нового города. По указу Монкэ-хагана Лю Бинчжун подготовил проект строительства Кайпина в течение того же года[31]. Многие искусные мастера, штукатуры и строители, которые были заняты на работах по расширению Каракорума, отправились на сооружение Кайпина.

Строительство Кайпина, начатое в разгар лета 1256 г., было в основном завершено к концу 1259 г. Новый город, появившийся в южной части Монголии, впоследствии стал известен как Шанду (монг. разговорное «шанд», на старописьменном монгольском языке пишется «шангду»). То, что Кайпин был назван Шанду, связано с названием реки Шанду, протекающей вблизи города. Город по-китайски именуется Шан-ду, и это сочетание в переводе означает «Верхняя столица». Поэтому некоторые историки, исходя из значения компонентов китайского сочетания, пишут о городе как о Верхней столице.

В устных народных преданиях встречаются интересные сообщения о происхождении Шанду. Южномонгольская легенда гласит: «Однажды в древности Хубилай-хаган со своими войсками гнал зверя по реке Шанду в Желтой степи. Когда он собрался было переправиться через Шанду, она вдруг разлилась бурными волнами. Хубилай-хаган разгневался и сказал: „Какая ты глупая, Шанду! Высушим тебя, чтобы у тебя не было и желтой воды!" Хубилай повернул обратно и приказал шаманам и шаманкам обратиться к духам и высушить реку. Они погадали и сказали ему: „То было не плохим, а хорошим предзнаменованием. Вам суждено долго сидеть на хаганском престоле. Там же, где разлилась река, совершите жертвоприношения и назовите ставку свою Шанду!" Предание говорит, что так возник город Шанду».

Хотя это была одна из легенд, сложенных народом, но из нее ясно, что Шанду был назван по гидрониму.

На самом деле действительная причина переименования Кайпина в Шанду, возможно, заключается в убеждении монголов в том, что было необходимо сменить название Кайпин, данное китайским чиновником, на свое, монгольское. Они стали именовать город по названию реки, протекающей вблизи.

Шанду, который был летней резиденцией монгольских хаганов, с его прекрасной речной долиной и Желтой степью, заволакивающейся палевыми отблесками, в исторических сочинениях

характеризуется как «красивый город с прелестными женщинами и ароматными винами».

В Шанду было развито кожевенное производство и существовал большой рынок для меновой торговли. В некоторых исторических источниках отмечается, что в Шанду помимо рынка, где торговали лошадьми, крупным рогатым скотом, существовал еще и невольничий рынок, где продавали рабов, служанок, крепостных [32].

Несмотря на то что Шанду получал всевозможную поддержку правителей династии Юань и становился крупным городом, он вряд ли превосходил Каракорум, вряд ли так же прославился и пользовался популярностью среди монголов. Но тем не менее в тот период он был вторым крупным городом после Каракорума. Из сказанного выше очевидно, что Хубилай очень ловко и последовательно осуществлял свой план переноса столицы Монголии в другое место. Сначала, в 1260 г., он перевел столицу Монголии из Каракорума в Кайпин, а затем, в 1264 г., перенес ее из Кайпина в Яньцзин (Пекин).

При Хубилай-хагане в 1264—1270 гг. рядом со столицей чжурчжэньского государства Цзинь в Северном Китае Яньцзином (Пекином) производились работы по строительству еще одного совершенно нового города. В 1271 г. после тщательного осмотра вновь построенного города было найдено, что он удовлетворяет всем условиям, необходимым для великой столицы империи Юань, и было решено подобрать ему название. В 3-ю луну 1272 г. Хубилай-хаган издал указ именовать новый город по-монгольски Ханбалгасун (Хаганский город) или Йэкэ нийслэл (Великая столица) [33].

Название «Йэкэ нийслэл» было переведено на китайский как «Дай-ду» — «Великая столица». Работы по ее расширению были начаты в конце 1283 г. или в начале 1284 г. и были закончены полностью в 1292 г.[34]. В период правления Гэгэн-хагана (1323 г.) в Ханбалгасуне были построены новые дворцы и усадьбы [35].

В 1359 г. все 11 ворот города были по приказу Тогон-Тэмура выкрашены заново и на них нанесен новый орнамент [36]. По завершении строительных работ Ханбалгасун имел 60 с лишним ли [37] в окружности и 11 больших ворот [38]. Центральная часть города, застроенная дворцами, составляла 9 с лишним ли в окружности, 410 шагов с востока на запад и 615 шагов с севера на юг [39].

Таким образом, хотя войска Хубилая и разрушили Яньцзин, или Чжунду — столицу государства Цзинь, но рядом с ним монголы возвели новый город — Ханбалгасун, который со временем стал частью Пекина. До последнего времени в Пекине сохранялось много памятников времен Юань.

Когда монгольские феодалы во главе с Хубилаем перенесли столицу Монголии в Китай, они преследовали особые политические и экономические цели, ставя перед собой задачу оккупи-

ровать Китай, а затем захватить Японию, Вьетнам, Индию, Индонезию и другие страны Восточной и Юго-Восточной Азии. Вместе с тем, возможно, монгольские завоеватели после покорения всего Китая исходили также из потребности более эффективно управлять страной с обширной территорией и многочисленным населением. Однако в конечном счете это оказало весьма отрицательное влияние на политическое и экономическое развитие Монголии.

Хотя после того как династия Юань сделала своим центром Пекин, а Каракорум перестал быть столицей империи, он попрежнему оставался центром, притягивающим помыслы монголов.

3. СОЗДАНИЕ ДИНАСТИИ ЮАНЬ. ВОССТАНИЯ ХАЙДУ И НАЯНА

После узурпации хаганского престола и победы над Ариг-Богом Хубилай приступил к завоеванию южных районов Китая, остававшихся еще не покоренными. Осуществляя управление из центра в Китае, он мог уделять внимание укреплению всей монгольской империи. Хубилай-хаган руководствовался политикой привлечения на свою сторону влиятельных представителей господствующих классов Китая, чтобы захватить в свои руки политическую власть в стране (управлять Китаем китайскими методами). Выше упоминалось, что по этой причине еще задолго до восшествия на хаганский престол Хубилай приглашал на службу китайских чиновников и литераторов.

При Хубилае структура центральных и местных государственных учреждений преобразовывалась по старым китайским образцам и в административные органы назначались китайские чиновники. Учение Конфуция поддерживалось монгольским хаганом по всей стране и было использовано для управления страной.

Согласно традиции китайских императоров устанавливалось название годов правления хагана. С 1260 г., когда Хубилай начал править страной, годы исчислялись под названием Чжунтун, а с 1265 г., когда закончилась борьба с Ариг-Богом, было принято название годов правления Чжи-юань. С этого времени Хубилай стал рассматривать себя законным преемником монгольского великого хана, управляющим всей мировой империей Чингисхана, включая Китай[40].

Большинство ученых полагают, что Хубилай-хаган в 1271 г. дал династии название Юань в подражание прежним китайским династиям. По китайской традиции, когда какая-либо династия гибла и устанавливалась другая, последней непременно присваивалось новое название, имевшее определенный смысл. Поэтому слово «Юань», как считается, было взято из выражения

«да-цзай цянь-юань» («очень длительные спокойствие и мир»), содержащегося в «Ши цзин» («Книге песен»). Но это, на наш взгляд, едва ли можно считать точно доказанным.

«Юань» — китайское слово, имеющее значение «начало», «исконный», «коренной» и т. д. Государство Юань создали монголы, и есть основание говорить, что они же, возможно, и дали ему название. Поэтому вполне вероятно, что монгольское «Иджагур-ун улус» («коренное государство») было переведено по-китайски как «Юань» («коренной»).

При формировании административной структуры империи Юань была взята за основу докладная записка китайского чиновника Хао Цзина «Ли чжэн и» («Предположения о создании системы управления»)[41]. Когда Хубилай-хаган поставил записку на обсуждение на совещании монгольских ноянов, то, как передают источники, часть ноянов во главе с полководцем Баяном выдвинули сильные возражения против нее. Но Хубилай-хаган, лично оказав давление на противников, принял в основном эти предложения и воспользовался ими при создании структуры государственного управления. Отсюда ясно, что Хубилай-хаган довольно хорошо знал положение в Китае. Когда Хубилай обосновался в Китае в своей столице, для него не было иного пути, как управлять Китаем китайскими методами.

В главе 157 «Юань ши», главе 32 Собрания сочинений Хао Цзина и в других китайских источниках мы находим сообщения о том, что в 1269 г. Хубилай-хаган, официально приняв к исполнению докладную записку «Предположения о создании системы управления», читал их во дворце в течение нескольких суток подряд, внес исправления по некоторым статьям, был удовлетворен и одобрил их с похвалой. Из этого видно, что Хубилай-хаган лично занимался государственными делами.

В 1269 г. Хубилай-хаган поручил китайским чиновникам Лю Бинчжуну и Сюй Хэну на основании указанных предположений разработать административную структуру Китая, находившегося под властью династии Юань[42].

По указу хагана Лю Бинчжун и Сюй Хэн, проработав около года (1269—1270), подготовили проект структуры государственного управления Китаем монголами, который Сюй Хэн лично преподнес Хубилаю[43].

Рассмотрев проект, Хубилай собрал еще более широкий круг монгольских ноянов и китайских чиновников для обсуждения. Хао Цзин писал, что этот проект был принят почти целиком, так как в него не было внесено больших исправлений и изменений, за исключением статей, связанных с собственно Монголией, и что он начал осуществляться в 1271 г. по указу великого хана[44]. Судя по вышеизложенному, монгольские нояны во главе с Хубилай-хаганом чрезвычайно осторожно относились к административной структуре коренной Монголии и не соглашались преобразовывать ее на чисто китайский манер.

При разработке структуры высших органов государственной власти империи Юань, а также других центральных и местных административных органов Хубилай-хаган во многих случаях брал в качестве образца порядки, существовавшие в государствах Цзинь и Сун. Так как центр империи уже переместился в Китай и завоевателям предстояло непосредственно управлять китайцами, составлявшими большинство покоренного населения, нельзя было не перенять некоторые из административных институтов этой страны. Однако не все было точно скопировано.

Империей Юань управлял монгольский хаган. На иерархической лестнице за ним шли хатун (жена знатного лица, здесь императрица, хаганша), наследник престола, царевичи и ханские родственники. Так как большинство министров и чиновников на высших государственных должностях составляли монголы, то их называли князьями — ханскими родственниками (цинь-ван). Вся полнота власти как во внешних сношениях, так и внутри империи была сосредоточена в руках хагана. Вслед за хаганом административной властью обладали три государственных советника, которые иногда осуществляли общее руководство делами. Их в китайских сочинениях называют «сань гун» — «три гуна», или букв. «три герцога». Они появились во времена Огодэй-хагана. При нем был начальником над всеми ноянами Элджигидэй, правый министр правительства Чинхай и верховный судья Шиги-Хутуху. При Хубилай-хагане были назначены не все государственные советники, а только один; во времена Тэмур-хагана их стало снова три[45]. Из сказанного ясно, что в создании государственной структуры в правление династии Юань не только копировали и брали за образец китайскую систему, но и включали отдельные звания из государственной структуры монгольской империи.

Чжун-шу-шэн (Великий императорский секретариат) был создан по инициативе Елюй Чуцая при Огодэй-хагане. В эпоху Юань он был высшим административным органом империи с главной функцией «общего решения государственных дел»[46]. Общее руководство этим органом осуществлял чжун-шу-лин — «начальник Великого императорского секретариата», которым назначался наследник престола. При нем состояли два министра (чэн-сян) — правый и левый (иногда их было больше двух) и ряд советников и помощников. Так как пост чжун-шу-лина оставался вакантным, то правый министр фактически возглавлял чжун-шу-шэн, т. е. Центральное правительство империи. В составе правительства создавались два управления — правое (ю-сы) и левое (цзо-сы). Первое, подразделяясь на соответствующие отделы, занималось делами, относящимися к отбору чиновников, придворным обрядам и государственным финансам, а второе — делами, связанными с армией и императорской гвардией, наказаниями и общественными работами. В составе центрального правительства было шесть министерств (чинов, фи-

нансов, обрядов, военное, наказаний и общественных работ)[47]. Чжун-шу-шэн было довольно крупным учреждением. Например, в нем работали 22 монгольских, 60 китайских и 14 мусульманских писцов. Кроме того, при хагане создавались шу-ми-юань (Военный совет), «ведавший секретными делами», относящимися к войне и миру и внешним сношениям[48], и юй-ши-тай (Цензорат), который осуществлял контроль за работой чиновников[49].

Исключая области и округа, непосредственно подведомственные хагану, вся территория Китая была разделена на десять син-чжун-шу-шэн (букв. «подвижный великий императорский секретариат»), или провинций. Главами провинциальных правительств, министрами, а также на важные административные должности в провинциях, на должности правителей крупных городов назначались монголы старше 25 лет[50]. На административные должности в таких местных административных органах власти, как пятидесятидворка или стодворка, привлекались китайцы.

С целью укрепления своего господства в Китае монгольский правящий класс во главе с хаганом династии Юань проводил политику, согласно которой в административном аппарате монголы возглавляли учреждения, а уйгуры, другие тюрки и персы являлись их помощниками, одновременно привлекались китайцы[51]. Господство монгольских завоевателей в Китае удерживалось благодаря не только подавлению со стороны жестокой администрации, но и опоре на мощь большой армии[52].

Так как армия была главной силой, на которой зиждилась власть в империи Юань, монгольские завоеватели придавали ей важное значение, держали ее под непосредственным контролем и всеми мерами старались оградить ее от китайского влияния. В эпоху Юань организация монгольской армии не претерпела больших изменений по сравнению с временами Чингисхана. Под руководством Хубилая находилась армия, оккупировавшая многие восточные страны, с помощью которой он создал феодальное по характеру государство Юань с центром в Китае.

В течение 11 лет (1260—1271) Хубилай, находясь на престоле великого хана монгольской империи, продолжал завоевание Китая.

Создание империи Юань с центром в Китае неоднократно наталкивалось на сопротивление монголов. Эту борьбу возглавлял влиятельный ноян Хайду, последовательно придерживавшийся политики Ариг-Бога. Хайду славился как самый умный и проницательный из потомков Огодэй-хагана. Во времена Монкэ за организацию заговора против хагана он был удален из столицы на поселение в далекий край в горах Тарбагатая. Из всех сосланных в дальние края ноянов Монкэ больше всех опасался Хайду. В целях предосторожности он даже держал наготове особые войска по эту сторону Тарбагатайских гор.

После смерти Монкэ-хагана сторонники Хайду прилагали все усилия, чтобы хаганский престол наследовали представи-

тели рода Огодэя. Проводя политику, направленную на еще большее обострение борьбы между Ариг-Богом и Хубилаем, они всеми способами сеяли раздор между ними. Поддерживая Ариг-Бога, они увеличивали свои вооруженные силы. Хайду всегда был одним из решительных противников переноса столицы государства в Китай и создания империи Юань с центром в этой стране.

В конце 1264 г., после поражения Ариг-Бога, Хайду немедленно начал вооруженную борьбу с Хубилаем. Главные силы его армии сосредоточились на берегах р. Эмиль.

Хубилай принял все меры предосторожности на случай наступления Хайду, подготовил армии для контрудара и назначил главнокомандующим своего сына Номухана.

Одновременно Номухан занял место царевича, ведающего делами, относящимися к собственно Монголии. Он получил полномочия, живя в Каракоруме и «умиротворяя» окраины Монголии, принимать любые самостоятельные решения, связанные с подавлением Хайду. По прибытии в Каракорум Номухан спешно провел подготовку к полному разгрому войск Хайду в случае их вторжения, сконцентрировал в столице отборные монгольские части и приказал проводить военные учения с ними.

Номухан регулярно высылал части для патрулирования вокруг Каракорума. В то же время он отправлял послов для заключения союза с монгольскими ноянами улуса Чагатая и Золотой орды. Раньше всего ему удалось договориться о временном союзе и заключить соглашение с улусом Чагатая, куда он неоднократно посылал гонцов от имени своего отца Хубилай-хагана с китайскими предметами роскоши в качестве подарков. По этому соглашению чагатайский князь Чапар обещал выставить против Хайду дозоры из своих войск[53].

Номухан отправил послов в Золотую орду, так же как и в случае с Чагатайским улусом, от имени своего отца. Хан Золотой орды Монкэ-Тэмур согласился выслать войска на помощь Хубилаю в случае нападения Хайду на государство Юань. Хотя Номухан таким образом за короткий срок сумел направить силы других улусов против Хайду, но союз с ними был непрочным.

Пока Номухан был занят привлечением на свою сторону части улусов монгольской империи, Хайду также не сидел сложа руки. Он направлял послов в другие монгольские улусы, разъясняя чингисидам правоту своего дела и увещевая монгольских ханов выступить на его стороне.

В одном из писем Хайду, отправленном с послом к монгольским ноянам, говорилось: «Ведь завещали же нам Чингисхан и наши деды-предки строго соблюдать правило наследования хаганского престола! Но ныне вы, дорогие нояны — старшие и младшие братья, отвергаете и нарушаете завещание наших отцов-предков, не обращая на него внимания, и отдаете по недоразумению хаганский престол изменникам! Я сам законный

наследник хаганского престола. Хубилай же, предавшись Китаю и отбросив обычаи, установившиеся в Монголии, отверг и нарушил завещание отцов и дедов. Но если вы все будете опираться на такого человека и поддерживать его, то не это ли будет изменой отцам и дедам? Хорошенько обдумайте и решайте!»[54].

Из изложенного выше видно, что Номухан и Хайду действовали разными методами убеждения. Номухан прибегал к чисто китайскому способу привлечения на свою сторону, напоминая иоянам в письмах, написанных чуть ли не в приказном тоне, прежде всего об имени Хубилай-хагана и подкупая адресатов подарками. Со своей стороны, Хайду убеждал других монгольских ханов в законности своего избрания, обличая Хубилая, который-де в нарушение традиционного порядка отцов и дедов захватил престол и подпал под китайское влияние.

Вскоре нояны Золотой орды и улуса Чагатая отказались от соглашения, заключенного с Хубилаем, и перешли на сторону Хайду. Поэтому в северной части империи Юань, или на северозападе Монголии, силы Хайду увеличились.

В 1277 г. по наущению Хайду и Монкэ-Тэмура офицер из армии Хубилая Джиркэ изменил хагану и дал противнику возможность схватить Номухана и Хантуна[55]. Получив известие об аресте Номухана, сына, бывшего для него самой надежной опорой, Хубилай-хаган решил бросить все силы на борьбу с Хайду и Монкэ-Тэмуром. Его положение еще более ухудшилось в связи с тем, что именно в это время князь Наян, управлявший Ляодуном, изменил ему и перешел на сторону Хайду с большой армией. Стремясь прежде всего помешать соединению армии Наяна с Хайду, Хубилай-хаган послал большую армию под командованием Аму-Буха с заданием перерезать и заблокировать пути соединения Наяна и Хайду. Он поставил перед полководцем Баяном задачу оборонять от Хайду Каракорум и прилегающие к нему районы и двинул армии под командованием полководца Гаммалы против Хайду. Корейский король также должен был прийти с востока на помощь Гаммале во главе своей армии[56].

Сам Хубилай выступил навстречу Наяну во главе главных сил Великой армии[57]. Армия Хубилай-хагана, дойдя до бассейна р. Ляохэ, окружила там войска Наяна и после сражения, продолжавшегося целых два дня, в конечном счете одержала победу ценой больших потерь. Наян был схвачен и казнен.

Однако Баяну и Гаммале не удалось полностью разгромить армию Хайду. Они отразили наступление Хайду и приостановили дальнейшее вторжение его в глубь территории империи.

После этого Хайду многократно совершал вторжения большими и малыми силами и по-прежнему управлял своими подданными. При жизни Хубилай-хагана так и не удалось положить конец нападениям со стороны Хайду.

Борьба Хайду была подавлена в период правления Тэмур-хагана, и Номухан, Гаммала и Баян сыграли в этом большую роль. Сражения между войсками Хубилая и Хайду также представляли собой борьбу за власть двух группировок в среде господствующего класса монгольских феодалов. Но Хайду был поддержан массами монголов, так как выступал против создания империи Юань с центром в Китае и требовал переноса столицы из Пекина обратно в Монголию. По этой причине Хубилай и Олджэй-Тэмур его не могли победить более 40 лет.

Созданием империи Юань монгольские феодалы во главе с Хубилаем положили конец периоду феодальной раздробленности Китая, длившемуся более 100 лет.

Конечно, нельзя отрицать того, что после создания империи Юань получили дальнейшее развитие политические, экономические и культурные связи между народами Монголии и Китая и другими народами Востока и Запада. В эту эпоху некоторые элементы китайской культуры проникли в Монголию. Имеются сведения и о том, что монгольская культура также оказывала влияние на Китай и другие восточные страны.

Но создание империи Юань не было благотворным фактором в историческом развитии Монголии. Прежде всего оно оказало отрицательное влияние на развитие производительных сил Монголии. Например, подавляющее большинство монголов, проживавших в родной стране, оставалось там. Но значительная часть их рассталась с родными кочевьями и перебралась в Китай в угоду интересам юаньских хаганов и нойонов. Причем немало случаев, когда араты умирали в пути или погибали, попадая в жаркую страну с непривычным климатом. В конечном счете численность семей, проживавших в Монголии, конечно, сокращалась и поголовье скота уменьшалось.

В Монголии с древнейших времен развивалось ремесло, и монголы всегда умело и со знанием дела перерабатывали кожи, шерсть и конские волосы. Выплавка железа и изготовление оружия начались в Монголии очень рано. После того как чжурчжэньским государством Цзинь в Северном Китае был введен запрет на вывоз железного оружия, в Монголии еще больше стали выплавлять железо и производить предметы вооружения. Чингисхан объединил все монгольские племена, вооружив войска оружием, сделанным монголами. Но после создания империи Юань наблюдалась тенденция к резкому изменению положения в ремесленном производстве. Многочисленные кустарные мастерские, существовавшие в Монголии, начали исчезать. Иными словами, централизованное единое общество в Монголии переходило от централизации к децентрализации, и политика, которую проводили монгольские хаганы в собственно Монголии, приняла двойственный характер. Так как подробные данные о Монголии эпохи Юань содержатся в последующих главах, то здесь рассказано лишь о создании империи Юань.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА МОНГОЛОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII и в XIV в.

1. НАРОД «МЕТРОПОЛИИ»

При рассмотрении положения Монголии в XIII—XIV вв. прежде всего необходимо хотя бы слегка коснуться общих сведений об этой стране, ее населении и территории. В период правления династии Юань монголы по-прежнему обитали на широких просторах, как и во время существования объединенного монгольского государства.

После создания империи Юань монгольскими завоевателями монгольское государство превратилось в нечто вроде «метрополии», управляющей остальными чужими странами, составляющими империю. В империю Юань помимо Монголии еще входили такие завоеванные восточные страны, как Китай, Бирма, Тибет, Аннам, Корея и другие. Хотя, таким образом, была создана империя Юань с центром в Китае, состоящая из многих восточных стран, монгольские хаганы и аристократы рассматривали всю державу как Монгольскую империю. В тот период абсолютное большинство трудящихся Монголии жили в своей родной стране. Лишь немногочисленные нояны-феодалы захватывали чужие земли и хозяйничали там.

Серьезно искажают прошлое монголов те историки, которые пишут, будто в эпоху Юань «то, что в литературе называется монгольской династией, было китайской, а то, что называется китайской династией, было монгольской», и что «история монголов была китайской историей, а история Китая — монгольской».

В период Юань по-китайски монгольская династия называлась «го-чао» («правящая династия»), а монголы — «го-чао жэнь» (букв. «люди правящей династии»). Эти выражения соответственно означают «настоящая (ныне правящая) династия» и «народ метрополии» или «народ правящей династии». Иными словами, в этих выражениях содержится смысл «метрополия» и «народ метрополии». Маньчжуры также называли свою династию «го-чао» («правящая династия»). Поэтому, когда в китай-

ских источниках многократно встречается выражение «го-чао», каждый раз надо различать, что оно обозначает — Монголию эпохи Юань или маньчжурскую династию Цин.

В исторических сочинениях эпохи Юань встречаются этнонимы «мэн-гу жэнь» («монгол») и особенно часто «да-да» («татар»). В период Юань китайцы, уничижая монголов, в большинстве случаев называли их татарами. За употребляемым ими названием «татар» скрывался смысл «дикий», «грубый». Например, в китайских книгах часто употребляются выражения «татарская угроза», «татарский гнет», «перебьем всех татар!», «изгоним татар!» и др. Этноним «татар», широко распространенный в китайском народе в эпоху Юань, обозначал не кочевников из татарских родов, а всех монголов.

В «Юань ши» и других средневековых исторических трудах встречаются сведения о «татарском государстве». Например, в «Юань ши» сказано о внуке Хубилая Гаммале: «В 29-м году Чжи-юань (1291) [император], передавая ему звание Цзиньского князя, приказал охранять Северный край и пожаловал ему печать Цзиньского князя на управление Четырьмя ордами Чингиса и территорией татарского государства». Здесь выражение «татарское государство» означает «монгольское государство», т. е. тогдашнюю Монголию с центром в Каракоруме.

Иными словами, в ту эпоху по старой традиции называли представителей монгольских родов татаро-монголами. Они, по-видимому, представляли собой «сорок тем монголов», зарегистрированных в исторических трудах.

Кстати сказать, в эпоху Юань, как правило, любой наследник до наследования престола обучался методам ханствования, ведая делами, относящимися к собственно Монголии, имея резиденцию в Каракоруме. Судя по всему, монгольские хаганы и нояны понимали важность неприятия обычаев высокоразвитой завоеванной страны и сохранения своей самобытности.

В китайских источниках, в которых монголы упоминаются под общим названием «мэн-да» (татаро-монголы), к тому же делается различие между разными группами монголов — восточные монголы, ойрат-монголы, урянхайцы и т. д.

Хотя в XIII—XIV вв. вся Монголия по линии административной и территориальной имела общее название «Лин-бэй дэн-чу син-чжун-шу-шэн» — букв. «провинция к северу от перевала (Хинганского) и других мест» — с центром в Каракоруме, она делилась на внутреннюю территорию, непосредственно подчиненную великому хану, и Ойрат-монголию, предназначенную для разведения стад государственного скота. Кроме того, еще существовали территории, где проживали урянхай-монголы, или бурхан-халдунские монголы.

Политический центр всех монголов по-прежнему находился в самой Монголии с главным городом Каракорумом, являвшимся символом монгольской государственности. Монголия в то вре-

мя простиралась к северу от Хинганского перевала и включала основные части Северной, Южной и Западной Монголии позднейшего времени. Иначе говоря, Монголия представляла собой территорию «татарского государства», о котором говорилось выше.

Ученые разных стран уделяли много внимания исследованию вопроса о Восточной Монголии во второй половине XIII—XV вв. Те земли, которые назывались Восточной Монголией, с древнейших времен составляли основную часть монгольской территории. Но в тот период Восточная Монголия не охватывала всей монгольской территории. Японский ученый Янай Ватари в своей книге «Исследования по истории монголов»[1] тщательно исследовал указанную тему и составил карту страны.

Янай Ватари писал: «Существует много различных мнений относительно Восточной Монголии... Она составляла четыре современных восточных хошуна Южной Монголии, Чахар, Шилингол, Хухэ-Хото, Халун-гол, Кулун-буйир и бо́льшую часть территории Цэцэн-ханского аймака Северной Монголии»[2]. Однако в тот период вся территория Тушету-ханского и Цэцэн-ханского аймаков входила в состав Восточной Монголии. В целом Восточная Монголия периода Юань охватывала большую часть территории современной МНР, а также половину Автономного района Внутренняя Монголия КНР.

Рашид ад-Дин писал о территории, которой управлял Гаммала: «Своему старшему брату Камале он (Тэмур-хаган.— *Ч. Д.*) выдал полную долю из унаследованного от отца имущества, послал его в Каракорум, в пределах которого находятся юрты и страны Чингиз-хана, и подчинил ему войска той страны. Областями Кара-Корум... (пропуск в русском переводе, которым мы пользуемся.— *Ч. Д.*), Онон, Керулен, Кем-Кемджиют, Селенга, Баялык, до границ киргизов и великого заповедника Чингиз-хана, называемого Бурхан-Халдун, всеми он ведает, и он охраняет великие станы Чингиз-хана, которые по-прежнему находятся там»[3]. Во второй половине XIII и в XIV в. родственники знати и ноянов и крепостные хаганов и ноянов проживали в южных районах Монголии, расположенных ближе к столице Ханбалгасун. Эти районы относились к столичной провинции, называвшейся по-китайски «фу-ли»[4], и являлись внутренними хаганскими владениями, непосредственно подчиненными центральному правительству. Основу их составляли пастбища для хаганских стад, окруженные ивовыми рощами, выросшими на песках. Следуя традиции, маньчжуры также превратили их в пастбища для скота императоров.

Начиная со времен Чингисхана ойрат-монголы, названные «государственными крепостными», или «четыре ойрата», также проживали в Алтайских горах. Хотя в тот период ойрат-монголы, так же как и все другие монголы, подчинялись наследнику престола «царевичу великого хана» (хуан-тай-цзы), но они,

живя на окраинах, возможно, не находились в ведении князя по происхождению (цзинь-вана), сидевшего в Каракоруме и управлявшего основной территорией собственно Монголии вплоть до Великой китайской стены.

Не существует точных данных об административной системе ойратов того времени. Мы имеем лишь разрозненные сведения о них. Так, по материалам источников, во второй половине XIII в. ойрат-монголы были слабы, но, живя на пастбищах государственных стад, постепенно усилились. В конце эпохи Юань они стремились к отделению от империи. Во время смуты Хайду они подверглись большому разорению [5].

На территории ойратов выпасались стада верблюдов, лошадей, крупного рогатого скота и овец [6]. Каждым из стад четырех видов скота распоряжался хаганский родственник (цинь-ван). Пастухи этих стад, «четыре тумена ойратов», постепенно получили название «дорбэн ойирад» — «четыре ойрата» [7]. В книге «История четырех элетов» сказано: «С тех пор как появились, „четыре ойрата" были младшими племенами, которыми управляли хаганы из подлинного рода Чингиса. Впоследствии, в конце Великой монгольской династии Юань, они стали называться племенами Арудая. В этот период они сделали попытку выйти из-под управления династии Юань» [8].

Б. Я. Владимирцов доказал, что распространенное в литературе понятие «четыре ойрата» подразумевает не племенной союз, а четыре племени [9]. Рашид ад-Дин также сообщал, что ойратские племена в древности были многочисленны и имели много ответвлений, каждое из которых носило свое название и размещалось отдельно на определенной отведенной ему территории [10]. Ойраты входили в состав монгольской империи, подчиненной великому хану.

Мнения некоторых историков о том, что они первоначально были тюрками и омонголились после присоединения их к Монголии Чингисом, представляют собой недоразумение.

Во второй половине XIII в. урянхайцы, за исключением немногих урянхай-монголов, живших в районе Бурхан-Халдуна, занимали обширную территорию в междуречье Эрчис и Хара. В источниках сообщается, что они жили богато [11]. Вероятно, имеются в виду не все урянхайцы, а лишь немногочисленные семьи урянхай-монголов, несших службу по охране «золотых» зернохранилищ юаньских императоров. Из урянхайцев, подчинявшихся монгольскому хагану в ту эпоху, постепенно выделилась отличная от них тюркоязычная часть.

Рашид ад-Дин подразделял урянхайцев на урянхай-монголов и лесных урянхайцев. Урянхай-монголы обитали в степях и занимались скотоводством [12].

В «Тайной истории монголов» говорится, что один из предков монголов, Добун-мэргэн, взял в жены урянхайскую девушку и что некоторые полководцы Чингисхана происходили из урян-

хай-монгольских родов. Из всего этого следует, что урянхайцы, по-видимому, по происхождению состояли как из тюрков, так и из монголов. Ныне в МНР большинство монголоязычных, так же как и тюркоязычных, урянхайцев, как известно, настаивают на том, что они монгольского происхождения. Среди них широко распространены древние предания об их монгольском происхождении.

В источниках встречаются упоминания о переписях населения Монголии, проведенных при Огодэй-хагане и Монкэ-хагане. Однако до сих пор не найдены данные, из которых можно было хотя бы приблизительно вывести общую численность населения страны. В «Юань ши» и некоторых других источниках содержатся точные сведения о том, что китайского населения в ту эпоху было 13 с лишним млн. семей и около 60 млн. едоков [13]. Что касается монголов, то ничего конкретного о них не говорится, если не считать попадающихся кое-где весьма неопределенных сообщений. По-видимому, это связано с тем, что в тот период монголы держали в тайне свою численность. В подтверждение можно привести еще одно историческое свидетельство. Литератор периода правления Хубилай-хагана Яо Суй писал в этой связи: «Когда хаган спросил, почему так мало монголов, чиновник ответил ему: „Я, ничтожный, ныне слабо знаю положение дел старых времен Чингисхана. Как мне кажется, в старое время, когда их было много, они действовали большими силами, а когда же их было мало — малыми". Хаган сказал: „Неверно! Их никогда не было мало! Поэтому они и одерживали победы"!» [14].

Когда в исторических трудах [15] сообщается о том, что во второй половине XIII в. было «40 тем монголов» и «4 тьмы ойратов», то это означает, что насчитывалось 40 тыс. семей монголов и 4 тыс. семей ойратов — всего 44 тыс. семей монголов. Такое сообщение в целом представляется достоверным. Б. Я. Владимирцов писал: «Не следует забывать также того, что обозначение числовое отоков и туманов с течением времени могло перестать соответствовать действительности, и у нас в распоряжении много примеров, свидетельствующих о том, как старые названия с числовыми показателями отоков или туманов жили даже тогда, когда всем было ясно и очевидно несоответствие с действительностью. Возьмем название Döcin Monggol. Все хорошо знали, что сорока туманов монгольских давно уже не существует, тем не менее название это употребляется еще в XVII в.» [16]. А когда Саган Сэчэн и многие другие историки, основываясь на китайских источниках, пишут о том, что «из этих 40 тем 6 тем возвратились на родину, а 34 остались в Китае», это является не столько результатом обоснованного историческими фактами исследования, сколько легендой.

После падения династии Юань Монголия разделилась на две основные части — Восточную и Западную. Другими словами,

осталось всего шесть восточных и четыре западных тьмы монголов или ойратов — в общей сложности десять тем[17]. Следовательно, численность монголов сократилась на 34 тьмы. Хотя сведения о сокращении численности собственно монголов сомнительны, но изложенные выше данные все же позволяют заключить, что сократилась численность именно тех монгольских семей, которые проживали в своих старых кочевьях в самой Монголии.

Резкое сокращение числа семей и лиц, проживавших в Монголии, непосредственно связано с тем, что в результате захватнической политики монгольских завоевателей были загублены жизни многих воинов и было переселено много семей в чужие страны.

По китайским источникам, лишь в Центральном Китае проживало несколько десятков тысяч семей монголов. В Юньнани и других южных провинциях Китая также находилось не менее 10 тыс. семей. Это показывает, что многие монголы переселялись даже во внутренние районы Китая. Хотя сообщения некоторых китайских источников о том, что в период правления династии Юань в каждой китайской семье проживал монгол с целью надзора, сильно преувеличены, но они являются лишним подтверждением того, что в это время немало монголов находилось в Китае.

Большое число монголов перекочевало в чужие страны и осело там в ходе захватнических войн монгольских завоевателей. Некоторые из семей, переселившихся в чужие страны, не смогли возвратиться на родину и приняли образ жизни и язык чужой страны. Другие, возвращаясь на родину, в пути пострадали от бедствий военной поры. Несомненно, во время войны погибало немало людей.

После установления династии Мин правительство принимало меры к тому, чтобы не отпускать на родину монголов, проживавших на китайской территории, силой задержать их там, где они жили. Семьи, которые откочевывали на родину невзирая на запрет минского правительства, останавливались в пути солдатами и истреблялись поголовно[18]. Император династии Мин Чжу Юаньчжан издал указ о запрещении возвращения монголов на родину, который был кодифицирован. В кодексе Минской династии говорится: «Нельзя допускать возвращения монголов на родину. Пусть они создают семьи с китайцами. Пусть они не создают семьи со [своими] монголами! В случае нарушения и муж и жена обращаются в рабство»[19]. Проводившаяся китайскими феодалами политика насильственной ассимиляции преследовала цель уменьшить население Монголии и ослабить монголов.

В «Мин ши» встречаются некоторые сведения, показывающие численность монгольских семей, перекочевавших в Китай и осевших там. Например, там сказано: «Десять тем и семь тысяч

семей, переселившихся с Северной стороны хребта[20], осели в районе Пекина и сеяли хлеб».

И далее: «Три тьмы и пять тысяч семей, переселившихся с Северной стороны хребта, осели во внутренних районах».

«Три тьмы и пять тысяч семей, перекочевавших из Гоби, сеяли хлеб в районе Пекина»[21].

В ту эпоху термин тумэн («тьма») не служил точным выражением «10 тысяч». Это была единица так называемой военно-административной десятичной системы, установленной в период создания единого монгольского государства. Иногда она называлась «государственной тьмой»[22]. Поэтому в то время «тьма» не ограничивалась 10 тыс. семей, а могла насчитывать их больше.

В целом на основании сопоставления различных фактов можно предположить, что в тот период насчитывалось свыше 2 млн. монголов. Во всяком случае, очевидно, их было не менее этого числа.

Так, русский ученый И. Захаров[23] и советский исследователь С. Л. Тихвинский[24] в своих работах привели сведения, говорящие о том, что в эпоху Юаньской империи численность монголов, возможно, составляла 2 млн. 500 тыс.

Г. Ф. Шурманн пишет о том, что крепостные феодалов в Юаньской империи составляли ровно половину населения, т. е. свыше 900 тыс. дворов[25], правда, это относится к численности не только монгольского населения.

Советский ученый, специалист по истории монголов рассматриваемого периода Н. Ц. Мункуев писал: «В конце XIII — начале XIV в. в собственно Монголии жило 834 000, а во всей империи 1 390 000 монголов»[26]. Этот вывод основан на тщательном исследовании источников.

Нередко встречается оценка численности монголов в эпоху Чингисхана в 1 млн.[27].

Вообще в XIII—XIV вв. в связи с необходимостью хранить в тайне численность армии не оглашалась также численность монгольского населения. Поэтому трудно точно установить и общую численность монголов в тот период. Но, как бы там ни было, численность монголов во всей империи в эпоху Юань, по-видимому, составляла около 2 млн., если при подсчете опираться на основные сведения о «сорока и четырех тьмах», или «сорока тьмах монголов» и «четырех тьмах ойратов», а также изучать в сравнительном плане число монголов, переселявшихся в разное время из Монголии в чужие страны, численный состав монгольской армии того времени, число семей крепостных монгольских феодалов, обслуживающего персонала ямских станций и другие подобные данные.

Основным видом жилища у народа «метрополии» по-прежнему оставалась монгольская юрта. Эволюция монгольской юрты была подробно изучена монгольскими и иностранными учеными

и о ней написаны книги и статьи. В последнее время опубликована работа Д. Майдара «Монголын архитектур ба хот байгуулалт» («Монгольская архитектура и градостроительство»), в которой коротко и ясно рассказано о происхождении и развитии монгольской юрты и опубликовано много интересных и редких иллюстраций [28].

О монгольской юрте можно найти немало сведений в источниках XIII—XIV вв. Наиболее подробно описали ее Плано Карпини и В. Рубрук в период существования единого монгольского государства и Марко Поло при Юанях. Согласно путевым запискам Марко Поло, монгольская юрта в тот период не претерпела особых изменений по сравнению с предшествующим временем. В китайских источниках сообщения о монгольской юрте также встречаются изредка и то лишь в общем виде.

Плано Карпини писал о монгольской юрте: «Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудости людей» [29].

Судя по приведенному описанию, монгольская юрта XIII—XIV вв. по своему устройству в основном не отличалась от юрты, использовавшейся до последнего времени. Произошли изменения только в ее форме.

Во внешнем виде юрты наблюдались изменения, хотя и небольшие, и в период Юань. У хаганов и ноянов появилось много роскошно украшенных ставок и теремов больших размеров. Монгольская юрта проделала путь до Ханбалгасуна вслед за монгольскими завоевателями.

Во время торжеств монгольские хаганы воздвигали такие крупные ставки, как «Великая золотая орда» и «Золотой терем» [30]. Роскошных ставок и оград было много в летней резиденции монгольских хаганов в Шанду и ее окрестностях. «Золотой терем» вмещал несколько сот, а иногда и несколько тысяч человек и представлял собой большую разукрашенную войлочную юрту-орду. Плано Карпини писал, что в такой юрте-орде вмещалось около 2 тыс. человек.

Монгольская юрта на повозках, широко использовавшаяся в период существования монгольского единого государства, оставалась прежней по внешнему виду. В. Рубрук, лично видевший юрты на повозках, писал: «Утром мы встретили повозки Скатая, нагруженные домами, и мне казалось, что навстречу мне двигается большой город» [31]. Но такие юрты встречались все реже в период Юань.

Как сообщают источники, в ту эпоху монголы ставили свои юрты непременно дверью на юго-восток, на северо-восточной

стороне стелили постель хозяина[32]. По существовавшему обычаю гости (мужчины) садились по западной, а женщины по восточной стороне юрты.

В то время юрта состояла из стены, унь (жердь, поддерживающая первый круг), дымника, турги (войлочные стенки), верхнего войлочного покрытия, покрывала-дымника, волосяных веревок, опоясывающих юрту, и других обычных конструкций. Монголы в большинстве случаев катали войлок из овечьей шерсти и покрывали им свои юрты, но в некоторых районах — шкурами домашних животных и диких зверей. Зажигали огонь под тулгой (таган). Тулга, по-видимому, был не с четырьмя, а с тремя ножками. Во всяком случае, в народных преданиях часто упоминается о «трех каменных опорах тулги».

Монголы катали из шерсти войлок отличного качества, покрывали им свои юрты, делали матрацы, шили обувь и головные уборы. Путешественники наблюдали, как в XIV в. монголы изготовляли из шерсти водонепроницаемый черный войлок. Из шкур домашних животных они делали сбрую, бурдюки и тонкие ремни для связывания каркаса юрты, нитками из сухожилий шили обувь и одежду. Из дерева они изготовляли различного рода повозки, каркас юрты, бадьи, кувшины, сундуки, ящики, деревянные детали седла и многие другие изделия, необходимые в повседневной жизни. Монголы ковали прекрасное оружие из железа.

Лесные народы были искусными охотниками. Для охоты они умело мастерили лыжи из дерева или костей животных. Рашид ад-Дин в своем «Сборнике летописей» пишет о том, как лесные урянхайцы и некоторые монголы изготовляли лыжи и передвигались на них[33].

Основную пищу монголов составляли мясо и молочные продукты. Мясо они употребляли в пищу, обрабатывая его разными способами. На зиму они заготовляли мясо впрок поздней осенью, когда скот в теле; для хранения летом мясо вялили — делали борца. Способ приготовления борца в то время был довольно сложным. О монгольском борца сообщается в источниках, о нем рассказывается в путевых записках Пэн Дая, В. Рубрука и Плано Карпини. В ту эпоху монголы строго соблюдали обычаи и правила, связанные с убоем скота, приготовлением мяса, преподнесением определенных кусков духам и людям в зависимости от положения. Например, монгольский полководец Баян, сановник Байджу и князь — ханский родственник Гаммала, очень ценившие мясо, чрезвычайно строго придерживались этих обычаев и правил. В разных местах страны крупный рогатый скот забивали по-разному. Так, существовал обычай производить убой мелкого скота путем протыкания диафрагмы.

Монголы кроме мяса изготовляли молочные продукты самыми различными способами. «Чаган идэгэ», букв. «белая пища», т. е. все, что приготовляется из молока, считалась самым пред-

почтительным и почетным продуктом питания. В частности, летом монголы употребляли в пищу главным образом продукты из молока и только иногда — борцу[34]. Судя по источникам, в тот период монголы приготовляли из молока айрак, тарак (род простокваши), арул, хурут (род сушеного творога), сливочное и топленое масло, сыр и тому подобные, похожие на нынешние изделия[35]. В источниках той эпохи имеется подробное описание содержания монголами кобылиц и приготовления кумыса из кобыльего молока. В них также встречаются рассказы о том, как они деревянной мутовкой взбивали кислое молоко и получали айрак и масло. В. Рубрук наблюдал, как монголы снимали пенку с кипяченого коровьего молока и, еще раз прокипятив, замораживали в овечьем рубце. Сквашенное снятое молоко они кипятили и делали из него арца (род кислого творога), а также сушили на солнце из кипяченого кислого молока арул и хурут для употребления в пищу зимой[36]. Очевидно, в XIII—XIV вв. монголы употребляли много кумыса. В китайских источниках того периода отмечается, что монголы любят кислое кобылье молоко, что пьют его главным образом на празднествах; на чествовании или на различных торжествах они разбрызгивают коровье молоко и пьют кумыс. Монгольские хаганы также любили пить кумыс. Между прочим, интересно отметить, что те люди, которые доили вороных (хара) кобылиц, впоследствии составили род харачин.

Монголы изготовляли одежду главным образом из продуктов животноводства. Но в ту эпоху среди монголов широко распространилось шитье одежды из различных тканей, привезенных из чужих стран. Когда в источниках сообщается о монголах, которые носили отличные дэли (халаты) и одежду из шелка и хлопчатобумажных тканей, привозимых из Китая, Индии, Кореи, Руси, Булгара, Венгрии и других восточных и западных стран[37], то речь идет прежде всего о хаганах, ноянах, полководцах и вообще представителях господствующего класса — людях богатых. Совершенно очевидно, что простолюдины далеко не всегда могли пользоваться этим. Они носили одежду, сшитую главным образом из шкур овец, коз, собак, грубых и толстых хлопчатобумажных тканей, грубой шерсти, войлока и тому подобных материалов. Зажиточные монголы шили себе доху из шкур волков и лисиц, а бедные — из шкур собак и коз. Как отмечали Пэн Дая, Сюй Тин и В. Рубрук, замужние монголки носили высокую шапку — богтаг[38]. Монгольская обувь отличалась толстой подошвой и острым носком. Обувь монгольского воина также оканчивалась острым, как копье, носком, которым он мог нанести удар противнику. Дэли у них были с длинными рукавами, с разрезом спереди.

В XIII—XIV вв. женщины кроме выполнения всей домашней работы пасли скот и ухаживали за ним. Это было связано с тем, что большинство мужчин отправлялись в военные походы.

Вообще у монголов, имевших трудовые традиции, существовало четкое разделение труда между мужчиной и женщиной.

Чаган-сара (Белый месяц), Новый год, у всех монголов был великим праздником. Как сообщают источники, в течение этого месяца все монголы, и мужчины и женщины, носили белую одежду, несмотря на зимнее время, больше питались «белой пищей», т. е. молочными продуктами, а также мясом, встречались с родственниками и знакомыми и устраивали пиры. На пирах монголы плясали, пели и играли на музыкальных инструментах. На пиршествах у хаганов и ноянов устраивалось особенно много забав, и они заканчивались тремя видами мужских состязаний (борьба, скачки и стрельба из лука). Так как ниже особо будут рассмотрены вопросы общественных отношений и экономического положения монголов, то здесь только коротко рассказано о народе «метрополии».

2. АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА У МОНГОЛОВ

В начале XIII—XIV вв. не было внесено сколько-нибудь значительных изменений в административную систему Монголии по сравнению с периодом существования единого монгольского государства. Хубилай-хаган произвел в ней отдельные мелкие преобразования. Главная причина этих преобразований заключалась в том, что он, став великим ханом всей монгольской империи Юань, одновременно должен был управлять и собственно Монголией. Кроме того, когда центр империи был перенесен в Китай и надо было непосредственно управлять и этой страной, появилась насущная необходимость приспособиться к местной административной системе. Но громоздкий китайский государственный аппарат использовался только для управления Китаем, в монгольской административной системе из него нашло применение очень немногое.

Существовавшие в период единого монгольского государства джаргучи (судья), джахирагчи (распорядитель), даругачи (уполномоченный), элчи (посол), чэрби (начальник) и другие основные должности по-прежнему оставались в Монголии. Сохранилась и система тем, тысяч и сотен, которые теперь подразделялись на высшие, средние и низшие. Но такие новые государственные должности, как цзун-ба (главнохватающий), тань-я (подавляющий) и другие, появились впервые и были заимствованы из Китая.

Вопросы административной системы Юань были исследованы в какой-то мере академиком Ш. Нацагдоржем, доктором Н. Ишджамцом и кандидатом наук Д. Гонгором [39].

Во главе монгольской империи стоял монгольский великий хан. Он же одновременно осуществлял верховную власть над собственно Монголией. За великим ханом следовали хатуны, ца-

ревич — наследник престола, царевичи и князья-ханские родственники.

Внося изменения в административную систему собственно Монголии, Хубилай-хаган[40] прежде всего назначил царевича-наследника престола (хуан тай-цзы)[41] с золотой печатью на управление всей Монголией. Иными словами, начиная с периода правления Хубилай-хагана власть принца была расширена, его функции четко определены. Назначение заранее принца крови — наследника престола, с одной стороны, явилось мерой предосторожности против борьбы за престол, с другой — имело целью заставить будущего хагана управлять государственными делами собственно Монголии. Хубилай стал великим ханом империи Юань, а царевич-наследник престола — ханом, ведавшим делами всей Монголии. Этот порядок, установленный Хубилаем, сохранялся в силе до конца династии Юань.

По правилу, введенному Хубилай-хаганом, царевич, которому предстояло наследовать хаганский престол, должен был управлять государственными делами всей Монголии, но жить в Каракоруме и воспитывать в себе хаганские качества и командовать армией.

В эпоху Юань главные силы монгольской армии постоянно расквартировывались в районе Каракорума, т. е. большой контингент войск находился вблизи столицы. Благодаря этому Монголия с центром в Каракоруме всегда держала наготове военную силу для защиты своей территории. Организация армии не претерпела особых изменений по сравнению с временем существования единого монгольского государства.

При возведении очередного хагана представители знати съезжались в Каракорум, Шанду или Ханбалгасун, и там проводились торжества. Так как столицы Шанду и Ханбалгасун были основаны Хубилаем, полагалось устраивать торжества по случаю возведения хагана на престол в одном из этих городов. Внук Хубилая Гаммала и другие втайне были против такого порядка, считая, что торжества должны совершаться в Каракоруме. Сын Гаммалы Есун-Тэмур по наставлению отца занял престол, устроив торжества в Каракоруме.

Лицом, ведающим государственными делами собственно Монголии и стоящим по положению на ранг ниже царевича-наследника престола, был цзиньский князь, или князь хаганского происхождения, назначенный из числа царевичей. Китайский историк Юй Баян пишет: «В эпоху Юань царевич, постоянно живший в Каракоруме, становился цинь-ваном. После Юань термин цинь-ван превратился в джинонг»[42]. Но цинь-ван, о котором говорит Юй Баян, не цзинь-ван периода Юань, эти термины выражают два различных понятия. Принц крови не был цзинь-ваном.

По «Юань ши», цзинь-ван (князь государства хаганского происхождения) должен был быть только один. «Цзинь» озна-

чает «начало, происхождение». В Китае устанавливались такие династии, как Западная Цзинь, Восточная Цзинь и Поздняя Цзинь. Они рассматривались как династии, наследовавшие друг другу согласно своему происхождению. Этим объясняется то, что в эпоху Юань одновременно был только один цзиньский князь, управлявший собственно Монголией. Поэтому «цзинь-ван» (букв. «цзиньский князь») в переводе на монгольский — «князь по происхождению» или «князь по происхождению, правящий государством».

«Цинь-ван» означает «князь-хаганский родственник». Танский император выделял удел родному младшему брату или родному сыну и присваивал ему титул цинь-вана. Эта практика продолжалась в эпоху Сун, Юань и Мин, а при династии Цин титул этот был повышен. Вопреки мнению Юй Баяна надо полагать, что не цинь-ван (князь-хаганский родственник), а цзинь-ван (князь государства, хаганского происхождения) со временем превратилось в монг. джинонг — «соправитель хана из числа царевичей». В эпоху Юань было много лиц с титулом цинь-ван; в «Юань ши» отмечается, что таких крупных князей насчитывалось 45 [43].

В эпоху Юань цинь-ван, или князь-хаганский родственник, управлял монгольской территорией, остававшейся вне ведения цзинь-вана, или «правящего князя по происхождению», и некоторыми землями в Китае и других завоеванных странах.

Хубилай прежде всего отправил младшего сына Номухана управлять собственно Монголией. В Монголии он жил в построенных им дворцах, имея под своей властью много семей албату [44]. Из Китая он получал ежегодно 1000 кусков шелковых тканей — «долю» (хуби), пожалованную хаганом-отцом [45]. Однако вскоре он умер и в Каракорум направился третий сын Хубилая, Джингим [46], для управления государственными делами Монголии. Но в связи с его кончиной по пути в Хашин (Тангут) принцем крови-наследником престола, или хуан-тай-цзы, был назначен внук Хубилая Тэмур [47], а цзинь-ваном, или правящим князем по происхождению,— Гаммала [48] для управления собственно монгольской территорией.

О деяниях Гаммалы в качестве цзинь-вана в «Юань ши» содержится несколько подробных сообщений. Там сказано: «Добрый отец Гаммала, вы по положению цзинь-вана управляли Четырьмя великими орду Чингисхана и всей территорией государства, где ступали копыта коней [наших] воинов, и совершили десять тысяч подвигов. Удостоим же вас титула императора!» [49]. И далее: «Хотя цзинь-ван Гаммала, отдавая государству много сил, водворял мир и порядок в Северном крае, в это же время там по воле бурхана уничтожались ценности, которых не счесть» [50].

Хубилай-хаган по-прежнему придавал важное значение своей гвардии.

12 тыс. гвардейцев, военная организация которых не менялась, охраняли хаганские дворцы. 3 тыс. человек сменялись каждые три дня и ночи. Но численность гвардейских частей была сокращена на 800 человек при Кулуг-хагане (1307—1311) и Буянту-хагане (1311—1320) и на 700 человек при Ириндживбале (1332).

При Хубилай-хагане территория вокруг Каракорума была переименована в Юаньчан лу[51]. Но в «Юань ши» отмечается, что она так называлась еще при Чингисхане, в 1210 г. В 1-м году Чжун-тун (1260)[52] администрация лу была переведена в Дасин, а в Каракоруме созданы управление наведения порядка (сюань-вэй-сы) и главное управление (цзун-гуань-фу). Впоследствии главное управление было переведено в район южных отрогов Алтайских гор, а в Каракоруме оставлено только управление наведения порядка.

Однако в 1290 г., когда князья подняли мятеж и выступили против правительства, а вслед за ними взбунтовались черби (начальники) каракорумского управления наведения порядка, в городе снова было создано главное управление[53]. Из сказанного видно, что главное управление было органом, который ведал в основном военными делами.

Эти сообщения, содержащиеся в «Юань ши», целиком относятся к структуре центрального правительства; что касается терминологии, то перевод ее иногда малопонятен. Он был сделан нашим предшественником Дандой и прочно вошел в литературу, поэтому оставляем его без изменений.

Хотя в «Юань ши» отмечается, что в монгольских кочевьях созданы местные подразделения центральных органов, административные единицы лу (дорога), фу (область), чжоу (округ) и сянь (уезд)[54], но это сообщение не подтверждается ни одним фактом из других источников. По нашему мнению, возможно, первоначально возникло намерение распространить китайские государственные порядки на Монголию, но оно так и не было выполнено.

В период правления Тэмур-хагана[55] скончался Гаммала, который все время был цзинь-ваном. В 1297 г. сын Гаммалы Есун-Тэмур наследовал должность цзинь-вана[56]. В этот период Хайсан, принц крови, который был наследником престола, прожил в Монголии более десяти лет.

В источниках сообщается, что Тэмур-хаган будто бы приложил много усилий к тому, чтобы избавить население района Каракорума от бедствий. Главная причина тяжелого положения Монголии того времени заключалась в том, что на монгольской территории с центром в Каракоруме шли войны в течение более чем 40 лет, пока не закончилась борьба между Ариг-Богом, Хубилаем, Хайду и другими феодалами. Вместе с тем сильно уменьшилось поголовье стад из-за стихийных бедствий и ухудшения пастьбы и охраны скота вследствие сокращения числен-

ности мужчин, которые выполняли эту работу. В связи со всем этим усилилось недовольство аратов условиями жизни. Поэтому Тэмур-хаган, возможно, принял некоторые меры, чтобы как-то облегчить их тяжелое положение.

В «Юань ши» встречается много сообщений о том, что Тэмур-хаган выделял для Монголии товары и бумажные деньги в больших количествах [57]. Там же говорится, что в 1307 г. в Каракоруме был создан «подвижный великий императорский секретариат» (син-чжун-шу-шэн) [58]. Кроме этой меры, при Тэмур-хагане не было произведено никаких других особых изменений в административной системе Монголии, которая оставалась почти такой же, как и при Хубилай-хагане. Только в сообщении «Юань ши» о создании «подвижного великого императорского секретариата» впервые появляются сведения о «шэн» (впоследствии «провинция»). В тот период термин «шэн» употреблялся в различных значениях. Поэтому его также можно переводить как «ведомство» или «правительство». В «Юань ши» сказано: «В 11-м году Да-дэ был создан подвижный великий императорский секретариат Каракорума и других мест... [Император], назначив Дархана [59] левым министром и упразднив Каракорумское управление наведения порядка (сюань-вэй-сы) и главное управление, учредил резиденцию главного даругачи Каракорума» [60].

В период правления Хайсан-кулуга [61] Есун-Тэмур продолжал выполнять функции цзинь-вана. При нем особо важную роль в управлении Монголией играл ноян Харахасун. Как говорится в «Юань ши», «Хайсан-Кулуг-хаган, сильно опасаясь за Монголию как за важный стратегический район в Северном крае, послал туда левого министра Центрального правительства Харахасуна для наведения порядка и спокойствия» [62]. Во 2-м году Чжи-да (1309) [63] подвижный великий императорский секретариат (син-чжун-шу-шэн) Каракорума был упразднен и создан подвижный верховный императорский секретариат (син-шан-шу-шэн). В 4-м году Чжи-да (1311) был ликвидирован второй орган и восстановлен первый — подвижный великий императорский секретариат Каракорума и других мест [64].

По сведениям «Юань ши» и других китайских источников, после прибытия в Монголию Харахасун покупал крупный рогатый скот и лошадей на бумажные деньги и шелковые ткани и раздавал скот обнищавшим монголам, заново налаживал сообщения по ямским трактам и организовал подвоз зерна, восстанавливал заброшенные оросительные каналы и заставлял монголов сеять хлеб, а там, где были условия,— ловить рыбу, организовывал другую подобную работу по поддержанию жизненного уровня населения. Кроме того, расширились посевы в Чинхай-балгасуне, и оттуда стали получать более 200 тыс. мешков зерна в год [65]. В результате таких энергичных мер, принятых Харахасуном, «государство перестало опасаться за Северные

земли»[66]; «на северной территории были водворены порядок и спокойствие»[67].

В период правления Аюрбарибады — Буянту-хагана[68], как сообщает «Юань ши», были внесены некоторые серьезные изменения в административную систему Монголии. Монгольские районы с центром в Каракоруме были переименованы в Линбэй дэн чу син-чжун-шу-шэн — «подвижный великий императорский секретариат Линбэя и других мест». Однако эти сведения не совсем точные. Указанное название административной единицы, возможно, является результатом произвольного отношения составителей «Юань ши» к фактам. В других, кроме «Юань ши», китайских источниках указанный термин попадается редко, а встречается только название «Линбэй» — «За хребтом». Кроме того, в «Юань ши» сказано: «Лу Хэлинь (Корум) было переименовано в лу Хэнин»[69]; «В 1-м году Хуан-цин[70] (1312) изменено название Линбэй дэн чу син-чжун-шу-шэн»; «Главное управление лу Хэлинь было переименовано в главное управление лу Хэнин»[71]. Найти объяснения, почему Хэлинь переименовалось в Хэнин, нам не удалось. Согласно «Большому китайскому географическому словарю» и другим китайским источникам, Хэлинь и Хэнин — названия, относящиеся к одному и тому же пункту. Других более ясных объяснений не существует. Поэтому указанные два названия представляют собой разные формы одного термина.

Буянту-хаган сократил штаты провинциальных правительств син-чжун-шу-шэн в самом Китае и ликвидировал там должности министров, но штат правительства Каракорума оставил в неприкосновенности. Только в связи с тем, что военно-пахотные поля в Чинхай-балгасу не перешли в ведение Каракорума, ямские станции на территории Монголии были подчинены палате сообщений тун-чжэн-юань, находившейся в Шанду[72].

По сообщениям «Юань ши» и других источников, Буянту-хаган освободил население Монголии от налогов и повинностей на два года и запретил винокурение[73]. Кроме того, в источниках встречаются сведения о том, что он будто бы принял там такие меры, как возвращение беглецов в свои племена[74].

В 1316 г. Буянту-хаган сделал своего сына Шидэбалу наследником престола. В то время Есун-Тэмур по-прежнему прилагал усилия к тому, чтобы навести порядок в управлении Монголией. В правление Тэмур-хагана население Монголии было освобождено от налогов и повинностей на два года, и властям в Каракоруме ежегодно выдавались бумажные деньги и шелковые ткани в больших количествах. Кроме того, Тэмур-хаган также передал в ведение Каракорума сбор государственного зернового налога. Все эти меры проводились исключительно по инициативе цзинь-вана Есун-Тэмура[75].

В период правления Шидэбалы-Гэгэн-хагана[76] не произошло никаких изменений в административной системе Монголии.

Во времена Гэгэн-хагана Есун-Тэмур продолжал состоять цзинь-ваном. Гэгэн-хаган, который намечал свои планы наведения порядка в управлении страной вместе со своим талантливым министром Байджу, был отравлен. В «Юань ши» отмечается, что Гэгэн-хаган создавал запасы зерна в Каракоруме, привозил монголам предметы одежды и продовольствие, раздавал им бумажные деньги, доставлял на монгольские ямские станции лошадей и быков, категорически запретил винокурение, сократил убой скота для придворной кухни и принял ряд других мер[77].

Что касается мероприятий Есун-Тэмура[78] в области административной структуры Монголии в течение четырех лет его ханствования, то известно, что он назначил своего сына Бадима-Иргэлбу[79] цзинь-ваном и отправил его в Монголию, а также преобразовал каракорумское управление наведения порядка в княжеское правление[80]. Выше упоминалось о том, что Есун-Тэмур, состоявший цзинь-ваном в Монголии на протяжении многих лет, неоднократно оказывал услуги великим хаганам и проявил немало усердия, чтобы навести порядок в Монголии. О том, кто стал цзинь-ваном вслед за Бадима-Иргэлбу, нет сведений, но после Есун-Тэмура появился орган, который был полномочен решать вопросы, относящиеся к Каракоруму. В некоторых источниках отмечается, что чиновники княжеского правления занимались этими делами. Возможно, с тех пор княжеское правление стало выполнять функции цзинь-вана.

После Есун-Тэмура престол один за другим занимали Туг-Тэмур[81] (1328), Хошила[82] (1329) и Ириджинбал[83] (1332), каждый в течение короткого времени. В этот период борьба между представителями феодальной знати за хаганский престол дошла до предела, резко ухудшились условия жизни народа, и повсюду начались повстанческие движения. В такой обстановке монгольские хаганы не столько заботились о стране, сколько о том, как бы вырваться живыми из лап своих коварных сановников, боровшихся за власть между собой. Однако в «Юань ши» содержатся некоторые сведения о событиях, имевших место при Хошила-хагане. По вступлении на престол Хошила сразу пришел к выводу, что подобает серьезно решать вопросы, относящиеся к своей стране, ибо это та территория, на которой пустило корни государство Чингисхана, что надо посылать в Каракорум на службу таких решительных в государственных делах чиновников, как Эл-Тэмур[84], и т. д. Однако он вскоре умер, так и не успев ничего сделать.

Тогон-Тэмур[85], самый последний юаньский император, сидел на троне в течение 35 лет. В период его правления в области административной системы Монголии почти никаких мероприятий не было проведено.

Вообще в биографии Тогон-Тэмура в «Юань ши» содержится много фальсификаций.

В правление Тогон-Тэмура некоторые китайские чиновники

уходили в бега, лишь бы не служить династии. Хотя Тогон-Тэмур и отдавал распоряжения монгольским семьям, жившим в южных районах Китая, переселяться на север, на родину, но большинство их перехватывалось китайскими повстанческими армиями и не могло уйти за пределы Китая.

Тогон-Тэмур-хаган ежегодно посылал личных своих представителей в Шанду и дальше, в Каракорум, чтобы успешнее налаживать управление этими территориями. Это было связано с началом внутренних беспорядков в стране, когда уже трудно было удержаться на троне императора династии Юань. Он прибегал к таким мерам, поняв, что монгольским феодалам, которые, оставив родные места, ринулись на чужую территорию, в конечном счете негде найти прибежище, кроме как на своей родине.

Таковы политика монгольских хаганов эпохи Юань и соответствующие ей меры в области административной системы собственно Монголии. Из сказанного очевидно, что вся империя Юань справедливо рассматривается как монгольское государство, где власть принадлежала монгольским завоевателям, а собственно Монголия составляла ее главную часть — ту основу, на которой было воздвигнуто все здание империи. Верховный правитель ее Хубилай как великий хан законно требовал подчинения себе и западных улусов Джочи и Чагатая.

Хотя в тот период некоторые китайские государственные порядки оказывали заметное влияние на монгольскую административную систему, но это не значило, что весь государственный строй Монголии был копией китайского и что первый уподоблялся второму.

Монгольские племена, создавшие свое государство две тысячи лет назад, среди всех кочевников обрели наиболее развитую государственность. В период существования единого государства Чисгисхана эти государственные институты по своему развитию были не ниже таких учреждений соседнего Китая. Поэтому в период Юань монгольские хаганы осуществляли административное руководство собственно Монголией, продолжая дальнейшее развитие форм государственности, имевших место в период единого монгольского государства Чингисхана.

3. УСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВЫХ НОРМ

При создании любого государства в классовом обществе закономерно устанавливается право, защищающее интересы господствующего класса. И в каждом государстве, возникавшем в Монголии с древнейших времен, существовало свое право. Монгольское право имеет длительную историю и свои специфические особенности. Как известно, для выяснения истинного характера государства в классовом обществе очень важно изучить

право соответствующего периода. Исследование условий и истории возникновения права, хода его развития помогает ознакомлению с прошедшими эпохами истории народа.

Иностранные исследователи, изучавшие право эпохи Юань, рассматривали его как точную копию китайского и почти не обращали внимания на то, что в него входят значительные элементы монгольского права. Это происходило из-за отсутствия тщательного сравнительного изучения внутреннего содержания монгольского и китайского права и их правовых традиций.

В частности, очень важно исследовать влияние древнего монгольского права на правовые нормы второй половины XIII в. и в XIV в., а также элементы правовых традиций, входящих в них, и другие вопросы.

Для изучения истории монголов данного периода, особенно политической надстройки и форм внеэкономического принуждения, памятники права того периода имеют особое значение. Они содержат весьма ценные сведения, которых не дают «Юань ши» и другие источники.

В нашей стране пока еще не создано значительных исследований, специально посвященных изучению монгольского права эпохи Юань. Восполнить этот пробел — безотлагательная задача монгольских правоведов и ученых.

Перечислим работы монгольских ученых, освещающие правовые проблемы. Так, Х. Пэрлээ были опубликованы отдельные параграфы «Тайной истории монголов», касающиеся «Великой ясы» Чингисхана[86]. В работе С. Джалан-Аджава о «Халха джируме» был рассмотрен вопрос о «Великой ясе» на основании материалов исследования В. А. Рязановского. О других сторонах монгольского права XIII—XIV вв. он упомянул лишь вскользь[87]. В книге общего характера «Монголын эрт эдугээгийн хууль цаазны туухийн сэдэв дэвтэр» («Тезисы по истории древнего и современного монгольского права») авторы тем не менее сочли возможным специально сказать о монгольском праве второй половины XIII—XIV вв.[88].

Полный перевод на монгольский язык «Юань дянь-чжан» («Установления династии Юань») с кратким введением исследовательского характера был сделан Алтан-Баганой[89].

Н. Ишджамц и Ч. Далай в 1-й главе 3-го раздела первой части 1-го тома трехтомной истории МНР уделили внимание классовому характеру права эпохи Юань, коснувшись многих вопросов, относящихся к теме. Однако целиком содержание темы им не удалось раскрыть[90]. Поэтому ниже продолжим и дополним исследование темы рассмотрением еще некоторых вопросов.

Создав единое монгольское государство, Чингисхан сразу же обнародовал законы «Великая яса», в которых кодифицировались обычаи, существовавшие в монгольском обществе. Естественно, если бы в Монголии ранее не имелось никаких правовых

традиций, было бы очень трудно разработать за короткий срок всеобъемлющие законы. Персидский историк Джувейни писал, что в «Великой ясе» Чингисхан по своему разумению установил закон для каждого предприятия и для каждого дела — правило, а также определил наказание для каждого преступления. Взяв управление новым государством в свои руки, он превратил изданные им законы в инструмент для дальнейшего угнетения и эксплуатации трудящихся масс.

Юаньские хаганы, стремясь определить свою государственную политику и удержать власть, активно и в короткое время создали свое право.

«Великая яса» Чингисхана служила основой для управления народом завоеванной страны со стороны юаньских хаганов и создания соответствующего права, но в ней содержались элементы, которые не отвечали условиям внутренней жизни Китая. После завоевания Северного Китая Хубилай изучал древние китайские сочинения по праву и другие китайские книги, переведенные на монгольский язык с помощью китайских ученых. Особенно его интересовали танские законы. Тогда уже он понял, что нельзя управлять китайским народом с помощью «Великой ясы», составленной в соответствии с обычаями и моральными нормами монголов. Следовательно, еще до восшествия на ханский престол Хубилай уже дал поручение китайским чиновникам Яо Шу и другим разработать право для управления Китаем. Поэтому сразу же после вступления Хубилая на трон в течение небольшого периода были опубликованы многочисленные кодексы.

Автор периода правления Хубилай-хагана Сюй Хэн писал: «У монголов не было иного выхода, как воспользоваться китайскими правилами и законами, поскольку монгольское государство возникло в пустыне Гоби и его первоначальные правила и законы не подходили для Китая» [91].

Первоначальные законы Хубилай-хагана представлены в составленном ученым Яо Шу сборнике «Чжан-дин тяо-гэ» («Установленные в ходе бесед кодифицированные правила»); в этом кодексе, написанном в 1262 г., специально трактовались вопросы управления населением Северного Китая. Вслед за этим в 1264 г. были опубликованы «Синь-дин тяо-гэ» («Вновь установленные кодифицированные правила») в 8-м году Чжи-юань (1271), «Шан-шу-шэн цзоу-дин тяо-гэ» («Доложенные императору шан-шу-шэном и утвержденные кодифицированные правила») в 28-м году Чжи-юань (1291), «Чжи-юань синь-гэ» («Новые правила периода правления Чжи-юань») и другие кодексы.

В период правления Тэмур-хагана был издан кодекс «Да-дэ люй-лин» («Законы и распоряжения периода правления Да-дэ»), хотя до периода правления Гэгэн-хагана (1320—1323) появилось очень много различных законов, но юаньские правоведы все же так и не смогли составить полного свода законов.

Что касается более полных собраний законов, появившихся в период Юань, то к ним относятся «Да-юань тун-чжи» («Общие законы великой династии Юань»), «Юань дянь-чжан» («Установления династии Юань»)[92] и «Цзин-ши да-дянь» («Великие установления по управлению миром»).

По-видимому, большую роль в создании кодексов «Да-юань тун-чжи» и «Юань дянь-чжан» сыграл монгольский чиновник Байджу[93]. Следует сказать, что в то время он занимал должность джаргучи — «судьи» со специальной миссией контроля за соблюдением «Великой ясы» Чингисхана. Байджу, потомок Мухали, находился на хорошем счету у Гэгэн-хагана и участвовал в решении государственных дел. Гэгэн-хаган, ценивший превыше всего «Великую ясу», созвал монгольских ноянов, хорошо знавших ее правила, и вынес законодательные установления династии Юань на их обсуждение. Байджу дал возможность собравшимся понять значение Ясы и ответить на вопрос: «Почему не соблюдались старые законы в государственных и любых других делах?»[94]. Судя по всему, среди монголов по-прежнему было велико влияние «Великой ясы».

При тщательном изучении содержания «Юань дянь-чжана» оказывается, что составители его не ограничивались только заимствованием древних китайских государственных и правовых институтов и традиций, а сохраняли многое из монгольских государственных и правовых институтов и традиций. Почти одну треть среди установлений занимали доклады императору, императорские указы и другие официальные документы, первоначально написанные на монгольском языке. Из содержащихся там документов можно извлечь помимо сведений о государстве, праве и истории множество других сведений, вплоть до формы и композиции монгольских художественных произведений XIII—XIV вв.

Часть документов, переведенных с монгольского на китайский язык, по содержанию и стилю сильно отличается от докладов императору, императорских указов и других официальных бумаг, написанных на литературном китайском языке. Переводы с монгольского сделаны в основном на чисто разговорный китайский язык, и монгольские предложения списаны почти без нарушения порядка слов. В случае, если переводчики не смогли соответствующим образом перевести на китайский язык отдельные монгольские слова и термины, они выписывали их в китайской транскрипции. При этом некоторые элементы «Великой ясы» Чингисхана попали в сборник законодательных актов. Например, цитаты из «Джаса», или «Джасаг», т. е. «Великой ясы» Чингисхана, по довольно многим вопросам приведены в докладах императору, императорских указах и других официальных документах, первоначально написанных на монгольском языке.

Практика, по которой, согласно «Юань дянь-чжан», только

монголы назначались главными чиновниками в министерствах и провинциальных правительствах в Китае и административных органах на территории расселения монгольских племен, оставалась без изменений до конца правления династии Юань. Порядок управления подвластными государствами, входящими в империю, был приведен в соответствие с юридической нормой. В «Юань дянь-чжан» указано юридическое правило, по которому вопрос о наказании близких родственников хагана обсуждают совместно министры и нояны — хаганские родственники.

В рассматриваемых законах содержится также много материалов о монгольских ямских станциях, налогах на скот, положении крепостных, бумажных деньгах, охоте на зверя, организации армии, монгольских школах и других предметах, являющихся ценными сведениями для изучения истории монголов.

Как показывают приведенные выше данные, «Великая яса» Чингисхана в период Юань по-прежнему сохраняла свое значение, народы собственно Монголии и покоренных стран управлялись в соответствии с этим кодексом.

Японский ученый Таяма Сигеру писал: «В эпоху Юань Великая яса Чингисхана, как и прежде, имела влияние; ее содержание распространялось среди населения посредством устной традиции, и соблюдались ее положения» [95]. Как сообщается в «Юань ши», когда в юаньский период выносился смертный приговор и конфисковалось имущество монгола, обвинение и приговор базировались на факте совершения основного преступления в нарушение «Великой ясы».

Монгольское право носило откровенно классовый характер. Законы этого периода защищали интересы прежде всего представителей монгольской знати, их подручных — уйгурских и тюркских ноянов и чиновников и богатых купцов, учитывали также интересы китайских землевладельцев. Юаньское право было направлено против народов покоренных стран, особенно против китайского народа. В «Тун-чжи тяо-гэ» («Кодифицированные правила из Всеобщих законов») и «Юань дянь-чжан» содержится очень много статей, направленных против китайцев, подобно следующим: «Поздно в сумерки и рано на заре запрещается передвижение китайцев» [96]; «китайцам ставится клеймо на левом плече после совершения первого преступления, на правом плече — после второго и на шее — после третьего» [97]; «в тюрьмах китайцы сами отвечают за свое пропитание» [98]; «китайцам не разрешается иметь при себе не только оружия, но и рогаток, из которых стреляют воробьев» [99]; «если монгол побьет китайца, то не разрешается взыскивать с него» [100]; «рынки и базары, где соберется много народу, следует закрывать» [101] и др. В «Юань дянь-чжан» было выражено особенно большое опасение по поводу обучения китайцев военному делу, не случайно там содержалась специальная рубрика «Запрещение китайцам обучаться приемам применения палки и копья». Судя по всему,

законодательство династии Юань главным образом было направлено на сохранение сил кочевых племен, против оседлых народов, а именно: против китайского народа, составлявшего большинство населения империи, на укрепление власти над ним, его угнетение и эксплуатацию.

Сколько бы ни встречалось в законодательстве той эпохи статей и разделов, предоставляющих монголам льготы и привилегии, очевидно, что они преследовали цель защиты интересов исключительно господствующего класса — верхушки монгольского общества, но не монгольского народа.

Согласно законам, если простолюдин — харачу (букв. «чернь») совершал преступление, то его сажали в тюрьму наравне со всеми. Правда, в «Юань дянь-чжан» помимо прочего было сказано: «Китайцам и уйгурам запрещается покупать детей монголов и обращать их в рабство»; «те, которые покупают монголов и перепродают в другие страны, относятся к правонарушителям 1-й категории»[102]; «если монгол сидит в тюрьме, то ему выдается продовольствие»[103]; «если ямщицкая семья скрывается, то наказывается сурово, а если изгнана — легко»[104]. Однако и наличие подобных статей в юаньских документах не освобождало рядовых монголов от привлечения к ответственности за свои действия наравне со всеми.

Кроме того, что законы династии Юань сами по себе носили жестокий и несправедливый характер, особенно в отношении китайцев, их извращение, бесчинство и произвол чиновников, представителей господствующего класса, особенно завоевателей, делали еще тяжелее жизнь народа.

В данном параграфе показана лишь общая картина развития права. Специальное изучение законов представляет большой интерес.

В следующих главах и параграфах мы еще неоднократно вернемся к этому.

4. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА МОНГОЛОВ

Монголы уже в глубокой древности установили политические, экономические и культурные связи с другими странами. Особенно на широкой основе Монголия, основным занятием населения которой было животноводство, поддерживала отношения с Китаем и другими земледельческими странами, откуда она получала необходимые продукты земледелия и товары. Причинами постоянных войн и больших и малых грабительских набегов, которые совершались между Китаем и Монголией, были вторжения, организуемые господствующей верхушкой монгольского общества, позарившейся на богатства и редкие товары Китая, и традиционная политика господствующих классов Китая, направленная на то, чтобы, внося яблоко раздора меж-

ду монголами, ослабить их силы и подчинить их своей власти. В зависимости от этого политические отношения между двумя странами принимали тот или иной характер.

Вместе с тем постоянно была велика потребность в торговле между Китаем и Монголией имеющимися и у той и у другой стороны продуктами хозяйства. По этой причине в истории обеих стран равноправная торговля между ними являлась жизненно важным вопросом, который всегда стоял остро.

С одной стороны, Монголия — страна, богатая скотом и продуктами животноводства, вызывала интерес иностранных купцов. С другой — Китай — страна, производящая в изобилии зерно, муку, ткани и другие товары широкого потребления, была заинтересована в продаже их в другие страны, в закупке скота.

Здесь необходимо обратить внимание еще на один вопрос. Если бы мы при рассмотрении монголо-китайских отношений стали особо выделять Китай как оседлую великую нацию с древней культурой, искажая действительную историю монголо-китайских связей и реальное положение вещей, или стали бы считать, что войны начинали только монголы и что они жили грабежом богатств Китая, то мы оказались бы в плену политических расчетов, которые преследовались в исторических трудах китайскими династиями-завоевателями.

В первом томе трехтомной «Истории МНР» подробно рассказано о широком развитии внешних сношений Монголии в XIII—XIV вв. В последний период существования монгольской империи вся деятельность правительства в области внешних сношений перестала касаться только собственно Монголии и направляться из единого центра, находящегося в Монголии, и вообще отличалась тем, что она, как правило, осуществлялась вне Монголии. Причиной этому послужило то обстоятельство, что монгольские завоеватели во главе с Хубилаем, переместив столицу из Каракорума в Китай, создали свой политический центр в чужой стране. Тем не менее монгольские хаганы, господствовавшие в чужих странах, в течение многих лет твердо придерживались внешнеполитических и дипломатических принципов, которые применялись со времен Чингисхана, и лично руководили внешними связями.

Империя Юань поддерживала широкие связи со многими странами мира. Хотя династия Юань контролировала ряд стран Восточной и Центральной Азии, которые были объединены в результате завоеваний, но государственная власть в них находилась в руках монголов и «метрополией» была Монголия. Поэтому вся деятельность в области внешних сношений в этих странах была неразрывно связана с историей монголов.

Империя Юань поддерживала связи не только со странами Средней Азии, где господствовали другие монгольские ханы и нояны, но и со многими странами Европы. Следует отметить, что эти связи осуществлялись главным образом по линии торго-

вой и религиозной. Чтобы еще более укрепить свое господство в странах Востока и увеличить доходы, юаньские императоры и монгольская феодальная знать всячески покровительствовали деятельности богатых купцов в империи и поддерживали широкие торговые отношения с многими странами мира. В то время персидские, бухарские, сирийские, уйгурские, арабские и еврейские купцы стекались в Ханбалгасун и другие крупные города империи и вели торговлю. Как сообщают источники того времени, в Ханбалгасуне было специально построено три гостиницы французскими, немецкими и другими европейскими купцами и там всегда царило оживление.

Внешняя политика юаньских императоров по отношению к странам Запада направлялась главным образом против мусульманской религии. Они устраивали пиры в честь христианских послов и оказывали им содействие. Монгольские великие ханы придавали важное значение заключению союза с европейскими христианскими странами, особенно с Папой Римским, и неоднократно направляли туда послов.

В 1260 г. двум послам, прибывшим из стран христианской (католической) религии под видом купцов, Хубилай дал аудиенцию и очень интересовался положением в Европе. Хубилай-хаган в Ханбалгасуне устроил пир в их честь, предоставил отдых на некоторое время и, снабдив их золотыми пай-цзы, отправил обратно в качестве монгольских послов в сопровождении монгольского чиновника Коготана. Он также вручил им важное письмо, написанное на имя Папы Римского, приказав строго хранить его и доставить по адресу. В письме Хубилая выражалось пожелание, чтобы к нему прислали 100 сообразительных и умных представителей христианской веры, сведущих в «семи науках» — в «художественном слове, логике, пении, математике, астрологии, музыке и географии».

Кроме того, Хубилай наказывал послам заехать в Иерусалим и привезти масло из лампадки у мощей Христа[105]. Главной задачей послов Хубилая было заключить союз с Папой Римским и, проникнув в Иерусалим — святыню мусульманской религии под видом паломников, разведать положение в городе.

В то время монгольские феодалы во главе с Хубилаем выполняли дипломатические задачи, чрезвычайно ловко используя непрекращающуюся вражду между мусульманами и христианами.

Папа Римский принял монгольских послов Хубилая с большими почестями, устроил прием в их честь и повел с ними переговоры. Он отправил их обратно в сопровождении образованных монахов Никколо Виценского и Гильома Триполийского.

Папские послы имели с собой верительные грамоты и особое письмо для вручения монгольскому великому хану. Но эти послы вернулись с полпути и не попали на аудиенцию к Хубилай-хагану.

Только братья Николо, Маффео и Марко Поло, продолжая их путь, достигли Ханбалгасуна и передали Хубилаю грамоту и письмо. В развитии дипломатических отношений между монголами и Европой им принадлежит немалая роль. Молодой Марко Поло и два его брата, прожив 16 лет при дворе монгольского хагана, сделались приближенными Хубилая, которым он очень доверял. За это время молодой Марко Поло изучил монгольский язык и письменность, приблизился к хагану и стал его доверенным чиновником. Он назначался монгольским послом в Индию и другие южные страны, свободно разъезжал по китайским провинциям и городам.

Имеются сообщения, что Марко Поло совершал путешествия по южным районам Монголии, однако из них неясно, побывал ли он в Каракоруме. Судя по его путевым заметкам, он был в курсе не только политических вопросов, относящихся к управлению империей, но и дел, составлявших военную тайну. Например, Марко Поло были известны тайные намерения монголов, даже планы вторжения в Японию и другие восточные страны. Через много лет на обратном пути из Дайду на родину Марко Поло задержался на некоторое время при дворе монгольского хана в Персии и обсуждал с Аргун-ханом поручения, полученные им от Хубилая. Можно думать, что Марко Поло тогда непременно должен был встретиться с Рашид ад-Дином. Именно в этот период Рашид ад-Дин, живя при дворе Аргун-хана, занимался составлением «Сборника летописей». Во многих случаях он повторяет в своей работе события, описанные в путевых заметках Марко Поло.

Как отмечается в источниках, когда Николо, Маффео и Марко Поло собирались уезжать на родину в Италию, Хубилай устраивал пиршества в их честь, ежедневно встречался с ними, говорил подолгу на разные темы и тяжело расставался с ними в день проводов. Перед отъездом Хубилай пожаловал им две золотые пай-цзы с изображением кречета, которыми пользовались полномочные его дипломатические представители, и одну простую золотую пай-цзы. Это было выражением самого высокого доверия братьям Поло, какое Хубилай впервые оказывал иностранцам.

Из послов, которых Хубилай отправлял на Запад, выделялись своей деятельностью христианские монахи уйгуры Раббан Саума и Марк. Хубилай выдал им золотые пай-цзы как чрезвычайным послам и отправил в Иерусалим под видом паломников [106]. Основная задача и этих монгольских послов Хубилая была та же самая — собрать сведения о стране.

По прибытии в государство иль-ханов в Персии Раббан Саума и Марк были приняты пышно как личные представители монгольского хагана, а начитанный в христианских канонах Марк даже был возведен в сан архиепископа Багдада. Это, возможно, было предусмотрено поручением Хубилая. Назначив мон-

гольским послом Раббан Саума, владевшего многими европейскими языками, Хубилай наряду с подарками Папе Римскому, а также королям Византии, Франции и Англии передал с ним особые секретные послания.

Главная задача монгольского посла заключалась в личной встрече с правителями европейских стран и переговорах с ними о заключении союза. Чрезвычайный посол монголов, Раббан Саума, снабженный грамотой об особых полномочиях, побывал в Константинополе, Риме, Париже и Лондоне, встретился с царем Византии П. Андроникусом, Папой Римским Николасом IV, королем Франции Филиппом IV и королем Англии Эдуардом I, вручил грамоты и подарки и возвратился, с честью выполнив свою миссию. Французский и английский короли отправили с ним ответные послания, обещая заключить военный союз против Иерусалима, и подарки. Папа Римский назначил архиепископа Багдада Марка патриархом всех христиан на Востоке и вручил соответствующую грамоту. Из всего этого очевидно, что глава католической церкви поощрял и поддерживал деятельность монгольских хаганов, пытаясь направлять силы завоевателей в сторону своих противников.

Хотя Раббан Сауме и Марку и не суждено было снова вернуться в Ханбалгасун, но они, живя в государстве иль-ханов, энергично помогали развитию дипломатических отношений между монголами и странами Европы.

В правление Тогон-Тэмура, или точнее в августе 1342 г., в Ханбалгасун прибыл чрезвычайный посол Папы Римского Джон с миссией в 32 человека[107]. Тогон-Тэмур дал торжественную аудиенцию папским послам в своем летнем дворце в Шанду[108]. Папский посол доставил ему ценные подарки, в том числе «небесного аргамака». Известна картина, на которой художник изобразил хагана верхом на «небесном аргамаке»[109]. Историк И. Ракевильц писал, что эта картина хранилась в императорской коллекции в летнем дворце маньчжурских императоров еще в начале XIX в. и, возможно, сгорела в 1860 г., когда дворец был сожжен солдатами англо-французской армии, захватившей Пекин[110].

Тогон-Тэмур-хаган содержал послов с великим почетом и проводил их с подарками для Папы — золотом, серебром, шелковыми тканями, вышитой золотом одеждой, драгоценными камнями, жемчужинами, благовониями, мускусом и другими предметами[111].

При Юанях представители государства иль-ханов непосредственно ведали внешними отношениями монголов и играли роль посредников.

Отношения монголов с большими и малыми странами принимали широкие масштабы. Для того чтобы подчинить себе Тибет, Аннам, Бирму, Кохинхину и другие страны, монгольские правители прежде всего завязывали с ними политические, эко-

номические и религиозные связи. Это сыграло значительную роль в завоевании этих стран, роль, не меньшую, чем оружие.

Хотя притязания монголов в отношении такой страны Азии, как Япония, не покорившейся завоевателям, не имели успеха, ей принадлежит особое место в истории монголо-японских отношений.

Для развития контактов с Японией Хубилай-хаган использовал географическую близость к этой стране корейского государства, представители которого лучше других знали язык, письменность, нравы и обычаи японцев. Когда монгольский посол отправлялся в Японию, проводниками и переводчиками ему служили корейцы, а в чрезвычайных случаях даже сам корейский король играл роль посредника в монголо-японских отношениях.

Вначале Хубилай-хаган надеялся подчинить Японию дипломатическим путем. С этой целью он в 1266 г. впервые направил туда посла[112]. Посол монгольского великого хана в сопровождении корейца Хам Пуга прибыл на один из японских островов и потребовал личной встречи с императором, но японцы не допустили посольство в столицу и согласились лишь передать письмо Хубилая. В письме на имя императора Японии Хубилай потребовал немедленно прислать к нему послов с данью и признать себя вассальным государством. В заключение он угрожал, что будет объявлена война Японии, если она не последует предписанному. Получив ультиматум от посла монгольского великого хана, японский император Камэяма сильно перепугался. Он немедленно созвал крупных придворных сановников. Состоялось совещание, на котором долго обсуждался этот вопрос. Из многочисленных предложений, вносившихся на совете, приемлемым казалось одно: «Не дадим на требование никакого ответа. Будем молчать!» Император принял этот совет.

Монгольский посол пробыл в Японии около полугода, но так и не добился ответа. Вернувшись домой, он подробно изложил Хубилаю весь ход событий. Одновременно с письмом Хубилай-хагана корейский король также отправил послание на имя японского императора, в котором советовал ему поскорее вернуть на родину прибывшего с мирными намерениями посла могущественнейшего во всей вселенной монгольского хагана и наладить дружественные отношения с монголами. Однако японский император не выразил согласия. Тогда Хубилай решил перейти к политике захвата Японии военной силой. Но дипломатические связи монголов с Японией пока не прерывались.

Хубилай-хаган в 1281 г. в первый раз отправил 10-тысячную армию под командованием монгольского полководца Алахана для вторжения в Японию[113]. Опорной базой войны с Японией служила Корея. Военные суда Хубилая по пути в Японию, попав в сильный шторм, потерпели крушение и затонули. Остались в живых только три солдата. Военный флот монгольских хага-

нов неоднократно пытался вторгнуться в Японию. Хаганы направили в страну шесть посольств, не имевших, однако, успеха.

Монгольский хаган направил послов в островные владения Явы и Суматры, которые стали вассальными государствами, платящими «дань». В 1281—1282 гг. послы с многочисленных островов Южных морей посетили Китай, побывали на аудиенции у монгольского хагана империи Юань, преподнесли дань ценными товарами, обещали быть «честными и преданными вассалами» [114].

Из приведенных выше фактов явствует, что во второй половине XIII и в XIV в. монголы поддерживали широкие дипломатические и экономические отношения со многими странами. Иностранные послы и путешественники в своих путевых записках подробно описали внешние сношения монголов того времени, что очень ценно для наших исследований. Как показывает действительность, монголы отнюдь не выдвигали на первый план разбой и войну, они знали все тонкости внешних сношений и понимали важность соблюдения этикета в международных отношениях. Такая постановка вопроса никоим образом не является оправданием разрушительных захватнических войн монгольских завоевателей. Неправы те феодальные и буржуазные сочинители, которые изображали монголов как людей диких и грубых, нисколько не смысливших в законах дипломатии и от природы готовых только совершать набеги и разбой.

Таким образом, в своей дипломатической деятельности во второй половине XIII и в XIV в. монголы, отправляя полномочных послов с пай-цзы и особой печатью, принимая у себя иностранных послов в соответствии со своими обычаями и правилами, осуществляя политическую и военную разведку в чужих странах и заключая различные соглашения, умели совершать все эти акции в соответствии с нормами международных отношений того времени. В Монголии практиковались своеобразные правила, приемы и обычаи дипломатии. Это наиболее четко выявилось еще в период существования единого монгольского государства. Поскольку лишь сам хаган обладал верховным правом ведать сношениями с другими странами, то все дипломатические акции совершались только от имени хагана. При хагане состоял особый бичегэчи (битикчи) — человек, хорошо разбиравшийся во всех тонкостях внешних сношений. В письмах, отправляемых в другие страны, в большинстве случаев начало было написано по-монгольски уйгурскими буквами или квадратным алфавитом, а остальная часть — на языке той страны, куда отправлялось письмо, в конце хаган ставил свою подпись, затем прикладывалась государственная печать.

В тот период следовали правилам времен единого монгольского государства, по которым важнейшие вопросы внешних отношений — войны и мира — обсуждались и решались на хурилтае знати и ноянов. На обсуждение специального совещания

ноянов ставились вопросы об объявлении войны Японии, отправке послов на Яву и Суматру, завоевании Вьетнама и др. Китайские чиновники не допускались на эти совещания.

Послы, отправлявшиеся в далекие страны, обладали особым талантом. В. Рубрук писал, что монгольские послы пользовались золотыми, серебряными, бронзовыми и деревянными пай-цзы в зависимости от должности и чина. Золотые пай-цзы по размеру были «по ширине с ладонь и по длине с пол-локтя» [115] и на них писались хаганские указы. Посол с такой золотой пай-цзы мог требовать все, что захочет, и чтобы все выполнялось без промедления [116]. О таких же особых правах монгольского посла с золотой пай-цзы имеются сведения в тибетских работах [117]. В тех населенных пунктах, через которые проезжали монгольские послы — дипломатические представители, местные чиновники встречали и провожали их с большими почестями, сажали на самое почетное место независимо от чинов и рангов, давали охрану; в городах, куда прибывали эти послы, чиновники ожидали их у ворот, при этом встречающие били в барабаны, играли на духовых инструментах, стояли со знаменами и флагами и т. д.

Посол выучивал наизусть все поручение хагана и тем самым как бы засекречивал его. Это идет от традиционной монгольской практики «ду бариул» — «передавать песню». Правила приема послов из чужих стран, прибывающих в Монголию, также были своеобразными и сопровождались соблюдением этикета. Специальное ведомство ямских станций отвечало за жизнь послов, прибывших из других стран, и определяло их на постой всех в одном месте. Неприкосновенность прав иностранных послов уважалась и охранялась всеми способами. Существовал обычай проявлять о них заботу и оказывать им помощь в пути. Прием иностранных послов монгольскими хаганами обставлялся пышно. Это должно было продемонстрировать и утвердить в других странах представление о величии и мощи монгольских хаганов, называвших себя «далай-йин хаган» — «величайшие хаганы».

Но после того как монгольская империя распалась на ряд государств, каждое из них стало проводить свою внешнюю политику.

В заключение необходимо отметить, что хотя во второй половине XIII и в XIV в. внешние отношения монголов продолжались и развивались, они были тесно связаны с захватнической политикой монгольских завоевателей, стремившихся к овладению чужими землями, и в конечном счете служили интересам класса монгольских феодалов, жаждавших еще большего обогащения за счет эксплуатации других народов.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ МОНГОЛОВ

1. ХОЗЯЙСТВО МОНГОЛОВ

Во второй половине XIII и в XIV в. монголы не только занимались животноводством, но и охотились, сеяли хлеб, правда очень немного, строили города, развивали ремесленное производство и торговлю. Иными словами, вопреки утверждению авторов китайских исторических трудов феодального периода монголы того времени не были дикими, невежественными и голодными людьми, которые только и знали, что вести грабительские войны, и поддерживали свое существование благодаря поступлению китайского зерна, китайских тканей и других товаров, а имели уже самостоятельное хозяйство и могли в какой-то степени удовлетворять свои потребности. Поэтому мы классифицируем хозяйство собственно Монголии того времени по отраслям — животноводство, охота, земледелие, ремесло, торговля — и рассмотрим положение в каждой из них.

Животноводство

Приступая к исследованию хозяйства монголов, неизбежно приходится начинать прежде всего с основы экономики страны — животноводства. Природные условия Монголии благоприятствовали тому, чтобы народ ее занимался главным образом скотоводством. При изучении развития животноводства Монголии ранних периодов ее истории чрезвычайно важно рассмотреть такие коренные вопросы, как традиционные методы разведения скота у монголов, выбор кочевьев и пастбищ для перекочевок и др.

Известно, что Монголия — скотоводческая страна с давней исторической традицией. В 1971 г. на IX пленуме ЦК МНРП при обсуждении вопроса о развитии животноводства Ю. Цеденбал подчеркнул, что «решающей основой хозяйства нашей страны является животноводство», что его дальнейшее развитие имеет особое значение в настоящее время [1]. Естественно, очень важно рассмотрение истории и традиций монгольского животноводства с точки зрения современных задач.

В последнее время вопрос о кочевом скотоводстве находится в центре внимания ученых и специалистов всего мира, которые проводят большую исследовательскую работу в этой области. Советские ученые всегда придавали значение этой проблеме, впервые оценив роль кочевого скотоводства в монгольском обществе с позиций марксизма-ленинизма. Интересные исследования этой темы принадлежат И. Е. Захаровой[2], С. И. Руденко[3] и другим советским ученым.

Среди изученной нами литературы имеются работы, в которых последовательно и подробно рассмотрен вопрос о животноводстве у монголов XIII—XIV вв. К числу наиболее фундаментальных относится известный обобщающий труд Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов», где основательно исследован вопрос о животноводстве у монголов указанного периода.

В обширных, насыщенных фактами трудах японских ученых, в частности Уцида и Эгами Намио[4], посвященных скотоводству у сюнну, встречаются некоторые сведения, наблюдения и оценки, полезные для изучения взятого нами периода. Автор работы «Исследования по экономической истории монгольского общества» Ивамура Синобу[5] высказал новые взгляды на развитие скотоводства у монголов XIII в., привлекая сравнительные данные о скотоводстве в других кочевых обществах. Гото Томидо[6] в произведении «Кочевник-всадник», изучив состояние и историю развития древнего монгольского хозяйства, дал ему современную оценку.

Американский ученый О. Латтимор[7], написавший о состоянии скотоводства у кочевых племен на окраинах Китая, исследовал его в сравнительном плане у разных народов и высоко оценил культуру животноводства у кочевников.

Наши монгольские ученые Ш. Нацагдорж, Н. Сэроджаб[8], Ц. Дорджсурэн[9], Х. Пэрлээ[10], Д. Гонгор[11] и Н. Ишджамц[12] рассмотрели историю монгольского скотоводства в целом ряде работ, высказав интересные мысли.

Жители Центральной Азии, в том числе на территории Монголии, начали заниматься скотоводством 4,5—5 тыс. лет назад. Что касается источников по этому периоду, то хотя и существуют древние сочинения на китайском языке, данные которых относятся к скотоводству, но в них в редких случаях зарегистрированы конкретные сведения о монгольском скотоводстве. В китайских исторических работах содержатся упоминания о скотоводстве начиная с IV в. до н. э. у племен ху. В дальнейшем в источниках встречаются сообщения о скоте у «северных людей». Например, авторы часто пишут: «У людей Северной стороны много скота»; «у людей Северной стороны коровы черные, белые, желтые, пестрые и многих других мастей»; «коровы у людей Северной стороны хорошо переносят морозы, а влагу — плохо»; «люди Северной стороны приносят лошадей и коров в жерт-

ну Земле»; «у людей Северной стороны много овец; овец они различают не по числу лет, а по названиям зубов»; «люди Северной стороны считают скот по головам». В этих цитатах речь идет о скоте, который разводили монголы.

Но начиная с эпохи киданей (X—XII вв.) в китайских источниках фиксируются сведения о скотоводстве у монголов одновременно с констатацией этого этнонима. Например, в «Цидань го-чжи» («История государства киданей») сказано: «В Северной стороне находится государство монголов. Они не пашут и не сеют, а разводят коров, овец, верблюдов и лошадей и ведут торговлю с киданями шкурами» [13].

Посол государства Южных Сунов Мэн Хун писал: «У татар земли изобилуют водой и травой и благоприятны для овец и лошадей. Это является [их] средством к существованию. Для утоления голода и жажды [они] пьют только кобылье молоко» [14].

Все эти сведения связаны с временем существования монгольского единого государства. Таких сообщений встречается много, но ниже мы расскажем только о скотоводстве у монголов второй половины XIII и в XIV в.

Обширные пространства, на которых жили монголы, охватывали Хангай, Гоби и степной пояс Центральной Азии. Суровые климатические условия делали их пригодными главным образом для занятия скотоводством. Согласно общепринятой классификации погодных условий мира Монголия находится в той части средних широт (умеренного пояса) Центральной Азии, которая характеризуется континентальным климатом. В стране продолжительность холодного сезона года различна в зависимости от поясов. Например, если она составляет пять-шесть месяцев в северных степных и гористых районах, то она несколько короче в южных. В соответствии с этим выносливый монгольский скот в новых условиях приобретает новые специфические особенности. Юаньские великие ханы проводили политику, заключавшуюся в том, чтобы, сохранив собственно Монголию как страну кочевого скотоводства, использовать ее в качестве пастбищ для скота, принадлежащего хаганам и ноянам [15]. Иными словами, во второй половине XIII и в XIV в. разведение пяти видов скота (лошади, крупный рогатый скот, верблюды, овцы и козы) по-прежнему являлось способом добычи средств к существованию для монголов.

До сих пор в источниках не обнаружено конкретных исторических материалов, дающих возможность более или менее точно определить, сколько насчитывалось скота у монголов. Тем не менее в юаньских сочинениях имеется материал, дающий общее представление о численности монгольского скота, в особенности поголовья лошадей.

При чтении исторических работ юаньского времени, кстати сказать довольно многочисленных, встречаются упоминаемые

ниже краткие сообщения о монгольском скотоводстве. Например: «Монголия — страна кочевого скотоводства... С лета до зимы [монголы] кочуют там, где есть вода и травы. В 10-ю луну они возвращаются в установленные им кочевья» [16].

«Они (т. е. монголы) разводят скот в пустынях и степях протяженностью в 10 тыс. ли» [17].

«Монголы разводили крупный рогатый скот, овец, лошадей, верблюдов и мулов» [18].

«В эпоху Юань было 14 лу, где разводили скот; там разводили лошадей, крупный рогатый скот, верблюдов, мулов и овец» [19].

«Из стад скота пало бесчисленное количество, но впоследствии поголовье снова возросло» [20].

В XIII в. «считалось, что ойрат-монголы наиболее богаты овцами, коровами и верблюдами» [21].

«Ойрат-монголы жили на территории, которая служила пастбищами для стад четырех видов — верблюдов, лошадей, крупного рогатого скота и овец» [22].

«В северных полупустынях и степях, где разводят скот, было создано Управление коневодства, стали пасти отдельно крупный рогатый скот и овец... Кутачи из года в год пас верблюдов и лошадей установленным способом» [23].

«У монголов большая потребность в коровах и лошадях. Корова стоит 20 лан, лошадь — 30 лан» [24].

Судя по приведенным выше фактам, в XIII—XIV вв. монголы, в целом добывая себе средства к существованию разведением скота, занимались кочевым скотоводством главным образом в степном поясе. Из четырех времен года они в основном весной, летом и осенью кочевали, меняя пастбища, а зимние кочевья берегли, заботясь о здоровье и упитанности скота в период зимовки.

Монголы выбирали те или иные виды скота в зависимости от удобства пастбищ и наличия воды в данном районе. Например, в полупустынных районах, где в отличие от степей скудная растительность и жаркий климат, легче было разводить крупный скот, особенно верблюдов. Таким образом, для яков подходили местные условия районов Хангая, для мелкого скота и монгольского крупного скота — степей, для лошадей — условия всех районов страны.

Заметим, что в материалах того времени не делалось различия между яками и крупным рогатым скотом монгольской породы. Араты-скотоводы затрачивали огромный труд, чтобы обеспечить упитанность скота, постоянно улучшали методы выращивания его. По представлению Марко Поло и других иностранцев, у монголов скот бродил по безлюдным степям без пастухов — хозяев. В действительности дело обстояло не так, выращивание скота требовало упорного труда, заботы, ответственности.

Естественно, монгольские великие ханы, всегда стремившиеся к соблюдению своих личных интересов, к извлечению наибольшей выгоды, рассматривали развитие скотоводства как дело первостепенной важности, назначали людей, специально занимавшихся вопросами увеличения поголовья, сконцентрировали разведение скота именно в Монголии и заставляли монголов обеспечивать постоянный уход за скотом. Хубилай-хаган, взяв власть в свои руки, создал в Монголии специальное государственное учреждение для регулирования скотоводства и назначил туда чиновников. В связи с этим в источниках отмечалось, что в 1323 г. «создано учреждение под названием „Палата по скотоводству" для руководства делами, относящимися к животноводству в Монголии. В 1327 г. она была преобразована в Управление чиновников, ведающих стадами скота» [25].

«В 1-м году Хуан-цин (1312) было основано государственное Управление по использованию пастбищ Монголии» [26].

«Во 2-м году Тянь-ли (1328) по указу хагана 16 чиновников стали ведать делами, относящимися к скотоводству в Монголии» [27].

В источниках встречается много сообщений о создании в разные периоды специальных государственных учреждений, ведающих животноводством, однако скорее всего в большинстве случаев речь идет о ведомствах, несущих ответственность за государственный скот.

В китайских источниках содержатся сведения и другого рода.

«По указу Буянту-хагана народу Монголии были розданы верблюды, лошади, коровы и овцы, чтобы народ успокоился, пася [свой] скот» [28].

«В правление Гэгэн-хагана были перегнаны овцы, лошади, коровы и верблюды, содержавшиеся в провинции Ганьсу, и розданы народу в Монголии» [29].

Цитированные здесь два сообщения позволяют нам сделать важное заключение. Фраза о том, «чтобы народ успокоился, пася скот», возможно, имеет в виду тех, которые, живя в Монголии, лишились скота из-за бескормицы, или тех, которые, оказавшись в смутное время войн в чужих странах, жили там и теперь вернулись на родину. Однако достоверные факты на этот счет не найдены. Как бы то ни было, сообщение показывает, что в тот период монголы гораздо охотнее выращивали скот, чем работали в какой-либо другой отрасли хозяйства.

Из другого сообщения выясняется, что скот, находившийся на китайской территории, был переправлен в Монголию и роздан монгольским аратам. Известно, что монгольские феодалы, заняв часть Китая, стали превращать земли в пастбища и разорили много земледельческих районов этой страны. Осуществлялась политика, подобная той, которая была изложена в 1230 г. в докладе монгольского чиновника Бэдэ Огодэй-хагану: «Так

как китайцы не принесут никакой пользы нашему государству, истребим их и земли превратим в пастбища!». Но в конечном счете монгольские феодалы поняли значение земледелия и, как и ранее, сосредоточили занятие скотоводством в районах Монголии.

В «Юань ши» и других китайских источниках отмечалось, что у монголов во второй половине XIII и в XIV в. пастбищные угодья простирались до Кореи на востоке, бассейна р. Селенги на севере, пров. Ганьсу на западе и пров. Юньнань на юге. Это относится к начальному периоду правления Хубилая, причем подразумевается, что на этих пастбищах паслись главным образом табуны лошадей. В тот период выращивали лошадей не только в Монголии, но и в покоренных монголами странах. Очевидно, когда в источниках того времени пишут о скотоводстве, то записи эти имеют в виду главным образом государственный скот.

Судя по источникам, в управлениях, ведавших государственным или налоговым скотом, велись книги учета на монгольском, уйгурском и китайском языках. Чиновники периодически производили пересчеты скота и стремились восполнить недостающее поголовье за счет виновных.

В 1320 г. по указу императора чиновник Алаг-Тэмур, ответственный за государственный скот, произвел подсчет казенного скота и заново составил книги учета [30]. При пересчете скот перегоняли по 30 голов через узкий проход, заставляли государственного служащего, ответственного за стадо, возместить недостачу, а затем клеймили и записывали скот в книгу учета [31].

Метки и тавро скота были самые разнообразные. Марко Поло писал о том, что представители знати, ноянов и других сословий имели особые тавро и метки отдельно для меринов, кобылиц, верблюдов, волов и коров. Вообще монгольские тавро и метки скота представляют собой важный материал для выяснения вопроса о положении монгольских родов.

По указу императора ноян Хундан, пригнав из Кореи 83 головы крупного рогатого скота для казенных потребностей, поменял его на трехгодовалый скот у местных албату на основании того, что пригнанный скот не привык к влажному климату, и сделал соответствующие записи в налоговой книге [32]. В связи с тем что пало много лошадей в казенных стадах во всех племенах, в возмещение потерь было куплено 10 тыс. лошадей, соответствующая запись внесена в книги учета [33]. В 1326 г. был произведен подсчет казенных лошадей и обновлены книги учета [34]. Судя по приведенным данным, государство проявляло особую заботу, принимало экстренные меры для того, чтобы казенный скот выращивался в количестве не ниже установленного.

Как известно, состояние естественных пастбищ имеет решающее значение для разведения скота и повышения его продуктивности. Вопрос о правильном использовании пастбищ сто-

ял в центре внимания монголов того времени. Особенно большое значение имел выбор пастбищ в зависимости от вида скота. Например, пастбище, удобное для разведения овец, не годится для лошадей. Для верблюдов и крупного рогатого скота необходимы разные пастбища и т. д.

Придавая важнейшее значение пастбищам, монгольские хаганы периодически отправляли в Монголию своих представителей для проверки их состояния. В 1324 г. Есун-Тэмур-хаган неоднократно посылал чиновников в Монголию для проверки пастбищ[35]. Туг-Тэмур-хаган в 1330 г. командировал Али, Ходжа и других сведущих людей для изучения «северных» (т. е. монгольских) пастбищных угодий[36]. На основании этих сообщений можно подумать, будто монгольские хаганы тщательно следили за состоянием трав в своей родной Монголии, заботясь о ее благополучии. На самом деле они свидетельствуют о концентрации всех пастбищных угодий в Монголии в руках великого хагана. Одновременно они являются показателем того, что государство не могло не вникать в какой-то степени в вопросы правильного использования пастбищ и выращивания скота и совсем пустить их на самотек. Но следует подчеркнуть, что все указанные меры принимались главным образом в отношении содержания казенного скота.

Выше мы уже говорили о том, что для выбора подходящих пастбищ с травой и водой для своего скота простые араты через определенные промежутки времени переезжали с места на место, приспосабливаясь к климатическим условиям. Как пишет Ивамура Синобу, в этот период скотоводческие монгольские племена обитали на огромных пространствах от оз. Хулун-Буир до западных склонов Алтайского хребта[37]. Перекочевки были двух родов: сезонные, регулярные, и нерегулярные, однако из-за угрозы частых засух и гололедицы преобладали нерегулярные перекочевки. Кроме того, араты часто отрывались от ведения скотоводческого хозяйства и перемещались в дальние страны в зависимости от требований политического характера, чаще всего для службы в армии. В принципе известно, что ведение скотоводческого хозяйства — это тяжелый специфический труд в течение всего сезона, требующий от человека большой выносливости.

Хотя имеются сведения о том, что монголы для ведения скотоводческого хозяйства перекочевывали способом кӯрийэн (он был исследован Б. Я. Владимирцовым)[38], но это, очевидно, не было старым куренным способом кочевания. Здесь речь идет только о зависимых аратах, которые, кочуя вместе с хозяевами, выращивали их скот или выполняли другую работу. Иными словами, это могло быть началом практики XX в., когда крепостные кочевали вместе с «хорога» — «ставкой» своего нояна. В то время простые араты стремились по возможности кочевать группами для облегчения своего труда и защиты от опасных нападе-

ний, но это было не всегда реально, поэтому преобладало кочевание отдельными семьями — айилами или небольшими группами семей.

Как отмечал Б. Я. Владимирцов, также исследовавший айильный способ кочевания, в XIII в. применять куренной способ кочевания уже было нецелесообразно и невыгодно для ведения скотоводческого хозяйства [39].

Среди ученых ведется спор по определению основного вида скота, который выращивали монголы XIII в.— крупный рогатый скот, овцы или лошади? В. Эберхард в своей книге «Завоеватели и правители» указывает три типа животноводства в Азии: тибетский, который представлен овцеводством, монгольский — разведением крупного рогатого скота и тюркский — коневодством [40]. Японский исследователь Ивамура Синобу считает, что в XIII в. монголы выращивали главным образом овец, а затем, в зависимости от потребности, крупный рогатый скот. В некоторых китайских исторических работах говорится о том, что у монголов в количественном отношении лошадей было больше, чем остальных видов скота. Пожалуй, самое верное — рассматривать этот вопрос с точки зрения удовлетворения потребностей населения того времени. По нашему мнению, действительно в тот период монголы содержали мелкого скота больше остальных видов. Это объясняется тем, что овцы подходят для зон с резко сухим климатом и хорошо размножаются. Что касается потребностей населения, то в повседневной жизни монголы потребляют преимущественно баранину, овечье молоко, овчины и шерсть, а не продукцию от какого-либо другого скота. Поэтому несомненно в ту эпоху мелкий скот, или овцы и козы, составляли преобладающую часть скота у монголов.

Сюй Тин, проживший в монгольских степях около месяца, написал: «Татары (т. е. монголы.— *Ч. Д.*) используют главным образом овец для обеспечения себя пропитанием. За ними идет крупный рогатый скот». В. Рубрук также отмечал, что при Юанях монголы разводили стада овец и что мелкий скот у них составлял большинство скота [41].

Вторым после овец монголы разводили крупный рогатый скот, дававший важные средства к существованию, главным образом мясо и молоко. Кроме того, он использовался как транспортное средство при перекочевках. Если даже судить по тому, что ныне в МНР крупный рогатый скот составляет треть убоя скота и дает 20% всей продукции животноводства, то несомненно, в тот период крупный рогатый скот по количеству получаемой от него продукции следовал за овцами. В. Эберхард отмечает, что в древние времена у монголов было много крупного рогатого скота, который пригоден для выращивания в снежных горах [42]. Однако Ивамура Синобу опровергает это утверждение В. Эберхарда. С его точки зрения, действительно, монголы XIII в. содержали много крупного рогатого скота, но

его пасли не в снежных горах, а, напротив, на равнинах и в низинах[43]. На наш взгляд, возможно, оба исследователя по-своему правы, так как первый имеет в виду яков, а второй — крупный рогатый скот монгольской породы. Характерно, что иностранные ученые часто смешивают яков и крупный рогатый скот монгольской породы под общим названием «крупный рогатый скот» и спор оказывается беспредметным.

В источниках имеются сведения о том, что монголы занимались главным образом разведением коней, а не других видов скота. В связи с этим в период Юань специально было создано управление коневодства (ма-чжэн-сы). Тогда хаганские табуны назывались «табунами предков», и в период правления Хубилай-хагана было организовано «управление табунов предков»[44]. В принципе неудивительно, что монголы выращивали много лошадей. В то время было мало таких же полезных видов скота, как лошадь. К тому же конь играл большую роль на войне.

Японский ученый Гото Томидо пишет, что монголы, давно приручившие лошадь, в XIII—XIV вв. употребляли в пищу конину как ценный продукт питания[45].

Управление коневодства ведало выращиванием и обучением коней, использованием их на военной или почтовой службе, обложением табунов налогом и другими вопросами. В китайских источниках и табун, и конь, и кобылица всюду названы лишь «ма» — «лошадь». Однако неправильно переводить «ма» как «лошадь» или «конь», не различая указанных выше значений.

Трудно определить примерное количество лошадей, имевшихся тогда в Монголии. Источники приводят отрывочные данные: «На ямских станциях внутренних районов Китая использовалось более 40 тыс. лошадей»[46]; «в Хэнани у 40 тыс. монгольских воинов было в употреблении 82 тыс. коней»[47]; «94 тыс. коней, содержавшихся ежегодно в Шанду, сократилось до 50 тыс., и 119 тыс. коней, которые выкармливались в других лу, сократились до 60 тыс.»[48]. Как видно из сказанного, в подобных сообщениях источников указывается лишь численность коней, отобранных для снабжения воинов в определенных районах, и она не отражает размеров поголовья лошадей во всей стране. Отсутствие сведений в источниках о поголовье лошадей у монголов связано с тем, что оно, так же как и численность армии, держалось в тайне.

Необходимо отметить, что Джагджид и Ч. Бауден подробно осветили вопросы, связанные с официальной политикой монгольских хаганов в области коневодства на территории Китая, разведением лошадей в Монголии в период Юань, ролью коня в жизни монгола и др.

В Монголии во второй половине XIII и в XIV в. выращивались также верблюды, которые служили средством передвижения на караванных путях в дальние страны. Существуют преда-

ния о том, что верблюдов разводили с древних времен в полупустынных районах Монголии. Однако Б. Я. Владимирцов замечает, что монголы получили верблюдов из Тангута (Си-ся) в начале XIII в.

По имеющимся в источниках сведениям, монголы тогда разводили верблюдов и мулов, но последних, очевидно, было очень мало. В сунских и юаньских источниках обычно встречаются сообщения, подобные следующим: «Монголы, выращивающие верблюдов, ездят на них верхом»; «верблюд проходит 50 ли в день не уставая»; «монголы перекочевывают на верблюдах, перевозя на них пожитки и скарб»[49]. Эти сообщения подтверждают, что монголы разводили верблюдов и использовали их в своем хозяйстве. Но в тот период монголы, возможно, еще не оценили до конца продукты, получаемые от верблюдов. Таковы краткие сведения о скотоводстве монголов во второй половине XIII и в XIV в.

Охота

В рассматриваемый период у монголов хозяйственная роль охоты намного уменьшилась, и она уже перестала быть основным источником существования. Но охота пока еще целиком не была вытеснена из числа отраслей хозяйства страны. В то время из всех монгольских племен, занимавшихся кочевым скотоводством, лишь небольшая часть их, состоящая из немногочисленных лесных урянхайцев, постоянно жила охотой.

Ивамура Синобу отметил, что никак нельзя недооценивать значения охоты в хозяйственной жизни монголов XIII—XIV вв.[50]. Вполне вероятно, он имел в виду не тех, которые постоянно жили охотой, а аратов-скотоводов, занимавшихся охотой, чтобы иметь дополнительный источник питания. Значительная часть урянхайцев и ойратские племена сильно пострадали в период войн между Хубилаем, с одной стороны, и Хайду и другими монгольскими феодалами — с другой, и были вынуждены перекочевать из лесных и таежных районов в степные. Но основная причина ухода их из тайги объяснялась тем, что выращивание скота у них стало главным средством к существованию и исчезла возможность жить и разводить скот в лесах, где глубокий снег и наличие множества хищных зверей мешали этому занятию. Одновременно они уже потеряли интерес к тому образу жизни, когда охота является единственным способом добывания средств. Все эти обстоятельства и стали причинами переезда их из лесов в степь. Таким образом, охота приобрела качество только дополнительного источника существования монголов.

Охоту у монголов в то время можно подразделить на два вида, которые следует назвать «большие облавные охоты» ха-

ганов и ноянов и «охота за дичью», служившая подспорьем в хозяйстве простых аратов.

Простые монгольские араты стремились с помощью охоты лишь дополнить свои средства существования. Всюду араты, имевшие скот, одновременно промышляли дичью, увеличивая свой рацион повседневного питания. Неясен лишь вопрос о том, какие орудия применялись для добычи того или иного вида дичи. Из источников стало известно, что в тот период охотники использовали на охоте собак и ловчих птиц. По сообщениям В. Рубрука и Марко Поло, зверя окружали, загоняли в круг и убивали из луков. Некоторые сведения создают впечатление, будто монголы также ставили капканы на тарбаганов, лисиц и зайцев. В источниках юаньского периода иногда встречаются короткие, не очень ясные фразы об охоте монгольских аратов. Например, такие:

«Татары охотились за дичью с луками и стрелами. Кроме того, они использовали на охоте собак»[51].

«У них (т. е. монголов.— *Ч. Д.*) мужчины охотятся за соколами и хищными зверями»[52].

В источниках содержится очень много сообщений об облавных охотах, организовывавшихся хаганами и ноянами. Эти облавы иногда продолжались месяцами. Места охоты были заранее распределены между хаганами и ноянами, простым аратам запрещалось охотиться там.

При чтении источников создается впечатление, что у монгольских правителей облавные охоты преследовали две основные цели. Прежде всего еще была жива монгольская традиция, по которой с помощью охоты производились войсковые учения для подготовки к походам и войнам и отбирались будущие военачальники из числа метких стрелков-охотников. Вместе с тем они также служили забавой для хаганов и знати. В источниках отмечается, что Хубилай, как и Огодэй-хаган, любил устраивать охоты. Марко Поло также писал, что «облавные охоты демонстрировали могущество монгольского великого хагана»[53].

Начиная с правления Хубилай-хагана на территории Монголии и Северного Китая были отведены специальные районы, где устраивались хаганские облавные охоты. Такие обширные угодья, как, например, Желтая степь в пров. Шаньдун и Большая орхонская долина, были особенно прославленными районами хаганских облавных охот.

В тот период охота в качестве придатка к основной отрасли хозяйства, скотоводству, продолжала быть для населения значительным подспорьем в повседневной жизни.

Путешественники и ученые отмечали, что в XIII—XIV вв. в Монголии занимались также ловлей рыбы.

Как видно из «Тайной истории монголов», записок Чан-чуня, Рубрука и других работ, монголы ловили рыбу в оз. Далайнор с помощью крючков или рыболовных сетей. Рыбу употреб-

ляли в пищу в районе Каракорума. Дархаты и урянхайцы едят уху для восстановления сил после болезни или истощения по другим причинам. Кроме того, среди них имеет хождение предание о том, что белая рыба из оз. Цаган-нор (в переводе «Белое озеро») — «чистая» еда, завещанная предками. Из этого следовало, что в некоторых частях Монголии издревле жили люди, которые ловили рыбу. Но рыболовство не было распространено повсеместно, и большинство населения страны не занималось им. Правдивые высказывания по этому вопросу содержатся у В. Рубрука: «В Монголии много чистых рек, изобилующих рыбой. Но мы не видели, чтобы там люди ловили рыбу» [54].

Земледелие

Во второй половине XIII и в XIV в. в Монголии получило некоторое развитие и земледелие. Хлебопашество в казенных пахотных поселениях было начато еще при Чингисхане.

Во время существования единого монгольского государства Чан-чунь, приехавший в Монголию через район оз. Буир-нор, наблюдал посевы злаковых и огороды у аратов, живших в этом районе.

В «Тун-чжи тяо-гэ» и других источниках того времени неоднократно упоминаются указы, изданные императорами о поощрении развития земледелия, запрещении скармливания и вытаптывания посевов и садов скотом, выгнанным без пастуха, и т. д. Но это относится главным образом к земледелию на территории Китая.

В XIII—XIV вв. на территории современного Гоби-Алтайского аймака, в районе Улясутая, развивалось земледелие, которому было положено начало еще во времена Чингисхана.

Существуют сообщения о том, что по приказу Чингисхана чиновник Чинхай [55] занимался вопросами земледелия в районе Улясутая. Он выбрал пригодную для хлебопашества целину западнее Улясутая и, осев там, построил город Чинхай-балгасун.

Юаньский литератор Сюй Южэнь [56] писал: «У Чинхая помимо местного народа многочисленные уйгуры, кидани и чжурчжэни рыли канавы и сеяли хлеб». Так называемые «Поля Чинхая», возможно, находились в нынешней долине Гундзэн-Тэл вблизи горы Хасагту-Джаргалан на территории Гоби-Алтайского аймака. Там до сих пор сохранились расколовшиеся каменные жернова конной мельницы, котлы, остатки колодцев на склонах горы и русла канав. Как показывает обследование, это — памятники, оставшиеся от пахотного поселения второй половины XIII и в XIV в.

Чжан Дэхуэй отмечал, что большинство жителей долины Каракорума сеют просо и пшеницу и некоторые из них сажают овощи. По мнению Х. Пэрлээ, долиной Каракорума автор назвал Орхонскую долину [57].

На основании сказанного выше можно утверждать, что в рассматриваемый период в Монголии центрами земледелия были Каракорум в бассейне р. Орхон, Чинхай-балгасун в долине р. Гундзэн-Тэл и некоторые районы на территории проживания ойратов.

В китайских исторических работах ойратов иногда называют киргизами. В то время они сеяли хлеб, возможно, в бассейне р. Хара-Усун, в современном Кобдоском аймаке, долине р. Булаган-гол и Улангоме, Тариате и других районах Хубсугульского аймака. Автору этих строк доводилось слышать предание о том, что современный канал в Сартагтае был прорыт из р. Хара-Усун, может быть, еще в период Юань. Но это вопрос, требующий дополнительного изучения.

На территории Чинхай-балгасуна продолжали сеять хлеб и в юаньский период. В источниках содержатся такие сведения о земледелии в этом районе: в 1302 г. там был посеян хлеб и увеличилась урожайность полей; в 1314 г. в Чинхай-балгасуне отремонтировано пять канав и посеян хлеб; в 1320 г. там было поселено 2000 «обнищавших» и приказано им заниматься хлебопашеством; в 1321 г. снова отремонтировано пять канав и произведен посев [58]. Но в Чинхай-балгасуне находились преимущественно казенные поля, а поля местного населения занимали только малую часть.

Одна из основных причин значительного развития казенного земледелия в Монголии в тот период заключалась в следующем. Так как войска Ариг-Бога, Хайду и Наяна, воевавшие в свое время против Хубилая и Тэмура, в течение многих лет вплотную подходили к указанным районам, юаньское правительство, стараясь не отдавать их противнику, вводило в Монголию китайские контингенты войск и расселяло их там в качестве силы подавления. Эти китайские части, расквартировываясь на отгороженных участках, сеяли хлеб, выращивали овощи и обеспечивали себя продовольствием. В течение 20 лет, с 1272 по 1293 г., в Монголии 10 раз размещались крупные части китайских солдат. Им раздавали из казны тягловый скот, плуги, лопаты и другой инвентарь, а также семена. Они занимались земледелием [59]. В китайских воинских частях из каждого десятка два солдата сеяли хлеб и отвечали за снабжение продовольствием остальных восьми человек [60]. Те китайские части, которые уходили в Монголию и занимались там земледелием и огородничеством, пышно именовались как «личные [императорские] армии из пяти гвардий» — «У-вэй цинь-цзюнь». В первый период завоевания Китая Хубилай сформировал пять войсковых частей из китайцев, которые раньше других сдались и перешли к нему на службу. Эти китайские солдаты были обязаны переехать на Север с семьями.

Су Тяньцзюэ писал: «По указу Хубилай-хагана пахали землю и сеяли хлеб в Юньнани, Гуанси и Монголии» [61]. Его сооб-

щение позволяет нам прийти к некоторым выводам. Прежде всего надо отметить, что монголы впервые за всю историю Китая организовали хлебосеяние у национальных меньшинств Юга страны. Вместе с тем оно показывает, что в эпоху Юань хлебопашество и огородничество в Монголии получили значительное развитие.

В 1320 г. в Монголии было создано управление казенного земледелия. В тот период в стране было зарегистрировано 4648 семей землепашцев и более 6400 хубияров [62] посевных площадей. В число этих земледельцев включены и китайские солдаты. В настоящее время отсутствуют данные, которые позволили бы точно установить численность китайских и монгольских семей.

Во многих местах «Юань ши» отмечено, что не только китайские солдаты, но и монгольские воины и местные араты также несли земледельческую повинность в Монголии. Например, в данном источнике содержатся такие сообщения:

«[Император] повелел монгольским семьям, которые имеют скот, но сеют хлеб, не выдавать зерна» [63]; «[император] сделал постоянным правилом [поощрять] те случаи, когда монгольские воины желают продолжать сеять хлеб на участках, которые они однажды засеяли» [64]; «[император] отправил 3000 монгольских воинов сеять хлеб» [65].

«В 23-м году Чжи-юань (1286)... [император] повелел монгольским воинам сеять хлеб и быть в боевой готовности на случай появления противника» [66].

«В 28-м году Чжи-юань (1291) [император] повелел выдать 30 тыс. монголам крупный рогатый скот и сельскохозяйственный инвентарь» [67].

«[Император] повелел раздать монгольским семьям часть казенного скота, содержащегося в Ляояне и Датуне, а также выделить им поля для посевов» [68].

«[Император] повелел: „Что касается монгольских семей, которые посеяли хлеб и имеют лошадей, овец и коров, то воздержитесь от выдачи им жалования и раздайте его тем, у кого нет скота!“» [69].

«[Император] повелел раздать монгольским воинам для хлебопашества участки на заросших травой землях к югу и северу от Хуанхэ» [70].

В Монголии военно-пахотные поселения, по-видимому, заняли довольно обширные площади. Так как в стране поселилось слишком много китайских солдат, которые стали распахивать пастбища, араты-скотоводы обращались с жалобами в суды. Надо сказать, что жалобы эти оставлялись без последствий. Не случайно в «Тун-чжи тяо-гэ» зафиксировано: «Во многих случаях чиновники, ведающие поселениями землепашцев, уклонялись от поездки в Монголию по причине того, что районы земледелия расположены далеко и климат там плохой» [71].

Тем не менее казенное земледелие в стране не имело будущего. Из-за сильных морозов в зимнее время китайские солдаты, которые переводились на территорию Монголии и наряду с монгольскими частями занимались земледелием в военно-пахотных поселениях, не хотели надолго оставаться на севере в трудных климатических условиях, а китайским крестьянам монгольскими хаганами было строго запрещено заниматься земледелием в Монголии. После подавления сопротивления Хайду хаганы уже не хотели, чтобы даже солдаты-китайцы сеяли хлеб и подолгу проживали в Монголии. Вследствие этого земледелие, развивавшееся в отдельных районах, со временем, возможно, целиком перешло в руки монголов.

Согласно источнику, в 1337 г. по указу Тогон-Тэмур-хагана в Монголии было прекращено казенное земледелие по причине того, что «в Северной пустыне очень холодно». Возможно, в самом деле, казенное земледелие в Монголии было прекращено из-за плохого роста сельскохозяйственных культур и периодических неурожаев при сухом и холодном климате страны, но главная причина, по-видимому, заключалась в том, что монгольские хаганы опасались самого факта распахивания пастбищ китайцами и постоянного присутствия в стране больших контингентов китайских солдат. В частности, тот же Тогон-Тэмур отозвал обратно китайские воинские части, занятые в казенном земледелии в Монголии, когда в 1337 г. в Китае началось повстанческое движение против династии Юань и создалось тяжелое положение в империи.

Но земледелие в Монголии на этом не прекратилось. Монголы сами стали постоянно заниматься им, сеяли понемногу хлеб и получали дополнение к продуктам повседневного питания.

Китайские агротехнические приемы, хотя и с трудом, но проникали в Монголию.

На основании сказанного можно предположить, что во второй половине XIII и в XIV в. появился новый вид «монгольских злаковых», приспособленный к климатическим условиям Монголии. Ученые пришли к выводу, что этот вопрос заслуживает дальнейшего изучения. Известно, что монголы приобретали готовую муку у китайцев, но они и сами мололи на мельнице или толкли в ступке пшеницу и получали муку для употребления в пищу в том или ином виде.

Хотя земледелие занимало незначительное место в экономике Монголии, все же были заложены первые основы для его развития, и это оказало соответствующее прогрессивное влияние на дальнейшее развитие монгольского общества. Одновременно развитие земледелия в Монголии является одним из признаков подъема производительных сил в стране в рассматриваемую эпоху.

Ремесла

В Монголии ремесла существовали с древних времен. В период единого монгольского государства кустарное производство получило еще большее развитие по сравнению с XII в. Несколько крупных поселений ремесленников и мастеров сосредоточилось вокруг Каракорума.

Во второй половине XIII и в XIV в. монгольские императоры придавали большое значение кустарному производству, особенно государственному, или казенному, и продолжали всемерно его развивать. Мелкие ремесленные мастерские, сконцентрированные в определенных пунктах, приобретали характер крупных мануфактур. Судя по тому, что монголы изготовляли в большом количестве просторные палатки — дворцы, кибитки, луки и стрелы, в тот период ремесла в стране достигли значительного развития. Но после прихода к власти Хубилай-хагана все прославленные мастера из таких городов, как Каракорум, были переведены в Китай. Это явилось тормозом для развития ремесел в собственно Монголии.

Многие центры кустарного производства, работавшие на удовлетворение потребностей монгольских хаганов и других представителей знати, размещались на китайской территории. Однако оружие (луки и стрелы, мечи и щиты), мебель, юрты, монгольская водка с особыми вкусовыми качествами и некоторые другие важные изделия производились в Монголии самими монголами. Часть ремесленного производства носила семейный характер. Помимо предметов широкого потребления для аратов-скотоводов ремесленники изготовляли и ремонтировали сельскохозяйственный инвентарь и орудия для нарождающегося земледелия. Каракорум, Чинхай-балгасун и Шанду были городами с развитым ремеслом.

После того как Хубилай-хаган перенес столицу на территорию Китая, многочисленные ремесленные мастерские, находившиеся в Каракоруме, были переведены в Ханбалгасун, Шанду и другие города. Но в Каракоруме продолжали работать многие кустарные предприятия — винокурни, оружейные, ткаческие, гончарные, железоделательные и столярные мастерские.

В Монголии появилось много знаменитых мастеров, среди них, в частности, были резчики. Например, можно назвать Тогус-Тэмура, выбившего портрет Будды на скале около Ханчжоу, Тангута, искусно изготовлявшего луки и стрелы, и др. В «Юань ши» отмечается, что «мастер-лучник Тангут и его потомки жили из поколения в поколение в Каракоруме; там также были мастера, изготовлявшие щиты» [72]. Судя по сообщению, из ремесел в Каракоруме производство военного снаряжения и вооружения, возможно, занимало центральное место [73].

В Монголии назначались многочисленные специальные чиновники для управления ремесленным производством. Напри-

мер, как сообщается в «Тун-чжи тяо-гэ», туда отправлялись чиновники для руководства переработкой шерсти, кожевенным производством, изготовлением предметов вооружения — луков и стрел и т. д.

Как пишет китайский историк Ши Икуй, в ту эпоху в «Каракоруме и других местах в Монголии производились гончарные и деревянные изделия, сельскохозяйственный инвентарь, деревянные повозки и деревянные лодки» [74]. Известно, что в 1292 г. по указу Хубилай-хагана было запрещено простым семьям винокурение, которое отныне могло производиться только для удовлетворения казенных потребностей.

В Чинхай-балгасуне развитие ремесла приняло значительные масштабы. В «Юань ши» сообщается, что в разное время были переданы в распоряжение ремесленных мастерских Чинхай-балгасуна 300 семей пленных из Западного края — художников по орнаменту и многочисленные семьи ткачей по золототканой парче [75]. В 1297 г. в городе появились мастера по изготовлению сельскохозяйственного инвентаря [76].

По данным источников, в Монголию были привезены «солдаты-мастера» из Китая. Как говорится в «Юань ши», в Каракорум и Чинхай-балгасун прибыли китайские мастера, организованные по-военному, для строительства дворцов и производства тканей [77]. Существуют сведения о том, что в ремесленных мастерских Монголии применялись тогда киноварь, ртуть и драгоценные камни в производстве различных изделий [78], но это относится только к немногочисленным казенным мастерским.

Кустарные производства получили довольно широкое распространение в г. Шанду. В источниках отмечается, что там работало много золотых и серебряных дел мастеров, а также художники, изготовлявшие декоративные детали для украшения храмов и субурганов. Там же 17 мастерских производили ковровые, железные, золотые, серебряные и деревянные изделия, причем некоторые из них имели более 1000 занятых [79].

Кроме казенных ремесел в Монголии были известны довольно многочисленные частные ремесла, носившие семейный характер. Но в источниках феодального периода, подробно сообщающих о казенных ремеслах, сравнительно редко упоминается о предметах ремесла, создававшихся отдельными мастерами. И все же имеются сведения, что во второй половине XIII и в XIV в. монгольские народные мастера умело изготовляли деревянные каркасы юрт, седла, уздечки, путы, волосяные веревки и другие предметы, необходимые в быту скотовода, кувшины, ведра, корыта, ложки, бурдюки для кумыса и другую столовую и кухонную посуду, луки и стрелы, ножи, копья, щиты и другие предметы вооружения и военного снаряжения.

У монголов продолжали совершенствоваться в этот период древние традиционные виды декоративного искусства — художественная вышивка и резьба по дереву. Монголы, как обычно,

украшали стены юрты, ободки тонов (круг верхнего отверстия юрты) и войлочные двери различным вышитым или резным орнаментом.

Монгольские мастера искусно изготовляли моринхур, арфы, хучир (род скрипки) и другие музыкальные инструменты и распространяли их в Китае и других странах. Они же на высоком художественном уровне мастерили предметы шаманской одежды, бубны, бамба, зеркала, колокольчики и т. п.

У монголов ремесла имели древние традиции, а в указанную эпоху в Монголию проникал опыт иностранных мастеров. Это оказало соответствующее влияние на развитие ремесел в Монголии.

Города и поселения

Во второй половине XIII и в XIV в. в Монголии продолжалось развитие городов и поселений. Но представители так называемого «золотого рода» Чингиса и другие феодалы сосредоточились в больших китайских городах и, наживая богатства за счет китайского населения, не заботились о строительстве в городах и поселках у себя на родине в Монголии. Среди них не нашлось таких, которые бы подражали младшему брату Чингисхана Отчигин-нояну, постоянно выступавшему инициатором в строительстве городов и нередко воздвигавшему красивые дворцы в Монголии[80].

В первой главе настоящей книги уже говорилось о том, что в период Юань г. Каракорум вовсе не был покинут жителями. По мнению советского ученого С. В. Киселева[81], город подвергся сожжению во время войны между Хубилаем и Ариг-Богом (1260—1261). Но, по многочисленным свидетельствам источников, Каракорум не был разрушен и в период правления Тэмур-хагана (1294—1307). В «Юань ши» отмечается, что «во время войны с Хайду Тэмур-хаган прибыл в Каракорум и занял рынки и погреба»[82]. В своих записках Марко Поло точно указывал размер Каракорума по окружности, как будто он там сам побывал[83]. Но он все же, по всей видимости, не попал в Каракорум.

В 1297 г. в Каракоруме велось большое строительство. Юрта, в которой жил Чингисхан, и дворец, построенный Монкэ-хаганом, были реставрированы соответственно в 1331 г.[84] и 1351 г.[85]. В 1346 г. ремонтировались некоторые основные дворцы в городе. Монголы любили столицу своего государства, берегли ее и восстанавливали. В то время само название Каракорум закономерно вызывало в душе монгола думы о монгольском государстве. Даже монгольские хаганы берегли и сохраняли Каракорум. Тогон-Тэмур, в частности, построил в городе новые буддийские храмы и монастыри. Как отмечал Н. М. Щепетиль-

ников, «в XIV в. в Каракоруме были буддийские храмы и монастыри значительных размеров» [86].

После падения династии Юань сын Тогон-Тэмура Аюшири — дара-Билигту, в 1370 г. заняв престол монгольского хагана в Каракоруме, снова сделал город политическим центром страны, оживил его славу величественной столицы монголов. Это сразу же вызвало неудовольствие китайских феодалов. И вскоре, как уже говорилось, войска китайской империи Мин сожгли город; Каракорум был восстановлен, но впоследствии еще неоднократно подвергался разорению со стороны китайской армии.

Из других городов выделялась своей красотой летняя резиденция монгольских ханов Шанду. Дворцы ее отличались самобытной монгольской национальной архитектурой. Город имел большие рынки, изобиловал различными ремесленными мастерскими и буддийскими храмами.

Шанду располагался вблизи оз. Долон-нор. И хотя часто употреблялось китайское название города — Кайпин, большинство монголов именовали его Шанду-балгасун («город Шанду»).

Около Шанду был построен крупный буддийский монастырь со 108 храмами, а впоследствии недалеко от Каракорума был воздвигнут монастырь Эрдэни-дзу со 108 субурганами. Часто говорят, что память об этих двух исторических городах Монголии увековечена строительством двух буддийских монастырей со 108 религиозными сооружениями, как 108 бусами на буддийских четках.

Между 1369 и 1388 гг. Шанду несколько раз подвергался разрушению минской армией. Японские ученые подвергли тщательному изучению Шанду. Судя по работе японского автора о Шанду Харада, в XIV в. это был довольно большой город, в котором помимо прекрасных дворцов и буддийских храмов находилось несколько рынков [87].

Имеются сведения о том, что Хадан и Наян строили дворцы в долине Орхона, но подробностей об этом не сообщается.

В исторической литературе зарегистрированы так называемые города «четырех орду — ставок» (дорбэн орду) Хубилай-хагана. Это название связано с тем, что Хубилай, желая сравняться с самим Чингисханом, именовал так основанные им четыре города.

Первая ставка его была в Ханбалгасуне (Пекине). Этот город был построен монголами, но был населен в основном китайцами. Второй его ставкой был упомянутый выше г. Шанду. По сообщению Саган Сэчэна, третьей ставкой Хубилая был Чаган-балгасун, находившийся за Алтайским хребтом [88]. Версия о том, что город был расположен за Алтаем, является ошибочной. Очевидно, Чаган-балгасуном у Саган-Сэчэна названа ставка в Чаган-норе.

В связи с тем, что Хубилай-хаган построил свою третью ставку в местности Чаган-нор в марте 1280 г., она стала из-

вестна под этим названием. Ее также именуют Чаган-балгасун («Белый город»). В записках Марко Поло есть замечание о ставке в Чаган-норе. Имеются упоминания об этой ставке и в других источниках. Но самые подробные записи о ней оставил чиновник эпохи Юань Чжоу Боци.

В главе 136 «Юань ши» содержатся сообщения об этой ставке.

«[По важности] за Шанду следует ставка в Чаган-норе».

«Байджу в 3-ю луну 1264 г., отправляясь в Шанду по указу императора, прибыл в Чаган-нор».

Японский ученый Янай Ватари, детально изучавший вопрос о походной ставке императора в Чаган-норе, писал: «Несомненно, что Хубилай возвел походную ставку между Дайду (Ханбалгасун) и Шанду»[89]. Следовательно, третьей ставкой Хубилай-хагана была ставка в Чаган-норе.

Ряд ученых, в том числе Янай Ватари, утверждали, что четвертой ставкой Хубилай-хагана был Люлин. В главе 167 «Юань ши» об этом сказано: «Весной 1292 г.... вместе с императором отправился в походный дворец Люлин». Янай Ватари писал, что походная ставка Люлин располагалась южнее Дайду, и для того чтобы достичь ее, надо было ехать два дня в направлении моря. Каждый год 1-го дня 3-й луны император выезжал туда из Дайду и, разместив жен, сыновей, родственников и знатных ноянов для развлечений в более чем 10 тыс. юртах и палатках, проводил там весну. В 5-ю луну он во главе всех возвращался в Дайду[90]. Монгольский историк Х. Пэрлээ неоднократно приводил доказательства правильности сообщений «Шара туджи» и других источников о том, что четвертой ставкой Хубилай-хагана был Лантин, расположенный у истоков р. Эрчула. Со своей стороны, мы присоединяемся к этому мнению и считаем, что действительно четвертой ставкой Хубилая являлся указанный город Лантин. Судя по всему, эта последняя из «четырех орду» Хубилая могла находиться на современной территории МНР.

В период Юань г. Инчан назывался Инчан-лу (центр административной единицы лу Инчан), подобно Каракоруму, который назывался Хэлинь-лу (центр административной единицы лу Каракорум). В то время Инчан был крупной военной крепостью. Здесь умер Тогон-Тэмур-хаган, а Аюширидара и Тогус-Тэмур, размещаясь с войсками в этой крепости, вели войны против империи Мин. Город Инчан находился в северной части Чахара во Внутренней Монголии, к юго-западу от оз. Далай-нор, или у западной границы Кэшиктенского хошуна. В 1388 г. китайские генералы Му Ин и Ли Вэньчжун, взяв Инчан, перебили население и сожгли город дотла[91].

В источниках сообщается, что в эпоху Юань это был городок с обширным парком. Там останавливались хаганы и их родственники. Точное его местонахождение неизвестно[92].

В «Юань ши» имеются сведения о том, что Хубилай-хаган построил на монгольской территории г. Чжаочжоу, поручив его сооружение Луг Хара-батуру[93]. Хотя известно, что он возводился где-то в районе Алтайских гор, но до сих пор точного его местонахождения также не обнаружено.

В источниках упоминается еще так называемый «военный город, распространяющий величие императора». По-видимому, это была крепость, где Хубилай квартировал армию в период борьбы с Ариг-Богом. Как отметил X. Пэрлээ, город находился на месте современного городища Хогшин-Тэла[94].

По данным, содержащимся в исторических работах, у Тэмур-хагана уже насчитывалось пять ставок (орду). Имеются в виду четыре ставки Хубилая плюс вновь построенная ставка Чжунду.

В 1326 г. была создана еще ставка Бай. В последний период существования империи Юань в Китае Тогон-Тэмур-хаган намеревался построить новую столицу на территории Монголии. По-видимому, строительство города было начато в 1360 и закончено в 1370 г. Но Тогон-Тэмур умер, не успев переехать в этот город, названный Хэрлэн-Барс. Город Хэрлэн-Барс Тогон-Тэмур-хагана наилучшим образом исследован X. Пэрлээ. Как пишет автор, в этом городе, окруженном стеной с четырьмя воротами, были возведены прекрасные дворцы[95].

Надо сказать, во второй половине XIII и в XIV в. в Монголии существовало много пограничных застав, земледельческих и ремесленнических поселений и указанных городов-крепостей, но они исследованы очень мало. X. Пэрлээ в своей работе «Краткая история древних и средневековых городов и поселений Монголии» написал о монгольских городах юаньского периода значительно менее подробно, чем о городах других эпох.

Таким образом, и в настоящее время актуальна задача дальнейшего глубокого изучения этой темы.

Торговля и обмен

Во второй половине XIII и в XIV в. монгольские феодалы развивали торговлю в интересах получения наибольших выгод для себя. Около 30 довольно крупных торговых городов во главе с Ханбалгасуном, о которых писал Марко Поло, в основном находились в Китае.

Феодалы из числа монгольской знати развертывали торговлю, объединяясь с крупными уйгурскими и другими иностранными купцами, и получали огромные барыши. Не ограничиваясь подобными операциями, они в частном порядке, в нарушение государственной монополии, вели добычу соли, гнали водку на продажу[96]. Это видно из указа 1297 г., когда Олджэйту-Тэмур-хаган повелел князьям и императорским зятьям, живу-

щим в Каракоруме: «Перегоняя водку, пейте только сами. Продавать водку нельзя!»[97]. Иногда и простые араты гнали водку и продавали.

Монголы начиная с древних времен продавали в соседние страны скот, животноводческие продукты и сырье. В период Юань эта практика еще более расширилась.

Монголы перегоняли овец и другой скот в Каракорум, Шанду, Инчан и другие города, и даже в более далекие районы — в Ханбалгасун. Продав скот, они покупали необходимые им товары. Когда они прибывали в Китай с целью торговли, с них брали пошлины на заставах[98].

В Каракоруме велась оживленная торговля. Там торговали в основном изделиями ремесла, скотом, водкой и т. п. Крупные иностранные купцы, по-видимому, реже приезжали туда с товарами. Лишь изредка появлялись состоятельные торговцы из внутренних районов Китая.

Одним из центров международной торговли стал г. Шанду, там функционировали большие рынки иностранных и китайских товаров. В некоторых источниках сообщается: «В Шанду существовали конский, коровий и овечий рынки, а также рынок рабов»[99]. Юаньские литераторы Лу Цзи и Вэй Чу писали: «Купцы приезжали в Шанду, Каракорум и другие города для продажи круп, муки и различных товаров»[100]. Также имеются сведения о том, что монгольские солдаты и ремесленники занимались мелкой торговлей с целью приобрести необходимые товары. По словам Марко Поло, монгольские воины приезжали в Ханбалгасун и другие города, продавали молоко и молочные продукты для покупки нужных вещей[101].

В большинстве случаев в Монголии в XIII и XIV вв. торговля носила характер обмена продуктами, но в Каракоруме велась торговля на бумажные деньги.

Из сказанного видно, что в рассматриваемый период монголы на земле своих предков, занимаясь хозяйством, сеяли хлеб и выращивали овощи, вели равноправную торговлю с другими странами, строили города и поселения, развивали ремесла.

Все это свидетельствует о том, что в области экономики коренная Монголия в то время располагала самостоятельным хозяйством, продавала животноводческие и другие продукты в разные страны.

2. ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО И КЛАССОВОЕ РАССЛОЕНИЕ

Иностранные и монгольские ученые внимательно изучали проблемы общественного строя и классового расслоения в Монголии и высказывали много новых идей. Одним из первых среди них был известный советский монголовед Б. Я. Владимирцов,

который в своей работе «Общественный строй монголов» еще в конце 20-х — начале 30-х годов тщательно исследовал вопросы общественного строя и классового расслоения монголов XIII—XIV вв. с марксистско-ленинской точки зрения. Именно с тех пор как Б. Я. Владимирцов впервые выдвинул идею о монгольском кочевом феодализме, в разных странах развернулась исследовательская работа в этой области.

Следует внимательно рассмотреть мнение некоторых историков о том, что в конце XII в. в Монголии появились первые ростки феодализма в связи с разложением родового строя. Ведь на территории Монголии, начиная с государства сюн-ну, существовал ряд кочевых государств. Поэтому монголам — преемникам других кочевников, по-видимому, незачем было снова переходить к родовому строю. Известно, что развитие любого общества непременно связано с предыдущими эпохами.

В прошлом труды некоторых ученых страдали большим пороком, заключавшимся в том, что они, взяв за образец развитие оседлых земледельческих обществ, рассматривали кочевое общество как совсем не развивающееся и застойное. Такая точка зрения присуща помимо работ реакционных буржуазных историков сочинениям китайских историков-националистов. Эти историки иногда выдвигают очень странные «теории», договариваясь до того, что-де у кочевых народов Центральной Азии «вообще не было феодализма». Но кочевники Центральной Азии, в том числе монголы, как и все человечество, переживали процесс исторического развития. Основные закономерности исторического развития кочевых народов те же, что и в земледельческих обществах[102]. Прогресс кочевого общества выражается в уровне развития производительных сил, в данном случае — прежде всего скотоводства, и это объясняется некоторой спецификой кочевого общества по сравнению с оседлыми. Иными словами, у кочевников развитие хозяйства тесно связано с кочевым бытом и выявляется главным образом в численности и качестве движимого имущества — скота, методах выращивания скота и переработке продукции животноводства. Это не является каким-либо отклонением от всеобщих закономерностей развития человеческого общества. В период Юань общественный строй монголов был неразрывно связан с основной отраслью их хозяйства — скотоводством.

При изучении монгольского общества во второй половине XIII и в XIV в. невозможно исследовать его в отрыве от периода существования единого монгольского государства Чингисхана. Их необходимо рассматривать в связи, ибо в ту эпоху общественные отношения и экономика монголов еще не претерпели особых изменений по сравнению с предшествующим периодом. Вместе с тем в этом аспекте не следует забывать о преемственности — одной из всеобщих закономерностей развития человеческого общества.

Монгольские завоеватели, завладевшие чужими странами в результате захватнических войн, которые играли важную роль при появлении любого сильного государства, создали огромную империю. Захватническая война была одной из форм эксплуатации со стороны монгольских феодалов. Как говорил К. Маркс, всякое завоевание двусторонне: это защита частной собственности и приобретение. Основной задачей монгольских ханов, завоевавших Китай и другие страны, было приумножение их частной собственности.

Известно, что китайское и другие оседлые общества оказывали влияние на дальнейшее развитие монгольского общества. В Монголии того времени кочевой феодализм, унаследованный от периода существования единого монгольского государства, в конце империи уже шел к своему разложению.

После распада монгольской империи уделы Чагатая, Хулагу и Золотая орда обрели самостоятельность. Иными словами, как правильно характеризует распад империи Б. Я. Владимирцов, к концу XIII в. монгольская империя существовала лишь номинально[103]. Но распад монгольской империи и феодальная раздробленность внутри страны — это два разных явления.

В результате того, что монгольские великие ханы, начиная с Хубилая, продолжали многолетние грабительские войны и захватывали чужие страны, нормальное развитие и процветание собственно Монголии задерживались, был нанесен большой урон развитию производительных сил страны в связи с гибелью множества молодых людей на полях битв и уходом значительного числа монголов в чужие края. Создались препятствия на пути дальнейшего продвижения общества вперед. Захватническая политика юаньских императоров приносила широким массам монгольского народа не блага, а бедствия.

Хотя монгольские феодалы, вполне удовлетворенные эксплуатацией народов завоеванных таким образом стран, особенно Китая, переставали обращать внимание на собственную страну, но развитие монгольского общества продолжало идти вперед, так как движущей силой общественного развития являются непосредственные производители — народные массы и оно не зависит только от желания хаганов и ноянов. Но вместе с тем, после того как власть монгольских феодалов в Китае оказалась перед неминуемым крахом, в конце концов им ничего другого не оставалось, как принять кое-какие подготовительные меры на своей родине, в Монголии, где можно было бы найти приют в случае необходимости.

В XIII—XIV вв. с интенсивным развитием феодальных отношений в Монголии методы и формы феодальной эксплуатации усложнились по сравнению с предыдущим временем. Отношения между владельцами и зависимыми албату обозначились четче. Закон, утвердившийся в эпоху Чингисхана и запрещавший зависимым албату отделяться от своих владельцев-ноянов и пере-

ходить к другим, стал соблюдаться еще строже. Например, в «Юань ши» содержатся такие сведения:

«Беглых отправьте в их племена и отдайте в распоряжение местных чиновников».

«Народ, который откочевал по своей воле, оставив племя, которому он подчинен, подвергается смертной казни».

«Наказывайте тех, которые приезжают в столицу по личным делам!» [104].

В «Тун-чжи тяо-гэ», «Юань дянь-чжан» и других сборниках государственных законов также указывается, что в тот период запрещался уход аратов от их владельцев — ноянов. Следовательно, араты-албату прикреплялись к своим владельцам-ноянам в законодательном порядке.

После Хубилая практика избрания хаганов на Великих хурилтаях была полностью прекращена, и великий хаган единолично стал назначать по своей воле наследника престола.

В эпоху империи Юань, как и в период существования единого монгольского государства, все земли, люди и скот целиком сосредоточивались в руках верховного собственника — великого хана. В 1853 г. К. Маркс в одном из своих писем Ф. Энгельсу подчеркивал, что на Востоке нет частной собственности на землю и что там все земли являются собственностью государства [105]. В ту эпоху в Монголии вся земля в основном была собственностью монгольских хаганов, т. е. феодального государства. Араты не имели права собственности на пастбища и были обязаны пасти хозяйский или свой скот на землях, указанных владельцами.

Проблема феодального землевладения является одной из основных при рассмотрении общественного строя монголов во второй половине XIII и в XIV в. Историки-марксисты тщательно исследовали проблему земельных отношений у кочевых племен и продолжают изучать ее. Из монгольских ученых академики Н. Жагварал и Ш. Нацагдорж проделали большую работу в этой области [105а].

Хотя земля (пастбища) является основным условием производства, но, разумеется, нельзя рассматривать ее в отрыве от скота — основного средства существования у кочевых племен. Б. Я. Владимирцов писал: «Из кочевников тот, который имеет возможность по собственному усмотрению распоряжаться пастбищами, сразу становится хозяином земли» [106].

Ш. Нацагдорж сделал следующий правильный вывод по этому вопросу: «Право монгольского феодала на эксплуатацию зависимого арата заключалось в собственности не только на пастбища для скота, но и на многочисленные стада скота, которые находились в его владении» [107]. В эпоху империи Юань земля в собственно Монголии, как кажется на первый взгляд, представляла собой собственность монгольских хаганов. На самом деле она была поделена между ноянами и господами-дарханами

(лицо, имевшее наследственные привилегии от Чингисхана и его преемников за особые личные заслуги перед хаганом), получавшими пожалования. В тот период даже у некоторых из аратов, по-видимому, насчитывалось скота больше, чем у феодалов. Но эти араты, не обладая правом собственности на землю, несмотря на многочисленность скота, непременно попадали под контроль со стороны феодалов. В связи с этим очень важен был характер отношения к земле. Иными словами, в тот период монголы различались как угнетатели и угнетенные в зависимости от собственности на землю и как богатые и бедные — в зависимости от собственности на скот. Отсюда собственность на землю является основным вопросом в феодальных производственных отношениях Монголии.

Во второй половине XIII и в XIV в. в Монголии было свыше 70 родов [108] и более 60 племен [109]. Старые названия этих племен встречаются в источниках юаньского времени очень редко. Они названы зависимыми племенами каких-либо князей, императорских зятьев и принцесс, например, племена Цзиньского князя Есун-Тэмура, императорского зятя Маджидая, принцессы Буянчар, принцессы Миши и т. д.[110]. Таким образом, крупные монгольские феодалы поделили между собой большую часть земель в стране вместе со скотом под видом «хаганских пожалований» и называли свои части, во владение которых они вступили, айимаг (аймак, подплемя) или иногда отог (оток, территориальная административная единица).

Академик Б. Я. Владимирцов, изучавший различие между аймаками и отоками, считал, что отоки крупнее аймаков и что иногда несколько аймаков входило в один оток [111].

Крупные местные феодалы, получившие право управлять большими отоками и аймаками, тяготясь хаганской администрацией, старались обрести бо́льшую самостоятельность в своих владениях. В частности, некоторые степные аристократы-скотоводы, вообще не любившие оседлую жизнь в городах и предпочитавшие жизнь скотовода, стремились выйти из состава империи Юань. Поэтому можно считать, что в Монголии феодальная раздробленность уже началась во второй половине XIII и в XIV в.[112].

В соответствии с завершением процесса становления феодальных отношений в стране в рассматриваемое время все население Монголии делилось на два основных класса: угнетенных — аратов-простолюдинов (харачу) и угнетателей — представителей феодальной знати.

Класс угнетенных аратов-простолюдинов, в свою очередь, подразделялся на две основные прослойки — государственные (улус-ун иргэн) и зависимые (харийату иргэн). Государственные и частнозависимые араты составляли основу класса аратов, которые подвергались всем видам эксплуатации со стороны монгольских феодалов. Государственными были араты, не

пожалованные феодалам в особые уделы. Они платили государственные налоги, служили в армии, несли службу на ямских станциях, участвовали в хаганских облавных охотах, пасли стада хаганского скота. Государственные араты составляли большинство населения страны.

В «Юань ши» встречаются две транскрипции: «хэ-чи» (ха[ра]чи), «хэ-ла-чи» (харачи), которые представляют собой разные формы термина «харачу» — «простолюдин». Государственные араты, или улус-ун ирген, были податными аратами (албату иргэн). Термин «податной арат» (албату иргэн) образовался от частого употребления сочетания «хубчи' ур хурийалгаху-ун алба толу» — «платить подати и сборы».

Термин «харийату иргэн» означает «зависимые араты». Они жили в феодальных владениях и находились в частной собственности представителей «золотого рода» Чингиса и других крупных феодалов. Они зафиксированы в «Тайной истории монголов» как «харийатан иргэн».

Различие между упоминаемыми в «Тайной истории» «исгэй ту' ургатан» («живущие за войлочными стенами») и «хабдасун э'удэтэн» («живущие за деревянными стенами»), существовавшее в предшествующий период, в эпоху Юань обозначилось резче, и численность хабдасун э'удэтэн, или оседлых аратов, занимавшихся земледелием и огородничеством, увеличилась. Изучая выражение «хабдасун э'удэтэн», Ивамура Синобу отметил, что, судя по его значению, в Монголии в тот период сеяли хлеб [113].

Возможно, в тот период уже не осталось бывших в Монголии «людей длинной воли», или свободных скотоводов, «вольных людей». Правда, в источниках содержатся краткие сообщения о том, что урянхайцы, охранявшие «золотые погреба» хагана, были вольными, богатыми людьми. Но в этих случаях речь идет не о всех урянхайцах, а лишь о немногих семьях.

Араты-скотоводы (малчин арад) имели в частной собственности немногочисленные стада скота и простые орудия труда, которые находились под контролем хозяев. Существование таких мелких частных аратских хозяйств являлось условием становления крупных феодальных хозяйств, основой складывания феодального способа производства в Монголии. Эти мелкие частные хозяйства аратов не только удовлетворяли их жизненные потребности и служили источником существования, но и предназначались для обеспечения рабочей силой крупных феодальных хозяйств, которые не могли функционировать без нее.

Простолюдины-скотоводы (харачу малчин), которые несли на себе всю тяжесть феодальных повинностей и эксплуатации, стали основной силой прогресса монгольского общества того времени.

Входившие в состав класса аратов-простолюдинов мелкие ремесленники, немногочисленные земледельцы, рыбаки и охотники, добывавшие средства к существованию хлебопашеством,

рыбной ловлей или охотой, мелкие торговцы и ямщики на почтовых станциях также жили бедно, а в некоторых случаях разорялись скорее, чем араты-скотоводы. Они попадали в такое трудное положение, что им становилось почти невозможно поддерживать свое существование.

В то время низшую прослойку населения составляли рабы, «слуги», принадлежавшие своим господам и не имевшие никакого имущества. В период существования единого монгольского государства они использовались только в качестве домашней прислуги. Они являлись как бы бесправными членами семей своих господ и не отчуждались. Но есть сведения и о том, что рабов продавали на рынках. Например, в таких городах, как Ханбалгасун и Шанду, действовали невольничьи рынки [114]. В источниках встречаются следующие сообщения:

«Китайцы и уйгуры покупали монгольских девушек и юношей и обращали в рабство» [115].

«...купили монгольских девушек и юношей и превратили их в рабов и слуг» [116].

Лица, названные рабами, в большинстве случаев не были настоящими, потомственными рабами, а являлись выходцами из низшей прослойки податных аратов. Другими словами, они состояли из людей, которые, доведенные до крайней степени нищеты феодальной эксплуатацией, добровольно становились рабами или шли в услужение, чтобы найти пропитание. Рабы составляли небольшую часть населения страны.

Ниже, продолжая изложение темы, мы осветим вопросы о том, насколько тяжело было положение класса аратов и насколько велики были взимавшиеся с них налоги и повинности.

В состав класса феодалов входили великий хан, царевич-наследник престола, царевичи, цинь-ваны, принцессы, императорские зятья, князья — императорские родственники и другие члены «золотого рода» Чингиса, министры, дзайсаны, чэрби, а также темники, тысячники и сотники, «цзун-гуань» («главноуправляющие»), «тянь-я» («подавляющие»), «цзун-ба» («главнохватающие») — монгольские нояны, носившие китайские военные звания, заслуженные полководцы и кэшигтэны — гвардейцы. Крупные ламы из буддийских монастырей и храмов, шаманы и шаманки также являлись представителями господствующего класса.

В источнике того времени написано об основных представителях класса феодалов в Монголии: «Татары именуют верховного владетеля хаганом или ханом, следующих за ним — нойнами и следующих за ними — тайджи» [117].

В то время царевич-наследник до вступления на хаганский престол был обязан возглавлять административное управление Монголией. Лица, называемые «церевичами», состояли из хаганских родных и приемных сыновей, исключая наследника, и внуков, т. е. сыновей родных и приемных сыновей. Они получали в

собственность от императора самые большие владения иногда в Монголии, иногда в покоренных странах. Так, четвертый сын Хубилай-хагана Номухан и сын Хайсан-хагана Хошила жили в Монголии в полученных ими уделах вместе со своими зависимыми (харийату).

Цзиньский князь, обладатель печати, дававшей право на управление Монголией, имел во владении обширные удельные земли и много зависимых — харийату. У принцесс и императорских зятьев также были крупные владения и помногу семей харийату. Принцессами были родные или приемные дочери хагана. Императорскими зятьями являлись главным образом те лица, которые вступили в брачный союз с принцессами. Бывали также случаи, когда императорские зятья назывались князьями. Но в целом князья не были императорскими зятьями. В большинстве случаев князьями были другие лица из императорской родни. Князья подразделялись на правителей уделов и городов и не-правителей. В период Юань насчитывалось всего 45 крупных князей [118].

Темники и тысячники имели право передавать по наследству свои уделы (хуби) потомкам [119]. В «Юань ши» говорится, что если кто «скроет родного сына и подменит другим лицом», то он подлежит строгому наказанию [120]. Речь идет, по-видимому, о темниках и тысячниках. Темники носили на поясе золотые пай-цзы с изображением тигра, тысячники — золотые пай-цзы и сотники — серебряные пай-цзы. Военные должностные лица — «главноуправляющие» (цзун-гуань), «главнохватающие» (цзун-ба), «подавляющие» (тань-я) и другие получали уделы и крепостных, во многих случаях жили в различных районах Китая [121]. Заслуженные полководцы также имели уделы, харийату, дворцы. В «Тун-чжи тяо-гэ» отмечено: «Только император распоряжается наследованием сыновьями и внуками монгольских потомственных ноянов, чинов и должностей их отцов». Там же еще сказано: «Если сын потомственного нояна совершит преступление, то выносится приговор после обсуждения на совете» [122].

Во времена Хубилая было 12 тыс. кэшигтэнов-гвардейцев, а гвардия великого хана по своему составу также относилась к классу угнетателей. В гвардии служили воины, отобранные из детей представителей знати и ноянов. Как сообщается в «Юань ши», «чиновники посылают сыновей и младших братьев на аудиенцию к императору для назначения в гвардию» [123].

В «Тун-чжи тяо-гэ» конкретизируется: «Если сыновья и братья военачальников монгольской регулярной армии удостаиваются чинов и должностей, то им даются те же чины и должности, которые занимали их отцы» [124]. Судя по цитате, в тот период были велики права и привилегии военных чинов.

Перечисленные выше прослойки господствующего класса угнетали монгольский народ политически и экономически.

3. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ НАЛОГИ И ПОВИННОСТИ

Эксплуатация народа посредством налогов и повинностей была одной из основных целей политики юаньских императоров в Монголии. И хотя в тот период монгольские феодалы взимали многочисленные налоги, составлявшие огромные суммы, с покоренных народов, особенно с китайского, размеры налогов и повинностей с монголов-простолюдинов не уменьшались, а, наоборот, как и раньше, увеличивались.

Во второй половине XIII и в XIV в. в Монголии окончательно установилась феодальная система налогов и повинностей; они были многочисленнее и больше по размерам по сравнению с предыдущей эпохой. В период существования единого монгольского государства и начале эпохи Юань вместо выражения «алба тата» — «взыскивать повинность» говорили «хубчи'ур хурийа» — «собирать сбор». С конца XIV в. «алба» стало употребляться в том же значении, что «хубчи'ур», и, кроме того, появилось сочетание «алба хубчи'ур» — «налоги» или «повинности и налоги». Но автор этих строк использует термин «хубчи'ур» главным образом в значении «продуктовый налог», «алба» — в значении «трудовая повинность», а сочетание «алба хубчи'ур» в значении «налоги» или «налоги и повинности» вообще.

Иными словами, в период Юань феодальная трудовая повинность и продуктовый налог слились воедино и превратились в одну повинность перед государством при тех условиях, когда земля (пастбища) являлась собственностью монгольского хагана, или государства. В Монголии население облагалось главным образом продуктовым налогом и выполняло трудовые повинности. Доля денежного налога составляла небольшую сумму налоговых поступлений в казну.

Монгольские араты-простолюдины (харачу) несли многочисленные налоги и повинности непосредственно в пользу великого хана, Цзиньского князя, принцесс и хаганских зятьев и местных феодалов — темников, тысячников и сотников. Араты-харачу, по всем признакам являвшиеся феодальными крепостными (хамджилга албату), вносили налог скотом (крупным рогатым скотом, лошадьми, овцами и козами), ремесленными изделиями (повозками, седлами, уздечками и треногами) и продуктами животноводства — шерстью, кожами, аруулом (сушеный творог), маслом, молоком и кумысом. Такие повинности, как ямская подводная служба, были не фиксированными, а скользящими. Эти налоги и повинности назывались «сверхштатными налогами и повинностями».

С монгольского арата взимался государственный налог в размере 1 головы со 100 голов скота[125]. Предполагалось, что этот общий принцип обложения, установленный Огодэй-хаганом, соблюдался в неизменном виде, однако размер рассматриваемого налога иногда значительно увеличивался или несколько

уменьшался. По данным 1302 г., с арата брали 1 овцу из 130, а если поголовье не достигало 100, то освобождали от налога [126]. Из этого сообщения о размере налога со скота аратов видно, что, когда в силу феодальной эксплуатации условия жизни аратов резко ухудшались и они были не в состоянии уплатить государственные налоги, вероятно, правители уменьшали размеры налогов с них и соответственно увеличивали поступление потребного количества продуктов за счет китайского населения.

Но это было временным явлением, а, вообще говоря, размеры и номенклатура налогов и повинностей увеличились по сравнению с эпохой Чингисхана и трех его ближайших преемников. В период существования единого монгольского государства имела место практика, когда с каждых десяти голов крупного скота, особенно лошадей, взималась одна в пользу великого хана [127]. Однако в «Юань ши» можно обнаружить и такую запись: «[Император] повелел брать с воинов-таммачи по 1 голове из каждых 100 голов овец, лошадей и крупного рогатого скота в соответствии со старым законом» [128].

В источниках отчетливо отражена тяжесть налогов и повинностей, взимавшихся с монгольского населения во второй половине XIII и в XIV в. Так, юаньский чиновник Ма Цзучан отмечал: «В Северной стороне постоянно берут с семей налог со скота. Прекращают на время взимать налог лишь тогда, когда у семьи ничего не остается» [129].

В «Юань ши» говорится о предметах, поставляемых монголами для армии: «В соответствии с принятым законом монгольские семьи доставляют седла, уздечки, обмундирование, оружие и снаряжение на нужды армии» [130]. Если при Хубилай-хагане с племени хунгират бралось 2 тыс. «овец на высочайший стол» в год, то эта цифра возросла до 3 тыс. при Тэмур-хагане и до 5 тыс. при Гэгэн-хагане [131]. Здесь речь идет об овцах, преподносившихся хагану в счет продуктового налога только одним племенем, но на основании этого сообщения можно понять, какое огромное количество скота доставлялось в казну всеми остальными племенами.

Нередко налог взимался и продуктами животноводства. Так, в Ханбалгасуне и Шанду возводились рядами многочисленные пестрые нарядные юрты, называвшиеся «орду» («лагерь»). По словам Вэй Юаня, шерсть для таких лагерей особо взималась с аратов-харачу [132].

Огромный продуктовый налог взимался при подготовке к пиршествам, устраивавшимся по случаю вступления юаньских хаганов на престол. Например, Аюрбарибада-хаган свое возведение на трон отпраздновал веселым пиром, продолжавшимся целую неделю, в течение которой ежедневно расходовалось 40 лошадей и 4 тыс. овец на «вельможную трапезу». К. Д'Оссон писал, что в подобных случаях забивали очень много скота для мусульман, которые не ели свинину и птицу [133]. В «Юань ши»

зарегистрирован случай, когда в царствование Буянту-хагана ежедневно забивали по 10 тыс. овец во время буддийского богослужения, продолжавшегося три дня [134].

Историк периода правления Тогон-Тэмура Чжоу Боци также сообщал, что в Шанду в 6-ю луну каждого года юаньские хаганы, устраивая трехдневный пир, забивали 10 тыс. овец и расходовали «целые реки» кумыса, молока и молочных продуктов [135]. Все необходимое для подобных пиров в соответствующее время взималось с аратов.

Для поступления на службу в хаганскую гвардию надо было делать подношения хагану, чтобы «заверить его в своей преданности». И так как преподносили эти подарки представители знати и феодалов, то все, что предназначалось для хаганской казны, бралось с их зависимых семей. Такие разовые сборы, сходные с ургинной подводной повинностью, производились не только великими хаганами, но и представителями знати и феодалами.

О характере власти Плано Карпини писал: «И следует также знать, что все настолько находится в руке императора, что никто не смеет сказать: „это мое или его“, но все принадлежит императору, то есть имущество, вьючный скот и люди, и по этому поводу недавно даже появился указ императора.

Ту же власть имеют во всем вожди над своими людьми, именно люди, то есть Татары и другие, распределены между вождями. Также и послам вождей, куда бы те их ни посылали, как подданные императора, так и все другие обязаны давать как подводы, так и продовольствие... И, говоря кратко, император и вожди берут из их имущества все, что ни захотят и сколько хотят. Также и личностью их они располагают во всем, как им будет благоугодно» [136].

Подобная практика в юаньский период получила еще большее распространение. Бывали случаи, как констатировал в своей статье Н. Ц. Мункуев, когда в период существования единого монгольского государства араты скрывали поголовье скота, чтобы уклониться от обложения налогом [137].

Различные повинности, установленные монгольскими хаганами, в тот период представляли собой практику изъятия прибавочного продукта труда аратов-скотоводов. Араты мобилизовывались на пастьбу скота у ноянов, заготовку молочных продуктов, участие в облавных охотах, перевозку юрт и домашнего имущества при перекочевках, перевозку других грузов и для многочисленных других трудовых повинностей.

Пастьба хаганских и ноянских стад скота была тяжелой повинностью для аратов. Пастух стриг овец и коз и собирал пух, обрабатывал кожи, перерабатывал молоко, производил убой скота на питание и выполнял всякую другую тяжелую работу, связанную с содержанием скота. Если у пастуха по какой-либо причине случалась убыль поголовья скота, то по закону он обя-

зан был возместить недостачу. Например, табунщик отдавал хозяину двух взрослых кобылиц за трех павших лошадей из табуна или одного двухгодовалого коня за двух павших лошадей. С табунщика, не имеющего лошадей в личной собственности, недостача взималась овцами, верблюдами и крупным рогатым скотом в пересчете на лошадей [138].

Служба в армии была тяжким бременем, доставлявшим монгольским аратам много страданий. Их отправляли на службу в самые отдаленные края покоренных стран. Перекочевки многочисленных семей из родных мест в чужие страны считались обычным явлением.

В «Юань ши» имеется запись о комплектовании армии в тот период: «Из семьи, где было двое-трое мужчин, брался на военную службу один; из семьи, где было четверо-пятеро мужчин, бралось двое; из семьи, где было шестеро-семеро мужчин,— трое» [139].

Монголы, отправлявшиеся со своими семьями на военную службу на Юг Китая, прикочевывали обратно по истечении срока. Монгольский историк Тогтоху на основании сообщения Пэн Дая пишет, что если у этих воинов были 13—14-летние сыновья в период отъезда из места расквартирования, то ко времени возвращения на родину они достигали 17-18-летнего возраста и, будучи призваны в армию, отправлялись обратно в те же края [140].

Монгольские воины обеспечивали сами себя всем необходимым и жили очень бедно. Они заготовляли для себя земледельческие продукты и, кроме того, разводили скот. Продавая молоко и молочные продукты в городах, на вырученные деньги они покупали необходимые товары [141].

Мы находим, например, следующие сведения в источниках:

«Воины, живущие во внутренних районах Китая, обнищали и продали даже первых жен и детей» [142].

«Монгольские воины продавали своих жен, для того чтобы приобрести верховых лошадей и земли» [143].

«Семьям воинов было тяжело, а они еще облагались налогами» [144].

«Пусть дадут пособие на один год сверх общеустановленной нормы тем, кто проявил выдержку на войне в далеких краях» [145].

«Следует проявлять особую заботу о семьях тех, кто погиб на полях битв или ранен» [146].

«Следует взять под опеку казны и кормить тех членов семей воинов, погибших на войнах, которые бедны, слабосильны и не могут существовать, помимо выдачи им пособия, положенного по закону» [147].

«Так как воины, участвующие в далеких и ближних войнах или несущие службу по подавлению [мятежей] и охране [объектов], поистине достойны жалости, нужно проявлять особую заботу об их семьях» [148].

«Те, которые служили в монгольской армии, находились в очень тяжелом положении»[149].

Из подобных сообщений видно, что положение монгольских воинов, известных как «завоеватели мира», на самом деле было таким же тяжелым, как и жизнь простых аратов.

В империи Юань ямская повинность — как трудовая, так и материальная — была чрезвычайно тяжела. Из всех 1496 ямских станций в империи 119 размещалось на территории Монголии[150]. Администрация монгольских ямских станций сначала находилась в Каракоруме, а затем была переведена в Шанду, где существовало «Общее управление путей сообщений» (тун-чжэнсы), непосредственно подчиненное центральному правительству[151].

Хубилай-хаган, построив многочисленные ямские станции по всем направлениям от Каракорума, в 1263 г. обнародовал новые законодательные акты о ямских станциях. Едущие на перекладных получали специальные подорожные, которые, в свою очередь, подразделялись на несколько категорий — с бирюзовой, золотой, серебряной и круглой печатями. Подорожные с бирюзовой печатью выдавались только личным послам хагана или посланцам, едущим по особо важным военным делам.

В источниках сохранилось немало сведений о ямской повинности в Монголии. Су Тяньцзюэ записал: «От Датуна до Каракорума 4000 ли и через каждые 100 ли — ямская станция. [На эти станции ежегодно] доставляется 500 повозок, 500 быков и 2500 даней[152] круп»[153].

Чжан Дэхуэй отмечал: «За все ямские станции, расположенные за хребтом Ехулин[154], отвечают монгольские племена. Каждая станция называется по имени хозяина».

В китайских источниках встречается много сообщений о том, что «татарские» ямские станции создавались только на монгольской территории и их возглавляли монголы. Когда в китайских работах пишется о ямских станциях юаньского периода, последние различаются как «татарские и китайские», а под «татарскими» подразумеваются монгольские ямские станции. В «Юань дянь-чжан» указано, что для скота ямских станций следует выделять наилучшие пастбища[155]. Ямские семьи помимо выделения для каждой ямской станции одного коня от 15 семей или одной воловьей повозки от 13 семей были обязаны доставлять на станцию юрты, палатки и провиант для проезжающих[156].

Монгольские феодалы, проезжая на перекладных, получали большое количество продовольствия за счет ямских семей. По существовавшим нормам расхода темник получал в день 30 цзиней муки, 3 доу[157] зерна и 30 цзиней водки, тысячник — половину нормы темника, сотник — половину нормы тысячника[158].

В Монголии известен своеобразный вид транспорта — ургинные кони. Историки сообщали, что в период борьбы между Ху-

билаем и Ариг-Богом очень широко применялся этот способ передвижения на каракорумском направлении. Так, когда состоялась коронация Хайсан-хагана, по приказу его младшего брата Аюрбарибады конные курьеры с хаганской халцедоновой печатью за пазухой скакали из Пекина в Каракорум. Курьеры имели право менять верховых лошадей у аратов в любом месте по пути следования. В ту эпоху конные курьеры по важным спешным делам часто курсировали туда и обратно.

Казалось, будто ямщики были освобождены от других государственных налогов и повинностей, на самом деле они страдали от многочисленных непосильных сборов.

В «Юань ши», «Тун-чжи тяо-гэ» и «Юань дянь-чжан» приводятся факты, свидетельствующие о том, что, дополнительно выдавая монгольским ямщикам бумажные деньги и зерно, юаньские хаганы пытались ослабить их борьбу, когда они выражали свой протест против своего тяжелого положения, бросая службу и уходя в бега[159].

Среднеазиатские и китайские купцы, эксплуатировавшие монгольских аратов-скотоводов, вынуждали их брать в долг. Под предлогом взимания процентов они по дешевке забирали живой скот и животноводческое сырье и перепродавали их. Выше уже говорилось, что человек, вначале получивший в долг одну ассигнацию, через десять лет одалживал 1024 ассигнации, а прирост процентов по ссудам сравнивался с приплодом от овцы. Такие долги собирались наравне с официальными налогами.

Что касается эксплуатации монгольских аратов со стороны китайских купцов, то она осуществлялась в районах их проживания вдоль южной границы Монголии или во внутренних районах Китая. Как отмечал Б. Я. Владимирцов, в период Юань китайские торговцы не проникали в Монголию, а довольствовались торговлей лишь на пограничных рынках.

К. Маркс писал: «При азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции»[160]. Это указание в равной мере относится к практике купцов эпохи Юань. В тот период их действия приводили к ухудшению экономической жизни монгольского населения. Привлекая на свою сторону феодалов и представителей знати с помощью подношений или взяток, выставляя фиктивных князей — хаганских родственников, принцесс и хаганских зятьев, они собирали налоги с монгольского населения при их посредничестве и оказывали большое влияние на политическую жизнь в стране.

В следующем параграфе наш рассказ о том, что в эпоху Юань феодальный гнет принял более жестокий характер и условия жизни монгольского народа ухудшились из-за тяжести многочисленных налогов и повинностей.

4. УХУДШЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ НАРОДА И ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Во второй половине XIII и в XIV в. страдания монгольского народа, условия жизни которого продолжали ухудшаться в результате многолетних войн монгольских завоевателей, от изощренного феодального гнета и эксплуатации становились все более тяжкими по сравнению с предыдущими периодами.

Вся тяжесть захватнических войн, которые вели монгольские феодалы в чужих странах, и внутренних междоусобиц, возникавших вследствие борьбы за хаганский престол и привилегии между феодалами, целиком ложилась на плечи простого народа. Народ нес особенно большие людские и материальные потери в период войн между Хубилаем и Тэмуром, с одной стороны, и Хайду и Наяном — с другой, продолжавшихся более 40 лет.

Из предыдущего параграфа очевидно, что в результате ухудшения положения в области государственной экономики и финансов империи Юань размеры податей, собираемых с населения, сильно увеличились. К концу периода правления династии Юань налоги и повинности населения возросли в 20 раз, разница между государственными доходами и расходами была велика, и расходы государства намного превышали его доходы [161].

В исторических источниках, особенно в «Юань ши», содержится довольно много материалов о тяжелом положении монгольского населения в тот период.

В. Рубрук писал о том, что он видел в столице: «Там великое множество голодных, о пище для которых не заботятся, и, как только они видели, что мы приготовляем пищу, они бросались на нас, так что приходилось давать им есть с нами» [162]. П. Карпини сообщал о простых монголах: «Мы видели, как они весьма часто ходят в меховых штанах, а прочее тело у них все нагое, несмотря на сильнейший солнечный зной, зимою же они испытывают сильнейший холод. Мы видели также, что иные от сильной стужи теряли пальцы на ногах и руках; слышали мы также, что другие умирали или также от сильной стужи все члены тела их становились, так сказать, непригодными» [163].

Тот же В. Рубрук передавал, как монголы-бедняки употребляли в пищу всякую непригодную для питания дичь: «Важные господа имеют на юге поместья, из которых на зиму им доставляется просо и мука. Бедные добывают себе это в обмен на баранов и кожи... Ловят они также и мышей, многие породы которых находятся там в изобилии. Мышей с длинными хвостами они не едят, а отдают своим птицам. Они истребляют соней (glires) и всякую породу мышей с коротким хвостом» [164].

В связи с ухудшением условий существования монголов Б. Я. Владимирцов замечал: «Поскольку можно судить по скудным источникам, находящимся в нашем распоряжении, за время Юаньской династии благосостояние Монголии и монголов

сильно пошло на убыль, в особенности по сравнению с веком Чингиса и его трех преемников»[165].

Согласно «Мин ши», 35 тыс. семей покинули родные места в Линбэй (Монголия) из-за невыносимых условий жизни и перекочевали в Китай[166].

По подсчетам Хун Цзюня, война между Хубилаем и Хайду вынудила 700 тыс. семей оставить родные места в Мобэй (Внешняя Монголия) и переселиться на Юг, чтобы уклониться от службы в армии[167]. Хотя цифра эта сильно преувеличена, но, очевидно, в ту эпоху много семей было вынуждено уехать из Монголии вследствие нищенского материального положения.

В результате войн сократилась численность мужской части населения, в стране создалась огромная нехватка рабочей силы. Падеж скота, вызванный плохим уходом, невозможностью уберечь его от снежного джуда (бескормицы из-за обильного выпадения снега), стал обычным явлением.

В источниках мы находим много сведений о стихийных бедствиях, которые причиняли огромный ущерб монгольским аратам. Авторы «Юань ши» приводили следующие сведения по этому вопросу:

В 1308—1309 гг. «в Монголии араты пострадали от снежного джуда, у них пало много скота и еще больше появилось голодных и нищих»[168].

В 1337 г. случился снежный джуд и «пали все овцы и лошади»[169].

В 1339 г. «случилась засуха и не выросли травы».

«В следующем (т. е. 1340 году) снова был тяжелый снежный джуд и пало много скота»[170].

«Пострадавшие от снежных джудов, лишившиеся скота более 3 тыс. человек оказались без средств к существованию и умерли голодной смертью»[171].

По сведениям китайских источников, нередко монгольские араты, не имея никакой возможности выйти из создавшегося положения, продавали себя, своих главных жен и детей или отдавали их за долги. Например, в Каракоруме и Шанду постоянно слонялись бродяги и нищие и продавали себя в рабство. Бывали случаи, когда монголов продавали в другие страны[172]. Сообщалось, что монгольские араты, живущие в Китае, «продавали жен и покупали лошадей»[173]; «продавали главных жен, чтобы приобрести землю»[174]; «в связи с тем что голодный народ, пришедший с Севера, продал своих детей, [казна] выкупила их»[175].

В «Юань ши» и «Тун-чжи тяо-гэ» имеются записи о том, что в 1317 г. «племена обнищали вконец и продавали сыновей и дочерей в рабство в семьи [китайских] крестьян»[176]; «голодные араты из племени урянхай умирали голодной смертью»[177]. Очевидно, эти сообщения преувеличены и их невозможно принимать полностью. Однако тяжелые условия жизни монгольского насе-

ления в период Юань приводили к развертыванию борьбы против угнетателей. Это вызывало тревогу у монгольских феодалов, которые изыскивали всевозможные средства, чтобы сохранить «равновесие» в стране. Как подчеркивается в источнике, феодалы говорили, что «необходимо особенно быстро восстановить силы аратов своей коренной страны, где возвысился Чингисхан» [178]. По этой причине ими были приняты некоторые меры для улучшения жизни монголов.

В 1330 г. из Каракорума чиновники доносили в докладной записке на имя хагана, что в течение четырех лет бедным аратам, пришедшим с Севера, роздано 650 тыс. мешков зерна, 40 тыс. ассигнаций бумажных денег, 3 тыс. рыболовных сетей и 20 тыс. единиц сельскохозяйственного инвентаря [179]. Из-за наступления голода племя хулагар было освобождено от поставки овец для жертвоприношений [180].

В 1314 г. Буянту-хаган, учитывая чрезвычайно трудное положение населения Монголии, освободил его от налогов и повинностей на два года [181]. В «Юань дянь-чжан» отмечается: «Народ — корень государства. [Двор] получает от него воинов и все доходы в виде налогов и сборов. Поэтому следует беречь народ» [182].

Но монгольские хаганы, издавая такие указы, разумеется, не стремились в самом деле улучшать жизнь народа, а лишь предусмотрительно прибегали к временным мерам из страха перед его борьбой.

Население Монголии страдало от произвола юаньских войск, укомплектованных из китайцев, которые, как отмечалось выше, перебрасывались в страну великими ханами для борьбы с другими чингисидами или на случай вторжения их. Среди китайских солдат, прибывших в Монголию в период войн монгольских хаганов против мятежных чингисидов, были распространены призывы: «Перебьем всю армию врага до единого солдата!», «Ограбим все богатства вражеского государства дочиста!» [183] и т. п. Под такими лозунгами они убивали, грабили и разрушали без разбора, прикрываясь тем, что будто бы подавляют восстание Хайду [184]. В то время прибывшие в Монголию китайские солдаты охотно сражались с монголами и, тая ненависть побежденных, убивали их без пощады. Введение монгольскими феодалами чужеземных войск в свою страну для истребления многих тысяч соплеменников сыграло трагическую роль в истории Монголии.

В тяжелых условиях доведенный до крайности монгольский народ вел борьбу против своих угнетателей. Однако о фактах борьбы монгольского народа против угнетателей почти ничего не сообщается в исторических источниках, поскольку авторы — представители господствующих классов всегда предпочитали умалчивать о борьбе народов против эксплуататоров. Лишь в некоторых исторических сочинениях попадаются отдельные све-

дения по данному вопросу, случайно вкравшиеся в повествования о других событиях.

Тот факт, что в разное время Хубилай и другие монгольские хаганы в спешном порядке создавали в Каракоруме и Шанду такие административные органы, как сюань-вэй-сы (императорское управление умиротворения), цзун-гуань-фу (резиденция главноуправляющего) и чжо-цзэ-сы (управление по поимке воров), свидетельствует не о наличии мира в Монголии, а о борьбе народа против феодалов.

Хотя юаньские хаганы делали кое-какие подачки разорившимся аратам из страха перед народными выступлениями, но случаи, когда скотоводы, лишившись скота, уходили бродяжничать, в этот период не прекращались в течение длительного времени [185].

Известны и другие факты. Так, в марте 1282 г. Хубилай-хаган прибыл в Шанду вместе с сыном Джингимом. Когда наследник престола направился в буддийский храм молиться, у дверей храма собралось около 80 подозрительных лиц. Их допросили, и выяснилось, что они были намерены убить коварного чиновника Ахмада [186].

В «Юань ши» содержится не совсем ясное сообщение о том, что, когда народ Шанду был взволнован (цухаг бологсон), немедленно начали продавать зерно [187]. Здесь слово «цухаг» («взволнован») указывает на выступление народа, которое надо было успокоить.

Имеется указ Есун-Тэмура: «Если арат уходит скитаться по своей воле, предавайте его смертной казни!» [188].

В исторических трудах содержатся и такие факты, которые свидетельствуют о неповиновении властям. «Когда в последний период существования династии Юань в Монголии набирались солдаты для подавления восстаний китайских крестьян, монголы уклонялись от отправки в армию» [189].

«Люди Севера (т. е. Монголии.— *Ч. Д.*) действительно уклонялись от отправки на Юг (т. е. Китай.— *Ч. Д.*)» [190].

В «Юань ши» имеется запись о том, что в Монголии однажды началось восстание аратов под руководством нояна Алхуй-Тэмура [191]. Воспользовавшись недовольством аратов, Алхуй-Тэмур набрал солдат из числа жителей и остановился в местности Мургучи с намерением поднять мятеж. За короткий срок он собрал 10 тыс. человек из харачу и поднял восстание против Тогон-Тэмур-хагана. Авторы «Юань ши» с презрением пишут о том, что так называемые войска Алхуй-Тэмура состояли из глупых аратов, которые вовсе не проходили настоящего обучения военному делу.

Юаньские хаганы угнетали широкие массы Монголии и вызывали недовольство не только аратов, но и части господствующего класса монголов. В частности, это показали мятежи ноянов Алхуй-Тэмура и Тугэн-Тэмура [192].

В «Юань ши» есть также сообщения о совместных выступлениях монгольских, корейских и китайских солдат.

Все эти факты показывают, что в ту эпоху монгольские араты постоянно вели непримиримую борьбу против гнета со стороны юаньских хаганов и представителей знати. Но народные восстания и движения происходили в разные периоды в различных местах без единого руководства и всегда подавлялись, не достигнув цели.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ ЮАНЬ И ПЕРЕНЕСЕНИЕ СТОЛИЦЫ ГОСУДАРСТВА В СОБСТВЕННО МОНГОЛИЮ

1. ЭКСПЛУАТАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПОКОРЕННЫХ СТРАН

Вследствие жесточайшего политического и экономического гнета со стороны монгольских феодалов население покоренных стран находилось в крайне тяжелом положении. Это относилось и к Китаю. Для удобства эксплуатации население Китая было разбито юаньскими хаганами на четыре группы: 1) монголы, 2) «цветноглазые»[1] (уйгуры, другие тюрки, персы и представители разных народов Западного края), 3) китайцы-северяне (кидани, чжурчжэни и другие бывшие подданные государства Цзинь) и 4) китайцы-южане (бывшие подданные государства Южных Сунов). Разделение населения империи на различные категории помимо угнетения и эксплуатации еще преследовало цель натравливания их друг на друга, чтобы управлять ими по принципу «разделяй и властвуй».

Китайцы всячески отстранялись от ведения важных государственных дел, на все решающие должности чиновников в империи назначались прежде всего монголы и затем выходцы из Западного края, люди монгольского происхождения, или чжурчжэни. Политика монгольских хаганов империи Юань характеризовалась в основном тиранией по отношению к оседлым народам страны, особенно к китайцам, составлявшим подавляющую часть населения империи.

В самих покоренных странах монгольские завоеватели вступили в союз с представителями господствующих классов и, пользуясь услугами изменников и оказывая им поддержку, проводили политику угнетения широких народных масс. Необходимо отметить, что хаганы империи Юань хотя и выделяли выходцев из ранее завоеванного монголами Западного края, включив их во вторую после себя группу населения, но на самом деле поддерживали только купцов, являвшихся представителями господствующих классов в своих странах, и титулованных особ. А рядовые тюрки, тангуты и представители других пле-

мен и народностей страдали от той же эксплуатации и угнетения со стороны завоевателей, что и другие народы.

Монгольские хаганы поощряли переселение купцов, ученых и представителей духовенства из стран Запада в империю Юань, где выходцы из Западного края охотно принимались на хаганскую службу. Это было тесно связано со стремлением их обеспечить приток административных кадров с целью угнетения и порабощения народов покоренных стран Востока, особенно Китая.

Хаганы Юаньской империи, которые насильственно распространяли буддизм среди монголов, ставили тибетских лам в особое положение, предоставляли им бóльшие права и привилегии. Это привело к появлению еще одной прослойки господствующего класса — новых угнетателей и эксплуататоров народных масс. По этому вопросу в «Юань ши» сказано: «Тибетские монахи, привесившие к поясу круглые пай-цзы с золотыми иероглифами, беспрерывно проезжают на перекладных по почтовым станциям по нескольку сот человек; когда они не помещаются в зданиях почтовых станций, их ставят на постой в домах крестьян. Они прогоняют мужчин из этих домов и обесчещивают их жен и дочерей» [2].

Коренное китайское население составляло самую низшую прослойку угнетенного класса. Повсюду в империи стало обычным явлением, когда обращали китайцев в рабство и держали их в качестве слуг в хаганских дворцах, усадьбах чиновников и солдатских казармах. В тот период китайское население, составлявшее низшую из классовых прослоек общества, испытывало на себе двойной гнет — со стороны монгольских завоевателей и «своих», китайских, феодалов.

Положение китайского населения было чрезвычайно тяжелым. Об этом свидетельствуют сообщения источников того времени.

«Если кто побьет китайца, не следует привлекать его к ответственности».

«Если китаец побьет монгола, следует привлекать его к любой ответственности и даже убивать» [3].

«Китайцу, совершившему воровство, следует клеймить левое плечо в первом случае, правое плечо — во втором и шею — в третьем» [4].

«Китаец, сидящий в тюрьме, сам обеспечивает свое питание» [5].

«Китайцам запрещается иметь при себе оружие» [6].

«Китайцам запрещается собираться во множестве и беседовать» [7].

«Если свыше 100 китайцев вместе устроят облавную охоту, то они все предаются казни; если их менее 100, они ссылаются в дальние районы» [8] и т. д.

В Китае все земли делились на государственные и частные.

Иными словами, одна часть земель китайских крестьян осталась в распоряжении старых хозяев, а другая перешла к монгольским хаганам и ноянам в собственность.

Юаньские хаганы, превратив обширные земли в Китае в казенные, пожаловали их хаганским родственникам, крупным ноянам, чиновникам и генералам. Хубилай-хаган отдал своей матери и сыну Джингиму 105 тыс. крестьянских семей, а полководцу Баяну — 6 тыс. крестьянских семей вместе с пахотными землями в качестве «уделов на кормление» (ши-и) и «служебных полей» (чжи-тянь) [9]. По сведениям «Юань ши», в таких «уделах на кормление» и на «служебных полях» работало свыше 2800 тыс. китайских крестьянских семей [10]. Собственность китайского крестьянина составляли лишь немного зерна, личный плуг, лопата и другой сельскохозяйственный инвентарь и жилье.

В империи Юань государственные налоги ложились тяжелым бременем на плечи народных масс покоренных стран, особенно Китая. Монгольские хаганы и нояны вместе с другими представителями господствующего класса отбирали бо́льшую часть богатств, создаваемых народами покоренных стран, под видом государственных налогов и затем распределяли их между собой как служебное жалованье и пожалования.

После захвата территории всего Китая монгольские завоеватели стали в чрезмерно больших количествах взимать с населения зерно, шелковые и хлопчатобумажные ткани, вина, фрукты и др. На китайских крестьян налагались разнообразные зерновые подати, например, такие, как земельный налог и налог с совершеннолетних. Зерновые сборы подразделялись на летний и осенний. У крестьян забиралась $^1/_3$ всего урожая вместе с большим количеством шелковых тканей, шелковой пряжи и бумажных денег.

По сведениям «Юань ши», с Китая ежегодно взималось свыше 12 114 700 мешков зерна [11]. Но там, по-видимому, приведены неполные данные и собиралось несколько больше зерна, чем указано.

Китайские крестьяне помимо зерна вносили по разверстке шелковые ткани, шелковую пряжу, хлопчатобумажные ткани, вина, фрукты и бумажные деньги. С каждых двух семей собирали 1 цзинь шелка, шелковой пряжи и хлопчатобумажных тканей, а с каждого человека — 4 лана серебра или равноценную сумму бумажных денег. Сбор шелковых, хлопчатобумажных тканей и шелковой пряжи назывался «подушным налогом» (дин-шуй), а сбор бумажных денег — «налогом серебром» (бао-инь шуй). Население покоренных стран выполняло также тяжелые трудовые повинности — рытье каналов, перевозки грузов, пастьбу скота, ремесленную работу и др. Особенно изнурительной была так называемая ямская повинность.

Экономика империи Юань с самого начала оказалась в тяжелом положении. И хотя правительство стремилось к обога-

щению государственной казны путем поощрения хозяйственной деятельности и торговли в стране и накопления средств за счет огромных налогов и поборов, однако годовые расходы постоянно превышали доходы, и хаганская казна испытывала недостаток средств. По этой причине, с одной стороны, повышались налоги, с другой — печаталось слишком много бумажных денег, что оказывало еще более пагубное влияние на развитие экономики и из года в год ухудшало положение населения.

В период правления Хубилай-хагана в 1292 г. доходы империи оценивались в 2 978 305 ассигнаций бумажных денег, тогда как расходы равнялись 3 638 543 ассигнациям и превосходили доходы на 660 000 ассигнаций [12]. В ханствование Олджейту-хагана (1294—1307) общие бюджетные расходы также превышали доходы, и правители были вынуждены заботиться об обязательной экономии средств. Один из сановников Олджейту-хагана докладывал: «Хотя каждый год поступает золота 19 000 лян, серебра 10 000 лян и бумажных денег 3 600 000 ассигнаций, но все же их не хватает на удовлетворение потребностей. Кроме того, позаимствовано 200 000 ассигнаций из суммы бумажных денег выпуска периода правления Чжи-юань (Чжи-юань пяо). Прошу бережно расходовать и экономить» [13]. Олджэйту-хаган согласился с представлением своего чиновника, но правители империи Юань и представители монгольской знати фактически не были способны ни на малейшую экономию и продолжали растрачивать имперскую казну. Размеры налогов и поборов, взимаемых с населения, росли из года в год. Налог бао-инь возрос более чем в 10 раз, а другие — более чем в 20 раз по сравнению с первоначальными размерами [14]. Дефицит государственного бюджета и расходы значительно увеличились. В ханствование Тогон-Тэмура особенно расширялись траты при хаганском дворе, придворная знать не знала меры в своих расходах на развлечения и удовольствия, казна опустела.

Вследствие развала экономики и финансов империи Юань условия жизни народа еще более ухудшились. По этому вопросу в источниках сохранилось множество сведений.

В 1292 г. в районах Южного Китая — Цзяннани было много случаев, когда крестьяне продавали жен и детей, и свыше 500 человек, отчаявшись, покончили жизнь самоубийством в связи с тем, что монгольские чиновники потребовали уплаты непосильных налогов [15].

Вообще население Южного Китая находилось в крайне тяжелом положении и особенно сильно страдало от голода в годы наводнений и других стихийных бедствий. В 1330 г. в нескольких административных районах голодало 400 тыс. чел. или свыше 5570 семей [16]. Сообщение о том, что «народ в Шаньдуне был в отчаянии» и голодающим было роздано зерно, показывает, что положение в Северном Китае было не лучше [17].

В столице империи Юань Ханбалгасуне также время от вре-

мени наступал голод и хаганам приходилось раздавать жителям зерно из казенных запасов. В «Юань ши» имеется запись 1308 г.: «В связи с тем что в Дайду подорожало зерно, было отпущено из казны 100 тыс. мешков зерна и продано бедным по низкой цене»[18]. Это означает, что по традиционному обычаю китайских императоров монгольские хаганы старались подавить недовольство масс и предупредить восстания путем продажи по дешевой цене, выдачи взаймы или даже бесплатной раздачи зерна из казенных складов какой-то части обедневших до крайности и находившихся на краю голодной смерти людей. Но эти подачки не могли спасти голодающие массы, потушить пламя возмущения и гнева их, остановить борьбу против угнетателей.

Во второй половине XIII и в XIV в. всюду вспыхивали бунты и восстания против монгольских хаганов, ноянов и другой знати. Иногда монголы, корейцы, китайцы и представители иных народов одновременно поднимали восстания.

Китайский народ, находившийся в наиболее тяжелом положении, вел активную борьбу против монгольских правителей и неоднократно поднимал восстания. В 1277 г. в Южном Китае произошло крупное восстание с участием 100 тыс. человек. Повстанческая армия боролась против завоевателей в течение четырех лет и была побеждена лишь в 1281 г. Как видно из источников, в 1283 г. крупные и мелкие восстания имели место в более чем 200 районах Южного Китая. В 1288 г. произошло восстание в районе Датуна в Северном Китае. В целом в правление Хубилай-хагана не было ни одного года, когда бы не вспыхивали народные восстания. Постоянно то здесь, то там поднимались восстания против новых правителей, охватывавшие одновременно помногу районов, в которых участвовали миллионы угнетенных.

В юаньский период по всему Китаю были созданы тайные общества с целью свержения господства монгольских завоевателей в стране. Они организовывали массы и призывали их к выступлениям против захватчиков. Из них общество «Белого лотоса» в Южном Китае было самой активной и сильной организацией. Выступления населения против династии не прекратились и после Хубилай-хагана. Но если при Хубилай-хагане восстания происходили в основном в Южном Китае, то в последующий период поднялось население Северного Китая, задавленное тяжелыми условиями жизни и гнетом со стороны эксплуататоров.

В периоды ханствования хаганов после Хубилая народные повстанческие движения в Китае все больше набирали силу. После коронации Тогон-Тэмур-хагана как в Северном, так и Южном Китае почти каждый месяц происходили восстания и бунты населения против властей. В 1335 г., в 1-ю луну, в Южном Китае, на территории современной провинции Гуандун, началось восстание, вожди которого выдвинули лозунг создания

новой династии Да-цзинь-го (Великое Золотое государство). Во 2-ю луну того же года в провинции Северного Китая Хэнани вспыхнуло народное восстание, руководители которого, приняв в качестве религии манихейство, рассылали воззвания с золотой печатью к населению. Народ выступал против властей в 1338 г. в Южном Китае — в Цзянси и Фуцзяни, в 1339 г. в Северном Китае — в Хэнани, в 1341 г. в Южном Китае — в Хунани и Северном Китае — в Шаньдуне. В Шаньдуне крестьянские восстания охватили более 300 районов и продолжались до 1348 г.

Китайский народ вел неустанную борьбу за свою свободу и свержение господства монгольских феодалов. Руководителями восстаний выступали в большинстве случаев бедные крестьяне и в некоторых местах — чиновники или военные, а также представители духовенства. Они ставили перед собой задачу уничтожить Юаньскую империю и создать новое классовое государство, стоящее на страже их интересов.

2. КРИЗИС МОНГОЛЬСКОЙ ФЕОДАЛЬНОЙ ВЕРХУШКИ

С эпохи Хубилай-хагана класс монгольских феодалов, внутри которого шла борьба за хаганский престол, права и привилегии, вступил в полосу глубокого политического кризиса. Хотя после Тэмур-хагана и прекратились войны между двумя лагерями, на которые разделилась монгольская знать, при хаганском дворе шла острая борьба между различными группировками. Она сопровождалась тайными убийствами и носила кровавый характер. Как подчеркивается в источнике, начиная с 1310 г. хаган и нояны, стоявшие у власти в империи Юань, вели особенно разгульную жизнь, тратя огромные суммы на свои прихоти [19]; они меньше всего думали о делах государственных; во время их ежедневных пиршеств шум был слышен далеко за стенами императорского города [20].

В период правления Хайсан-хагана (1307—1311) непомерные растраты и оргии, устраивавшиеся у хаганов и ноянов при хаганском дворе, сильно расстроили государственные дела; важные государственные должности стали предметом торговли. Как говорит источник, даже монахи из буддийских монастырей становились «левыми министрами» [21], т. е. вторыми по важности чиновниками в империи (первым был «правый министр» — ю чэн-сян). Не производился отбор способных лиц на чиновничьи должности путем государственных экзаменов. Проверка чиновников для повышения по должности превратилась в пустой формализм [22]. В источнике зарегистрирован тот факт, что во времена Хайсан-хагана в течение лишь одного года свыше 880 человек попали на важные государственные должности с помощью взяток и «зверствовали, как тигры» [23]. Кроме того, встречаются также сообщения, что при хаганском дворе подвизались свыше

40 лиц, выдававших себя за родственников хаганских жен — хатун и хаганов и пользовавшихся властью [24].

Юаньский литератор Чжан Яньхао сравнивает создавшееся положение с правлением Хубилая: «В период правления Хубилай-хагана назначали чиновников на должности по их деловым качествам и способностям, а ныне не соблюдают этого правила и присваивают людям чины в нарушение закона. В период правления Хубилай-хагана не наказывали тех, кто делал хагану представления, а ныне казнят их, не разбираясь в причинах. В период правления Хубилай-хагана выпускали бумажные деньги на установленные суммы, а ныне выпускают их в любое время и столько, сколько требуется. В период правления Хубилай-хагана налоги и повинности были фиксированными, а ныне [с налогоплательщиков] берут их в любое время и [отбирают] все дочиста» [25].

Как отмечается в китайских источниках того времени, после Хубилай-хагана ухудшение политического положения в стране, громоздкость придворной администрации, несоблюдение законов, нарушение порядка избрания хаганов, разбазаривание и расхищение казенных средств уже стали жизненно важными вопросами [26].

За 25 лет, с 1308 г., когда хаганский престол занял Хайсан-кулуг, по 1333 г., когда был коронован Тогон-Тэмур, находилось на престоле восемь хаганов, из них шесть сменили друг друга всего за пять с небольшим лет — с 1328 по 1333 г.

Тэмур-хаган назначил своего внука Хайсана наследником престола и, присвоив ему титул хуан-тай-цзы — «хаганский сын-наследник», отправил его в Каракорум. Но после скоропостижной смерти Тэмур-хагана его хатун Бурхан, пользуясь пребыванием Хайсана в далеком Каракоруме, составила тайный заговор, чтобы сделать хаганом своего любовника нояна Ананду. Аюрбарибада, узнавший о заговоре, спешно прибыл в Ханбалгасун со своими войсками, казнил Бурхан и Ананду и возвел на хаганский престол вызванного им Хайсана [27].

Хайсан после вступления на хаганский трон, в свою очередь, оценил заслуги младшего брата и сделал Аюрбарибаду наследником престола [28]. При этом он доверил ему поставить на престол после его смерти сына Хошилу. Но, став хаганом, Аюрбарибада не выполнил завещания старшего брата и назначил наследником своего сына Шидэбалу. Сторонники братьев, борясь за хаганский трон, стали подкупать нужных людей ассигнациями и уничтожать кандидатов на престол. Крупные чиновники без всякого разрешения хагана [29] выпускали бумажные деньги и раздавали их нужным людям. Все это привело к тому, что при Аюрбарибаде было выпущено бумажных денег на 500 тыс. связок серебра [30].

Шидэбала «просидел» на хаганском троне всего только три года и был отравлен нояном Тэгши из рода Гаммалы. Ноян

Тэгши, в руках которого была сосредоточена государственная власть при дворе, возвел на трон сына Гаммалы Есун-Тэмура [31]. Таким образом порядок наследования монгольского престола был окончательно нарушен, влиятельные крупные придворные нояны сами стали решать, кого поставить хаганом. После кончины Есун-Тэмура монгольские нояны во главе с Даолаша [32] возвели на трон в Шанду сына хагана Раджапику. Но командующий войсками гарнизона Ханбалгасуна, пользовавшийся большой властью, Эл-Тэмур тем временем составил тайный заговор с целью возвести на трон сына Хайсана Туг-Тэмура. В 1328 г. приверженцы Даолаша и Эл-Тэмура сразились между Ханбалгасуном и Шанду. Даолаша потерпел поражение, и Раджапика сдался на милость победителя и передал ему свою хаганскую яшмовую печать.

Ноян Эл-Тэмур вступил в сговор со вторым сыном Хайсана Туг-Тэмуром, готовясь захватить престол для своего сообщника. Но когда о заговоре стало известно во дворце Хошилы, последний объявил о том, что он был возведен на хаганский престол в Каракоруме. По пути в Ханбалгасун во главе своих главных сил он был отравлен лазутчиком, которого выслал навстречу ему младший брат Туг-Тэмур [33].

По восшествии на престол Туг-Тэмур по совету нояна Эл-Тэмура тотчас же казнил жену старшего брата Хошилы и сослал его сына Тогон-Тэмура в Корею [34].

После того как замыслы Эл-Тэмура, предпринятые от имени Туг-Тэмура, осуществились, хаган стал ему не нужен. Вскоре Туг-Тэмур был убит, его хатун Эл-Тэмур взял себе в жены.

Эл-Тэмур хотел возвести на хаганский престол сына Туг-Тэмура Эл-Тэгуса, но мать не согласилась, боясь, что сына убьют. Обычно великих ханов, занявших престол, убивали в молодые годы. Тогда Эл-Тэмур и его окружение решили поставить хаганом сына Хошилы Тогон-Тэмура, но тот находился в далекой Корее. В результате хаганом стал его шестилетний брат Ириджинбал, который продержался на троне 52 дня. После убийства Ириджинбала был поставлен на престол 12-летний Тогон-Тэмур.

В период ханствования малолетнего Тогон-Тэмура вся государственная власть сосредоточилась в руках крупных придворных сановников. Согласно источникам, один из них, Баян, пользовался наибольшей властью. Он всегда поступал по своему произволу и перебил много китайцев. В «Юань ши» сообщается, что однажды к нему пришла шаманка и после гадания сказала: «Баян, ты умрешь от рук южных китайцев». Тогда Баян истребил множество южан-китайцев. Не случайно монголы говорили: «Мы и не слышим про Тогон-Тэмур-хагана, а вот Баян — этот нам знаком!» [35].

В 1355 г. был отравлен «правый министр» Тогто, единственный сановник, служивший Тогон-Тэмуру верой и правдой и при-

лагавший усилия, чтобы улучшить управление империей Юань и справиться с политическим кризисом в стране. После него тайные заговорщики, замышлявшие устранить Тогон-Тэмур-хагана, еще более активизировались. Теперь заговор возглавил преемник Тогто — правый министр Хама.

Сын Тогон-Тэмура Аюширидара участвовал в заговоре, направленном против отца. Этот заговор удалось раскрыть, Хама был казнен, а Аюширидара пощажен. После Хамы «правым министром» стал Тайпин[36]. Хатун Ци, кореянка по происхождению, и сын хагана составили новый заговор, намереваясь совершить государственный переворот. Тайпин узнал о готовящемся перевороте и предотвратил его[37]. В ответ хатун и царевич, жаждавшие мести, отравили Тайпина. Преемник последнего Чосгэн[38], вступив в союз с тем же царевичем Аюширидарой, готовил другой дворцовый переворот, но был разоблачен и казнен. Аюширидара, бежавший из дворцового города, нашел поддержку у генерала Кокэ-Тэмура и, стремясь предпринять последнюю попытку захватить хаганский престол, начал собирать войска. Но генерал решил сохранить преданность престолу и не участвовать в перевороте. Между ним и Аюширидарой произошел разрыв и началась вооруженная борьба. Кокэ-Тэмур и Боро-Тэмур, которые командовали главными силами армии Тогон-Тэмура, также вступили в борьбу за власть.

В ханствование Тогон-Тэмура в 1365 г. ноян Тугэн-Тэмур, подняв мятеж, ушел в г. Барс со своими войсками. Сайин-Буха нояну было приказано подавить его[39]. Алхуй-Тэмур-ноян также направил войска против Тогон-Тэмура, но вскоре был казнен[40].

Таким образом, в конце правления династии Юань хатун, царевичи, дарханы и крупные нояны активно включались в борьбу за хаганский престол[41]. Государственная власть была почти отобрана у хагана, и титул великого хана превратился в фикцию. Кризис в среде монгольской феодальной знати обозначался все четче по мере уничтожения результатов ее завоеваний и явился одной из главных причин падения власти династии Юань в Китае.

3. ГИБЕЛЬ ИМПЕРИИ ЮАНЬ

В ханствование последнего хагана династии Юань Тогон-Тэмура, когда эксплуатация населения Китая со стороны завоевателей достигла крайних пределов, китайский народ оказался в исключительно тяжелом положении. В китайских источниках юаньского периода неоднократно отмечалось, что при Тогон-Тэмур-хагане в Китае все «отбросы общества» подняли голову, хорошим людям не оставалось ничего иного, как голодная смерть. Возможно, это преувеличение авторов, но, несомненно,

оно отражает правду о тяжелом положении народа и резком обострении противоречий в обществе. В последний период существования династии Юань в Китае непрерывно увеличивалось число антиправительственных восстаний и движений. В то же время в других покоренных или вассальных странах усилилась борьба против монгольского владычества.

Власть династии Юань в стране теряла силу по мере того, как ширились народные восстания. После 1340 г. в провинции Северного Китая Хэбэй крестьянин Хань Шаньтун в течение нескольких лет проповедовал среди населения учение «Белого лотоса» [42], собирал народ и организовывал моление Небу, возжигая благовонные курительные свечи. Он объявлял народу: «Будет великая смута в мире! В Цзяннани появился будда Майтрейя. Власть монголов падет, возродится китайская династия» [43]. Его друзья Лю Футун и другие распространяли слух о том, что Хань является потомком в восьмом поколении последнего сунского императора и будет императором Китая. Одновременно они говорили о том, что «император Хань милосерден и не будет казнить ни одного человека, но перебьет всех до единого татар и туркестанцев» [44]. Насаждение национализма среди китайского народа преследовало цель борьбы с монголами. Влияние Хань Шаньтуна было велико. Но в 1351 г. он был отравлен соперниками из повстанческого лагеря.

Сын Хань Шаньтуна Хань Линьэр [45], возглавивший восстание после смерти отца, объединился с соседними отрядами повстанцев под руководством Лю Футуна. Эти отряды вместе составили внушительную силу. Лю Футун называл Хань Линьэра «императором» по титулу отца и объявлял его «необыкновенным человеком». Так как все повстанцы носили красную повязку на голове, это движение вошло в историю под названием «восстания красных повязок».

В 1337 г. повстанческая армия перешла в наступление по нескольким направлениям и заняла половину территории пров. Шаньси и полностью пров. Шаньдун. Сам Лю Футун освободил г. Бяньлян от монголов и провозгласил его «столицей государства» [46]. Наилучшей репутацией среди народа в это время пользовался Мао Гуй, командующий частью армии «красных повязок». Войска Мао Гуя вели бои против монголов на севере страны [47]. Другая часть повстанческой армии «красных повязок» подошла непосредственно к столице империи Ханбалгасуну [48]. В 12-ю луну 1358 г. группа повстанческих войск под командованием Гуан Сяньшэня, развернув наступление на севере, взяла летнюю резиденцию монгольских хаганов Шанду, уничтожила население и разрушила дворцы [49]. В этой ситуации Тогон-Тэмур-хаган уже готовился к бегству из столицы.

Сначала главными силами монгольской армии по подавлению восстания «красных повязок» командовал Чаган-Тэмур [50]. Будучи расчетливым человеком, он считал, что в борьбе с пов-

станцами одновременно необходимо опираться на чисто китайские формирования. Поэтому он начал присоединять к своей армии воинские формирования крупных китайских землевладельцев. Начиная с 1355 г. «местные армии» таких богатых помещиков, как Ли Сыци, стали помогать монгольской армии, активно участвуя в подавлении восстания «красных повязок».

Монгольская армия под командованием Чаган-Тэмура в 1359 г. взяла Бяньлян и обратила в бегство Лю Футуна и Хань Линьэра[51]. Но в 1362 г. генерал Чаган-Тэмур, преследовавший повстанческие войска, был отравлен в своей походной ставке[52]. После этого генералы Даши-батур[53] и Кокэ-Тэмур стали главнокомандующими монгольской армии и отвоевали у повстанческих войск провинции Шаньдун, Хэнань и Шэньси.

У руководства восстания «красных повязок» отсутствовало единство, повстанцы разделились на западное и восточное крыло. Более того, у руководителей западного крыла «красных повязок» начались распри, они стали создавать каждый для себя мелкие «государства». Так, Чэнь Юлян создал «государство Великая Хань», а Мин Юйчжэн — «государство Великая Ся»[54], причем каждый из них провозгласил себя «императором». В связи с убийством Лю Футуна в 1363 г. армия «красных повязок» понесла чувствительный урон. Тем не менее восстание «красных повязок» явилось серьезным ударом по господству династии Юань. Вскоре это восстание крестьян под руководством Чжу Юаньчжана набрало силу и охватило весь Южный Китай[55]. К этому времени у монгольских завоевателей уже не осталось средств, чтобы подавить такое мощное крестьянское восстание.

Чжу Юаньчжан, по происхождению крестьянин, был послушником в буддийском монастыре. Он вступил в армию «красных повязок» в 1352 г. Основав свою базу в Нанкине, он повел борьбу за освобождение территории Южного Китая от завоевателей. Успешно действуя против монгольской армии империи Юань, Чжу Юаньчжан одновременно разбил одного за другим остальных руководителей восстания «красных повязок» и после убийства Лю Футуна и Хань Линьэра приобрел наибольшее влияние[56].

Чжу Юаньчжану удалось отвоевать территорию Центрального и Южного Китая у монгольских завоевателей и других руководителей восстания.

В конце 1367 г. главные силы армии Чжу Юаньчжана под командованием генерала Сюй Да[57] перешли в наступление на север и через полгода, в августе 1368 г., окружили и взяли Ханбалгасун.

Растерявшийся Тогон-Тэмур и его гвардия вместе со старшей хатун, кореянкой Ван Цзе Хуту, сыновьями и свитой спаслись бегством в Монголию. Сохранилось много сатирических сочинений и притчей по поводу изгнания Тогон-Тэмура из Китая.

В средневековом монгольском историческом источнике так изображается происходившее с Тогон-Тэмуром:

«Китаец показался на гребне горы — хвост корсака превратился в кисточку на шапке»[58].

Таким образом, в 1368 г. власть династии Юань была почти полностью уничтожена и пришел конец господству монгольских завоевателей в Китае. Если считать с 1215 г., когда был взят Чжунду (совр. Пекин), то монголы находились у власти в Китае 153 года; если с 1260 г., когда был оккупирован весь Северный Китай,— 108 лет; если с 1271 г., когда империя была названа Юань,— 97 лет; если с 1279 г., когда было завоевано государство Южная Сун и покорен весь Китай,— 89 лет.

Борьба китайского народа против завоевателей сыграла решающую роль в падении империи Юань. Вместе с тем необходимо рассматривать эту победу в связи с борьбой народов других покоренных стран против захватчиков. Кроме того, успех китайского народа нельзя отрывать от почти столетней борьбы монгольского народа за возвращение центра своего государства на родину. А в конечном счете гибель империи Юань была неизбежна без прочной основы — единства экономики и культуры, когда объединение и административное управление народами осуществлялись лишь силой оружия.

4. СОЗДАНИЕ МОНГОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНАЯ ЮАНЬ

В разные периоды монгольское государство существовало под различными названиями. Крайне мало изучен вопрос об образовании монгольского государства Северная Юань после распада империи Юань. Поэтому перед нами встает актуальная задача — выяснить историю того периода. После уничтожения империи Юань монгольское государство продолжало свое существование. После того как последний великий хан монгольской династии Юань Тогон-Тэмур в 1368 г. потерял власть в империи, он бежал из Китая на родину и находился у власти в монгольском государстве.

Из Ханбалгасуна[59] Тогон-Тэмур-хаган, отбиваясь от преследовавшей его армии, прибыл в летнюю резиденцию монгольских хаганов г. Шанду, где задержался в течение некоторого времени. Затем он поселился в Инчане[60], превратив город во временный политический центр страны. Тогон-Тэмур находился в Инчане около двух лет — со второй половины 1368 до середины 1370 г., но это не означало, что он хотел сделать город своей столицей. Намереваясь вторгнуться на территорию государства Мин и восстановить потерянную власть династии Юань, он, разумеется, обдумал пути для достижения этой цели и учел близость города к китайской территории.

В это время монгольские феодалы еще не хотели признать свое поражение. Перед изгнанием из Китая Тогон-Тэмур-хаган собирал монголов, рассеявшихся по различным провинциям, и в спешном порядке переселял их обратно на родину. Но минское правительство издало приказ оставить монголов на прежних местах расселения и истребляло переселяющихся в пути. В этой ситуации монголы, проживавшие в южных районах Китая, в большинстве случаев не смогли вернуться на родину. Данные источников о том, что из 400 тыс. монголов вернулось из Китая на родину лишь 60 тыс., хотя и преувеличены, но они подтверждают, что в 1368 г. много монгольских аратов осталось в Китае. Свыше 30 тыс. монголов, потомков тех, которые в свое время остались на месте из тьмы монгольских солдат, расквартированных с семьями по южной границе пров. Юньнань, до настоящего времени обитают в тех же самых районах. Монголы, рассеявшиеся по далеким западным и восточным странам, потеряли всякие связи с дальними и близкими родственниками, оставшимися на родине.

Одновременно Тогон-Тэмур-хаган проводил политику, направленную на то, чтобы, сконцентрировав главные силы монгольской армии, демонстрировать силу перед императором китайской династии Мин, сохраняя боеготовность, защищаться от нападений и вторжений со стороны китайской армии, сохранить за собой некоторые китайские территории, которые монголы еще контролировали, и, если возможно, занять новые районы. Юньнань в Южном Китае и Ляодунский полуостров на северо-востоке, а также провинции Сычуань, Шэньси и Ганьсу находились под управлением монголов вплоть до 1387 г. В этих условиях Тогон-Тэмур назвал монгольскую династию «Северная Юань». Собственно название «Северная Юань», или «правительство династии Северная Юань», возникло в связи со стремлением монгольских феодалов восстановить прежнюю империю. Монголы хотели сохранить то официальное название династии, которое они ранее приняли. Даже минские императоры официально признавали его для периодов правления Тогон-Тэмура и Аюширидары. Но это название монгольского государства не могло сохраняться в течение длительного времени.

Тогон-Тэмур-хаган был занят делами, связанными с укреплением государства Северная Юань, дальнейшим расширением территории и концентрацией всех сил монгольской армии. Он во вновь построенном им городе Барс-хото скоропостижно скончался в 1379 г., так и не сумев перебраться в столицу страны Каракорум. В это время ему был 51 год. Тогон-Тэмур-хаган наказал своим потомкам беречь яшмовую государственную печать, ни при каких обстоятельствах не капитулировать перед китайской империей Мин, развивать свою страну и предоставил сыну Аюширидаре право наследования хаганского престола.

Рашипунцуг писал по поводу смерти Тогон-Тэмура: «Ухагату-хаган (Тогон-Тэмур.— *Ч. Д.*) преставился в году белой собаки (1370) в возрасте 51 года, будучи владетелем всего монгольского государства и прожив более года в Барс-хото». Рашипунцуг, как видно из его работы, всецело оправдывает бегство Тогон-Тэмура из Китая и решительно вступает в полемику с китайскими историками по этому вопросу. Он пишет: «Если [Тогон-Тэмур] не опозорился, попав в плен к противнику, как китайский император, и, бежав в свою Монголию, жил там в качестве владетеля государства, то как можно говорить о том, что династия Юань погибла! Нет, династия Юань не погибла... Если бы [Тогон-Тэмур-хаган] был пойман в Дайду, он принял бы на себя позор. Если бы он тогда погиб, то оборвалась и нарушилась бы преемственная связь монгольского государства и это было бы на руку китайской империи. По этой причине разве пристойно было бы, если бы он остался в Дайду, нисколько не заботясь о монгольском государстве, и отдал бы жизнь по недоразумению, защищая китайское государство!»[61].

Хотя Рашипунцуг пишет правильно с точки зрения исторической правды, но нужно отметить односторонность его взгляда, когда он превозносит последнего монгольского завоевателя. Этот недостаток характерен для большинства исторических трудов, написанных средневековыми монгольскими учеными. Тогон-Тэмур, так же как и остальные монгольские хаганы, был одним из реакционных представителей класса феодалов, который во главе монгольских завоевателей эксплуатировал и угнетал народы покоренных стран, рассеивал по свету монгольское население и принес огромные страдания народу своей страны.

Аюширидара, сын Тогон-Тэмура, занявший хаганский престол после отца, избрал себе титул Билигту — «Мудрый». Во время траура после смерти Тогон-Тэмура крупные силы минской армии неожиданно напали на Инчан и захватили в плен Майдирибалу[62]. На этот раз Инчан подвергся большим разрушениям. Аюширидара вместе со свитой выехал из города. Остановившись на некоторое время в Чаган-Субургане в кочевьях племени баарин, он прибыл в Каракорум и сделал его своей столицей. Так через 110 лет монгольский хаган с государственной печатью переехал в старую столицу страны. С переездом великого хана в Каракорум в 1370 г. политический центр монгольского государства окончательно переместился на родину. Отныне престольный город Каракорум стал еще краше и снова превратился в политический центр всех монголов. Феодальные правители китайской империи Мин начали готовить нападение на Монголию, чтобы уничтожить Каракорум.

Широкие массы монгольского народа, охраняя очаг предков на своей исконной территории, целеустремленно боролись за возвращение столицы в течение более 100 лет. Борьба Ариг-Бога, Хайду и Наяна в свое время получила поддержку мон-

гольского народа потому, что одной из их целей было возвращение столицы в страну. По этой же причине им удалось противостоять натиску огромных сил Хубилая в течение более 40 лет. Билигту-хаган стоял у власти в монгольском государстве Северная Юань с 1370 по 1378 г.

В период ханствования Аюширидара продолжил политику своего отца, направленную на то, чтобы собрать силы монголов и удержать под своей властью занятые ранее территории. Поэтому прежде всего перед ним встала задача создания единой монгольской армии. Он призвал ко двору генерала Кокэ-Тэмура, который находился в своей ставке в г. Линси в пров. Ганьсу и охранял окрестную территорию, и назначил его главнокомандующим монгольской армией. В китайских исторических работах утверждается, что Кокэ-Тэмур якобы потерпел поражение от китайской армии и спасся бегством в Монголию.

Узнав от Кокэ-Тэмура и других военачальников, что минская армия собирается вторгаться в страну, Билигту-хаган обучал войска в долине Каракорума, там же откармливал боевых коней и умело подготовился к встрече с противником. Кокэ-Тэмуру, который неоднократно руководил сражениями в Китае и одерживал победы, были знакомы методы ведения боев с китайскими войсками. Он перерезал пути подвоза продовольствия противнику, неожиданно нападал и приводил его в замешательство, при встрече с противником внезапно отходил и наносил молниеносные удары из засады и применял другие приемы. Вскоре, в 1372 г., 150-тысячная китайская армия под командованием Сюй Да и Ли Вэньчжуна вторглась на монгольскую территорию и расположилась большими огороженными лагерями на северных склонах Хангайских гор. Китайская армия имела цель нанести удар по монголам и подчинить их Китаю, а также разрушить Каракорум. Но Кокэ-Тэмур во главе своих войск выступил навстречу китайским войскам и наголову разгромил их. Со времени создания империи Мин китайская армия впервые потерпела крупное поражение. Даже император династии Мин Чжу Юаньчжан вынужден был признать мощь монгольской армии под командованием генерала Кокэ-Тэмура и невозможность одолеть Монголию силой [63]. После этого минские войска в течение некоторого времени не осмеливались вторгаться на монгольскую территорию [64].

Армия Кокэ-Тэмура преследовала остатки минских войск вплоть до отрогов Монгольского Алтая, где они были окончательно разбиты. Но вскоре, в 1373 г., он умер в местности Хара-нохайин-дзо [65]. Кокэ-Тэмур, один из представителей класса монгольских феодалов, был известным в то время государственным и военным деятелем, который защищал родину от вторжений чужеземного врага и погиб в борьбе за независимость Монголии. Разгром Аюширидарой и Кокэ-Тэмуром огромной 150-тысячной китайской армии, вторгшейся в глубь монгольской тер-

ритории, имел большое значение для установления мира в стране.

В 1372—1378 гг. между Монголией и Китаем не происходило крупных войн. В этот период хозяйство Монголии было восстановлено и восполнены прежние потери. В благоприятных условиях скотоводство развивалось интенсивно.

В это время правители империи Мин стремились к тому, чтобы, с одной стороны, сделать хаганом Монголии Майдирибалу, на которого они имели большое влияние, с другой — столкнуть между собой две основные силы — западных и восточных монголов, подорвав их силу изнутри. Однако после смерти в 1378 г. Аюширидары большинство монгольских ноянов резко выступили против кандидатуры Майдирибалы. На хаганский престол был возведен Тогус-Тэмур[66], твердый сторонник антиминской ориентации. Тогда минская армия начала военные действия против монголов.

Тогус-Тэмур находился у власти в государстве Северная Юань в течение десяти лет — с 1378 по 1388 г. Понимая, что минская армия не замедлит совершить нападение на Монголию, он сконцентрировал войска в Каракоруме и Инчане и наращивал их численность. В 1380 г. крупные силы минской армии под командованием генерала Му Ина[67] вторглись в Монголию, разрушили Каракорум. Но поскольку длительное пребывание на монгольской территории было связано с лишениями, они повернули обратно, захватив много материальных ценностей и скота[68]. В это время Тогус-Тэмур-хаган, находясь в Инчане, собрал большое войско, чтобы не допустить прорыва врага в глубь монгольской территории и навязать ему встречные бои. Очевидно, он стремился к тому, чтобы защищать столицу Каракорум, не позволяя превращать его в поле битвы.

В 1381 г. крупные соединения минских войск под командованием Сюй Да и Фу Юдэ вторглись в Ордос, перебили и ограбили население[69]. В 1382 г. минская армия во главе с Му Ином вступила на территорию пров. Юньнань, нанесла поражение отрядам остававшихся там монголов и подчинила их. В юаньский период Юньнань была центральным районом расквартирования монгольских войск подавления в Южном Китае. В течение десяти с лишним лет после образования китайской империи Мин они не сдавались минскому командованию. Но, лишившись связи с собственно Монголией и возможности получить подкрепления, в конечном счете они были вынуждены сдаться.

В период ханствования Тогус-Тэмура монголы, отражая наступления минских войск и защищая родину, стремились наладить равноправные отношения с империей Мин. Минский император возложил руководство военными действиями против Монголии на полководца монгольского происхождения Му Ина. После длительной подготовки 130-тысячная армия под его

командованием напала на Инчан. В результате ожесточенного сражения обе стороны понесли большие потери. В самый разгар битвы сам Му Ин ночью неожиданно напал на ставку Тогус-Тэмур-хагана во главе отборного 20-тысячного отряда кавалерии. Но хагану удалось бежать с государственной печатью вместе со старшим сыном и свитой. По несколько преувеличенным данным «Мин ши», минская армия пленила хатун, царевичей, министров и чиновников — всего свыше 2900 человек и свыше 77 тыс. аратов и захватила 150 тыс. голов скота[70]. Но захватить в плен монгольского хагана не удалось. Китайцы отправляли лазутчиков, чтобы отравить Тогус-Тэмура. Согласно сообщению источников, он был отравлен в пути нояном по имени Есудэр, но был ли он подослан китайцами, неизвестно. В результате указанного сражения Му Ин сжег Инчан дотла.

Минское правительство решило разгромить монгольские отряды Нагачу, которые совершали набеги на пограничные населенные пункты в районе Ляодуна. В 1387 г. китайские части большой численности развернули наступление на пров. Гирин и вторглись в глубь Маньчжурии. В ожесточенной битве, завязавшейся между китайской армией и монголами в районе Чанчуня, обе стороны понесли значительные потери. Китайцы в ходе сражения неоднократно обращались к Нагачу с требованием сдаться. Нагачу, который не осмеливался вступать в новые сражения с численно превосходящим противником, поддался уговорам китайцев и без боя подчинился империи Мин во главе 20 тыс. монголов.

Измена Нагачу ослабила мощь монгольского государства. Урянхайцы Ляодуна представляли одну из сильных и опытных групп монгольских воинов. Опасаясь их восстаний, минское правительство взяло вновь покорившихся монголов под строгий контроль и разбило территорию их проживания на три военных округа — Дуян, Тайнин и Фуюй. Они вошли в историю под названием «три стража урянхайцев» (улянха сань вэй). Покорившимися урянхай-монголами управлял военачальник со ставкой в г. Данин. (Урянхай-монголы, подданные Нагачу, в эпоху Чингисхана обитали по р. Онон и впоследствии перекочевали на территорию к востоку от хребта Хинган.)

Минское правительство использовало урянхайцев в борьбе с монголами. В частности, император Юн-лэ, занявший престол с помощью урянхай-монголов, успешно пользовался их услугами в наведении порядка на границах Китая.

В китайских источниках встречаются утверждения, будто со смертью Тогус-Тэмур-хагана погибла династия Северная Юань, что вообще пришел конец династии монгольских хаганов. Но в действительности было не так. Монгольская династийная традиция не прерывалась и после Тогус-Тэмура. За ним находились на монгольском престоле последовательно хаганы Энкэ, Элбэг, Гун-Тэмур и Бунияшири.

Северная Юань являлась государством в собственно Монголии начала периода феодальной раздробленности. В то время монголы занимали обширную территорию, простиравшуюся от Южной Сибири до Великой китайской стены с севера на юг и от Хинганского хребта до Тяньшаньских гор с востока на запад. К западу от Алтайского хребта обитали ойрат-монголы, а на территории современной МНР и Внутренней Монголии — другие племена монголов.

В период существования феодального монгольского государства Северная Юань страна была в тяжелом политическом и экономическом положении. Много монгольских семей вернулось на родину из других стран, особенно из Китая. За короткий срок выросла численность населения и ощущался недостаток продовольствия и всего необходимого. Произошло ухудшение экономического положения страны. Кроме того, монгольские завоеватели, крупные феодалы, по возвращении на родину лишились возможности, как прежде, обирать без меры порабощенные народы чужих стран. Ранее не знавшие пределов в накоплении богатств и удовольствиях, они теперь были вынуждены удовлетворять свои потребности лишь продуктами кочевого скотоводства. Араты, подданные феодалов, стали подвергаться бóльшей эксплуатации, резко усилился феодальный гнет.

Правительство империи Мин, закрыв пограничную торговлю, проводило политику экономического давления на Монголию и постоянно посылало в глубь страны крупные отряды войск, которые истребляли население, производили разрушения и захватывали стада скота и материальные ценности. Все это ставило народ страны в трудное положение. Широкие народные массы страдали от монголо-китайских войн, от междоусобиц монгольских феодалов и других бед. Но, несмотря на это, народ Монголии в рассматриваемую эпоху выращивал свой скот и самостоятельно удовлетворял экономические потребности страны.

В любом обществе народ является истоком расцвета и гибели государства. Не случайно в источниках рассматриваемого периода отмечается, что император — это лодка, а народ — это вода. Монгольский народ был двигателем исторического прогресса в Монголии. Ранее монголов называли «сорок [тем восточных монголов]» и «четыре [тьмы ойратов]», а в конце Северной Юань (1368—1388) — «шесть тем монголов» и «четыре тьмы ойратов». Шесть тем восточных монголов, в свою очередь, подразделялись на «три восточные и три западные тьмы». Вообще в XIV—XVI вв. термин «тумэн» — «тьма, десять тысяч» стал употребляться в том же значении, что «улус» — «государство». Например, в записке о военных заслугах императора Вань-ли (1573—1620) упоминается, что у Тумэн-джасагту-хагана, управлявшего тьмой монголов, было 130 тыс. подданных. Но после периода Северной Юань административный термин «отог» за-

нял место прежнего «мингган» — «тысяча». В это же время возникло название, состоящее из сочетания «отог хосигун» — «отог-хошун».

После гибели империи Юань монголы оказались в значительной степени оторванными от внешнего мира. Их связи со странами Востока и Запада прервались почти полностью. Вследствие усиления политического и экономического давления со стороны китайской империи Мин пути международной торговли, ведущие в Монголию, были закрыты, и число иностранцев, посещавших страну, резко сократилось. Города и поселения, где некогда процветали торговля, ремесла и земледелие, получившие какое-то развитие в период монгольской империи, пришли в упадок. Скотоводство по-прежнему оказалось единственной отраслью хозяйства страны. Кочевой быт и кочевые обычаи снова стали единственными нормами жизни монголов. Араты имели в собственности скот и нехитрые орудия труда. Наличие мелкого аратского частного хозяйства было условием существования крупных феодальных хозяйств и основой становления феодального способа производства в Монголии.

После распада империи Юань страна вернулась к раздробленности, Монголия разделилась на Западную и Восточную и потеряла единство.

Согласно закону общественного развития феодальное общество чаще всего распадается на мелкие и крупные самостоятельные феодальные владения по достижении соответствующего уровня развития феодального способа производства. Главная причина этого явления непосредственно связана с развитием хозяйственной и политической самостоятельности феодальных владений. Феодал, получивший от императора землю сперва с правом распоряжаться только в течение одного поколения, становится наследственным владельцем этой земли и постепенно приумножает свою экономическую и политическую мощь, беспощадно эксплуатируя своих крепостных и захватывая земли у слабых соседей. Вместе с хозяйственным усилением феодалов ослабевает их подчинение власти императора. Наоборот, император сам становится зависимым от крупных феодалов, приноравливается к ним и почти не отличается от них. Так наступает феодальная раздробленность.

Феодальная раздробленность в Монголии, начавшаяся в конце XIV в., обязана своим появлением таким же причинам. Длительное время феодальная раздробленность создавала неустойчивость положения в стране, являлась причиной отставания ее в области социального развития, экономики и культуры[71]. Но в рассматриваемое время монголы по-прежнему стремились сохранить самостоятельность страны. Другими словами, в период правления Билигту-хагана (1370—1378) они создали свое государство с центром в Каракоруме, поддерживали равноправные отношения с минским Китаем и другими странами, со-

храняя в какой-то мере политическую и экономическую независимость. Вплоть до 1634 г., т. е. гибели Лигдэн-хагана, на монгольском троне сменился 21 хаган. Это время вошло в историю Монголии как «эпоха малых ханов». Такое название означало, что теперь власть монгольских хаганов в отличие от «великих ханов» периода империи ограничивалась лишь собственно Монголией. «Малые ханы» правили страной в период феодальной раздробленности. Хотя страна делилась на ханства, княжества, аймаки и отоки, но ханы, как и раньше, были из старого хаганского рода и их династия не прерывалась.

5. МОНГОЛО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ ДИНАСТИИ ЮАНЬ

Развитие монголо-китайских отношений после падения династии Юань проливает свет на ряд проблем, связанных с историей монголов этой эпохи. По данному вопросу содержится много материалов в «Юн-лэ ши-лу» («Правдивые записи о периоде правления Юн-лэ»), «Мин ши» и других китайских источниках. В официальных письмах минских императоров к монгольским хаганам, некоторых ответах монгольских хаганов на письма минских императоров и памятниках монгольского языка, опубликованных в источниках, очень подробно рассказывается о войнах между обеими странами. Из официальных писем минских императоров, адресованных монгольским хаганам и нойонам, можно узнать о состоянии монголо-китайских отношений того времени и политике империи Мин по отношению к Монголии. В качестве примера можно привести перевод отрывков из некоторых писем.

Минский император Чжу Юаньчжан в официальном письме на имя Тогон-Тэмур-хагана, отправленном в августе 1380 г., отмечал: «Я по происхождению был крестьянином. Тогда в стране не наблюдалось никакого прогресса, начались великие беспорядки и смуты. Видя, что всюду появляются разбойники, отрезают земли у крестьян и подвергают народ опасности и мукам, я не смог сидеть спокойно. Даже ты, мой почтенный, уже не мог схватить их. Хотя они внешне были чиновниками династии Юань, но в душе таили вражду. Не стало ни одного человека, который бы думал о том, чтобы подавить восстания, сеющие хаос, и успокоить народ. Поэтому я лично во главе моих полководцев... присоединил восемь провинций и бассейны двух рек к подведомственной мне территории. Но, мой почтенный... у вас не думали о государстве... убивали друг друга в борьбе между собой и подвергали народ страданиям. Поэтому я в позапрошлом году отправил своего великого полководца [72]... в другие места. Но ты, мой почтенный, убежал еще до подхода моих войск, бросив дворцы своих предков. Я тогда очень одобрял это, счи-

тая, что ты, мой почтенный, по воле Неба возвращаешь нам старую китайскую территорию, понимая, что уже окончательно отвернулась от тебя судьба, благоприятствовавшая династии Юань в течение почти ста лет. Но вскоре военачальники пограничных войск стали докладывать мне, что ты, мой почтенный, время от времени совершаешь набеги на район Кайпина. Уйдя ныне в пустыню, ты периодически подвергаешь наши границы опасности, в то время как раньше не сумел подавить разбойников, пока в твоих дворцах царил мир и империя была богатой. А причина этого, мой почтенный, заключается в твоей недальновидности и односторонности суждений. Ныне вся территория Китая находится под моей властью, там всюду спокойно и все чужие племена подчинились мне. Если я пошлю войска на север для вторжения на территорию, лежащую к северу от гор Иньшань, то, сколько бы у тебя, мой почтенный, туменов аратов ни было, все превратятся в уголья гаснущего огня и рыбу в высохшей реке,— зачем это нужно делать! Хотя ты, мой почтенный, бежал на север, но дальше тебе некуда убегать! Я советую тебе, мой почтенный, от чистого сердца: если ты изменишь свое положение и решишь свою судьбу, покорившись мне без звука, то сумеешь сохранить свой род. Соизволь, мой почтенный, хорошенько подумать об этом!» [73].

В письме как будто есть какое-то стремление хотя бы внешне соблюсти правила хорошего тона, но автор его больше кичится и угрожает. С одной стороны, в нем минский император тщится оправдать свою захватническую политику по отношению к Монголии. Судя по письму, он считал тогда возможным быстро разгромить и подчинить себе монголов. Хотя в действительности это было нереально.

С другой стороны, в письме сообщается, будто монголы совершали разбойничьи набеги на Кайпин и другие китайские районы. Но в то время минские войска захватили Кайпин (Шанду), который был монгольским городом, и окрестную территорию, которая целиком принадлежала Монголии, и расположились там гарнизонами. Очевидно, в этом случае не было никакого основания считать, что монголы посягали на китайскую территорию, тогда как они предпринимали наступление с целью отвоевать свой город Кайпин. Письмо заканчивается требованием безоговорочной сдачи Минам Тогон-Тэмура вместе со своими подданными. Понятно, что монгольский народ, защищавший независимость своей страны, никогда не принял бы такой ультиматум. Опасаясь народных выступлений, Тогон-Тэмур также не согласился с ним и не ответил на письмо. Между прочим, минский император в письме официально признает, что династия Юань никогда не была китайской, а оставалсь монгольской.

Чжу Юаньчжан также обращался с официальными письмами к хагану Аюширидаре. В третьем письме, отправленном ему в 1371 г., в частности, говорится: «До сих пор нет никаких от-

ветов на мои два письма, ранее отправленные с послами, мой почтенный. Это, по-видимому, происходит из-за твоей своевольной политики. Мой почтенный, ты думаешь: „Я, мол, хозяин Поднебесной, а раз так, то народ также мой“. Но по закону это не так. В древней поговорке сказано: „Река — это народ, а лодка — император. Река же может и поднять и перевернуть“. Но почему ты, мой почтенный, не знаешь этого, не опомнишься и не вернешься на правильный путь? Если судить по положению на сегодняшний день, богатыри, на которых ты, мой почтенный, опираешься, не совершили никаких подвигов. Как можно не согласиться с тем, что моя армия изо дня в день набирает силу, тогда как твои силы, мой почтенный, остаются прежними! Как можно изменить силой и произволом сегодняшнее положение, дарованное всевышним небом! Мой почтенный, к чему, поддавшись советам коварных людей, сидеть, печалясь и сетуя! Если бы ты, установив мир и согласие со мной, почтил небесный закон и последовал людскому правилу, то мои указы вступили бы в силу для племен, подчиненных тебе, мой почтенный. Тогда ты, мой почтенный, сохранишь право быть одним из главных владык в стране и чествовать своих предков. Если ты оставишь это положение без внимания и со своей оставшейся немногочисленной армией будешь нападать на границы и производить там беспорядки, то ты сам окажешься лицом к лицу с опасностью. Я буду вынужден двинуть на территорию пустыни все военные силы во главе с моими шестью великими полководцами. Тогда, мой почтенный, уже будет поздно, если даже ты будешь слезно умолять меня!»[74].

Судя по содержанию письма, минский император продолжал проводить свою старую политику по отношению к Монголии. Он оскорбляет монголов и предъявляет им ультиматум под угрозой, что если они не сдадутся на милость победителя, то он, император, захватит их страну военной силой. Вместе с тем письмо было отправлено императором с целью найти предлог для войны против монголов. Аюширидара также не дал никакого ответа на официальное письмо минского императора. Но не прошло и года, как в 1373 г. крупные силы минской армии численностью в 150 тыс. человек вторглись в район Хангайских гор и были разгромлены монгольскими войсками. Поняв, что невозможно победить монголов лишь военной силой, Чжу Юаньчжан стал разрабатывать меры, направленные на то, чтобы разобщить их и нанести удар по Монголии руками самих монголов, а также поставить на монгольский хаганский престол своего человека. О том, что он решил прежде всего попытаться сделать монгольским хаганом своего ставленника, видно из событий, связанных с Майдирибалой.

Когда китайцы препроводили Майдирибалу из плена обратно в Каракорум, Чжу Юаньчжан написал письмо на имя Аюширидары. В нем говорилось: «Прошло около пяти лет с тех пор,

как я взял на юг, мой почтенный, твоего малолетнего сына, оставленного тобой в Инчане, и содержал его в большом почете. Подумав о тебе, я понял, что ты, скитаясь по пустынным землям, печалишься, что у тебя нет никого, кто бы тебе наследовал. Я возвращаю твоего сына под почетной охраной со специально назначенными мной послами, заботясь, чтобы род династии Юань не прервался и был продолжен. Мой почтенный, соизволь хорошенько поразмыслить обо всем этом»[75].

Из сказанного прежде всего ясно, что минский император старался сделать Майдирибалу хаганом и использовать его в своих интересах. Одновременно он ставил перед собой задачу разведать положение в Монголии, отправив своих людей под видом сопровождающих и охраны Майдирибалы. Но, разгадав скрытые намерения китайцев, монголы решительно выступили против кандидатуры Майдирибалы в хаганы и возвели на хаганский престол Тогус-Тэмура, который всегда придерживался антикитайской ориентации. Так снова наступил период состояния войны между Монголией и Китаем. К тому же Тогус-Тэмур, подвергшийся оскорблениям со стороны Китая, узнал о заговоре против хагана, составленном его старшим братом Гун-Тэмуром и Гуличи-нояном — сторонниками империи Мин. Политические отношения между обеими странами сильно обострились особенно в период правления императора Юн-лэ[76] (1403—1424). Император пять раз вторгался в Монголию и умер во время войны на монгольской территории.

В 1409 г. большие контингенты войск, посланные императором Юн-лэ, проникли в Монголию, но были разбиты наголову в битве с войсками Бунияшири-хагана. Тем не менее армия Бунияшири-хагана понесла большие потери в этом сражении и была ослаблена. В 1410 г. Юн-лэ снова вторгся на монгольскую территорию, не дав времени Бунияшири-хагану восполнить потери и восстановить армию. Крупные силы китайской армии под личным командованием императора совершили поход в Монголию. Это была первая из пяти войн Юн-лэ против монголов. К тому времени силы монгольской армии оказались разделенными на две части из-за разногласий, возникших между хаганом и его первым министром Аругтай-нояном[77]. Бунияшири-хаган резко осуждал стремление Аругтая к капитуляции перед Китаем и призывал подданных к упорной борьбе за независимость страны. Минскому двору было известно о разногласиях между ними от лазутчиков.

В 1410 г. китайская армия под командованием императора Юн-лэ прошла в глубь монгольской территории и вступила в сражение с войсками Бунияшири-хагана на берегу р. Онон. Бунияшири потерпел поражение и вместе со своими семью героями-багатурами, имея при себе ханскую печать, бежал в Ойрат-Монголию. Среди семи багатуров был его младший брат Элбэг. По данным одних источников, Бунияшири был убит Мах-

муд-нояном, а других — умер естественной смертью. Судя по обстоятельствам, Бунияшири, по-видимому, все же умер своей смертью, завещав Элбэгу и Махмуду вместе с ойратами бороться против китайской империи Мин.

Махмуд-ноян с 1409 г. в течение некоторого времени был на стороне китайского государства Мин, что вызвало сильное обострение противоречий между восточными и западными монголами. Минские феодалы всеми способами старались углубить эти противоречия. Они прибегали к самым коварным приемам, чтобы расколоть силы монголов. Китайские лазутчики распространили среди восточных монголов слухи о том, что Махмуд-ноян, не принадлежащий к роду хагана, отравил Бунияшири-хагана и теперь будет воевать с Аругтаем. Частые смуты у монголов привели к ухудшению политического положения в стране. Сохранение единства Монголии под властью одного хагана в то время отражало чаяния широких масс западных и восточных монголов. Борьба между феодалами, предавшими интересы народа, наносила большой вред Монголии.

Главная причина поражения армии Бунияшири-хагана в 1410 г. заключалась не только в военном превосходстве китайских войск, но и в измене Аругтай-нояна и борьбе ойратских феодалов против хагана. Но китайский двор, поддержав Махмуда из желания использовать его войска против Бунияшири, не оказал ему содействия в его стремлении стать единоличным правителем всей Монголии. Опасаясь намерений Махмуда сделаться господином Монголии, минский двор заключил тайный союз с первым министром Бунияшири-хагана Аругтаем для борьбы против Махмуда.

В 1414 г., когда Махмуд-ноян прибыл на р. Керулен для сражения с Аругтаем, император Юн-лэ во главе своей армии лично выступил туда же на помощь Аругтаю. Узнав об этом, Махмуд поспешил навстречу императору во главе 30-тысячной конницы и навязал ему сражение. Хотя минская армия широко применила огнестрельное оружие и добилась значительного успеха, но обе стороны понесли большие потери[78]. Отныне Махмуд все время воевал с империей Мин, одновременно ведя борьбу против Аругтай-нояна, вступившего в сговор с минским двором. Но вскоре Махмуд умер, и дело его продолжил сын Тогон. С тех пор в течение некоторого периода Китай поддерживал Аругтая в борьбе с ойрат-монголами. Аругтай и Тогон, вступив в кровопролитную борьбу между собой, превратились в орудия китайской политики. Подобные действия феодалов в большой степени разрушали единство монголов, что создавало препятствия на пути развития производительных сил страны.

Император Юн-лэ в 1422 г. в третий раз вторгся в Монголию и захватил огромное количество скота и имущества[79]. В 1423 г. он во главе своей армии выступил в четвертый поход в Монголию и в союзе с войсками Аругтай-нояна сражался с ойрат-

монголами, но не добился сколько-нибудь значительного успеха. Как сообщают китайские источники, в этой войне ойраты потерпели такое поражение, что не смогли оправиться. Но в следующем году, когда Юн-лэ затеял новую войну с ойрат-монголами, силы сторон оказались равными. Сведения китайских источников об этих войнах иногда расходятся. Однако в китайских исторических сочинениях утверждается, будто Юн-лэ, воюя и «усмиряя» монголов, совершал великие подвиги, разбивал наголову монгольские войска, где бы они ни встречались. На самом же деле, судя по сведениям источников о ходе войн между монгольскими и китайскими феодалами, события развивались по-иному. В ходе сражений обе стороны несли немалые потери, и по своим военным силам Монголия не уступала недавно созданной империи Мин.

В Монголии в ту пору не было пехоты. Армия состояла только из кавалерии и поэтому обладала преимуществом по сравнению с китайской. Монгольская конница владела тонкими тактическими приемами ведения боя. В частности, один из приемов заключался в том, что конница отступала в разгар боя, создавая видимость панического бегства, и, неожиданно возвращаясь, наносила удар по противнику. Кроме того, в случае появления неблагоприятных факторов в ходе сражения она могла вовремя отойти и пополнить силы. Но в китайских исторических источниках в подобных случаях пишут, что монголы были побеждены и обратились в бегство. Известно, что по китайскому обычаю если сам император лично командует армией, то даже в случае поражения армии источники пишут, что она одержала победу над врагом. Поэтому необходимо каждый раз тщательно изучать ход событий и делать соответствующие выводы.

Император Юн-лэ также слал послов к монгольским хаганам с письмами, содержащими угрозы. Например, после восшествия на ханский престол Бунияшири-хагана по указу Юн-лэ спешно был отправлен в Монголию гонец передать хагану: «Я слышал, что, после того как пришла в упадок мощь монголов, никто из потомков Шунь-ди (Тогон-Тэмура) не кончил жизнь естественной смертью, начиная с хаганского потомка Люширидары и кончая Гун-Тэмуром, которые сменяли друг друга на хаганском престоле. Наш Тай-цзу (Чжу Юаньчжан) оказывал милости потомкам династии Юань и всегда хотел, чтобы они последовали за ним. Монголы, я смотрю на вас, как отец на своих детей. Ныне род династии Юань снова занимает хаганский престол. Проявить преданность и смирно последовать за мною или нет — от этого зависит ваше счастье, жить или сгинуть — вам решать! Хорошенько подумайте об этом!» [80]. Но Бунияшири-хаган нисколько не испугался угроз и последовательно проводил политику сохранения независимости страны. При нем был убит чрезвычайный посол императора Юн-лэ Го Цзи. Последний был приближенным минского императора. Прибыв с

письмом Юн-лэ на имя Бунияшири, Го Цзи на аудиенции у хагана потребовал капитуляции Монголии, стал оскорблять хагана, наговорил ему дерзостей и был казнен. После этого, как было сказано выше, Юн-лэ во главе своей армии совершил свой пятый поход в Монголию, но не добился успеха.

Политика запугивания, проводившаяся миским двором, и попытки подчинить себе монголов военной силой не давали результатов, но Китай по-прежнему продолжал свою коварную политику по отношению к монголам. Она сводилась к натравливанию монголов друг на друга, раздаче званий и титулов нойнам, подкупу феодалов, тайной слежке за ними, политическим убийствам и другим подобным акциям. Совершенно очевидно, что в ту эпоху Монголия по-прежнему представляла собой самую опасную силу для империи Мин. Этого не скрывают даже авторы китайских исторических трудов.

Минский двор в свое время перенес столицу империи из Нанкина в Пекин с целью организации обороны страны от монголов[81]. Кроме того, вдоль Великой китайской стены было построено девять крупных укрепленных районов, названных «девять рубежей», где были размещены охранные войска большой численности.

Исходя из сказанного выше, в ту эпоху Монголия все еще представляла собой сильное независимое государство, которого боялась империя Мин. Эсэн-хаган (1440—1455), объединивщий «сорок тем [восточных монголов]» и «четыре тьмы [ойрат-монголов]», взял в плен китайского императора Ин-цзуна. Монголия, объединившаяся при хагане Бату-Монкэ (1466—1504), встала на путь дальнейшего развития.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ МОНГОЛОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII И В XIV в.

В XIII в. объединение монгольских племен и образование единого государства создали благоприятные условия для развития монгольской культуры. Одновременно на дальнейшее ее развитие прогрессивное влияние оказала культура покоренных стран. Наши ученые довольно много внимания уделяли истории монгольской культуры. В частности, академики Ц. Дамдинсурэн и Ш. Бира, доктора исторических наук Д. Майдар и Н. Ишджамц, доктор филологических наук С. Лувсанвандан, кандидат исторических наук Гаадамба и Дж. Надмид и другие [1], тщательно исследовав проблемы монгольской культуры, написали ценные работы. Поэтому ниже рассматриваются лишь те из этих вопросов, которые тесно связаны с исследуемым нами периодом.

1. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Монголы, обладавшие опытом разведения скота, с древнейших времен умели изготовлять искусные изделия из животноводческого сырья. В источниках встречаются богатые сведения об их материальной культуре. Этому вопросу посвящена третья глава «Культура монголов XIII—XIV вв.» [2], написанная академиком Ш. Бира, в трехтомной «Истории МНР». Монгольская культура указанного периода рассматривается здесь на широком историческом фоне. Вслед за Ш. Бира доктор исторических наук Н. Ишджамц в 1974 г. опубликовал научную статью на ту же тему [3]. Содержание названных работ дает основание считать, что в них исследована и обобщена в главных чертах культура монголов XIII—XIV вв.

С древних времен монголы в зависимости от характера территории их обитания делились на «лесные народы» (hoyin irgen) и скотоводов-степняков. Отличия в образе жизни этих народов обусловливали разные пути развития их материальной культуры. У так называемых «лесных народов» не было удобных войлочных юрт, как у степняков. Но они умело строили

себе шалаши из веток и коры деревьев. Они носили удобные одежды, сшитые из шкур диких животных. «Лесные народы» были отличными охотниками. У них навыков охоты имелось гораздо больше, чем у других монгольских племен. Они весьма искусно делали лыжи из дерева и костей животных. Источники того времени рассказывают о том, как эти люди удивительно ловко передвигались на лыжах [4]. Рашид ад-Дин писал о пользовании лыжами у племен урянхай: «Они делают особые доски, которые называют чанэ, и на них становятся... берут в руки палку и, [скользя] по снежному покрову, упираются той палкой в землю, подобно тому как гонят по воде судно. Они так гоняются на чанэ (лыжах) по степи и равнине, по спускам и подъемам, что настигают горного быка и других животных и убивают [их]. Рядом с теми чанэ, на которых сами находятся, они тащат привязанными другие [лыжи]; на них они складывают убитую дичь» [5].

В эпоху Юань различия между «лесными народами» и степняками в материальной культуре стали стираться, и эти группы монголов сблизились еще теснее. Из кожи и шкур домашнего скота они шили себе обувь и одежду, из кож делали ремни, из шерсти и волос катали войлок и плели волосяные веревки. Кроме того, из мяса и молока изготовлялись самые различные изделия, блюда и напитки. Монголы готовили продукты питания впрок, летом запасались мясом и молочными продуктами на зиму, умело сушили борцу из мяса (полоски сушеного мяса) для длительного хранения. Интересные сведения об этом можно найти в работах Плано Карпини, В. Рубрука, Пэн Дая и Сюй Тина [6].

В. Рубрук писал о приготовлении молочных продуктов у монголов: «На двух кольях, вбитых в землю, они протягивают длинную веревку; к этой веревке они привязывают около третьего часа детенышей кобылиц, которых хотят доить. Тогда матки стоят около своих детенышей и дают доить себя спокойно. А если какая-нибудь из них очень несдержанна, то человек берет детеныша и подносит к ней, давая немного пососать, затем он оттаскивает его, а на смену является доильщик молока.

Итак, накопив большое количество молока, которое, пока свежее, так же сладко, как коровье, они наливают его в большой бурдюк, или бутыль (butellum), и начинают бить по нему приспособленной для этого деревяшкой; величина ее внизу с человеческую голову, а внутри она просверлена. Как только они начинают сбивать, молоко начинает кипеть, как новое вино, и скисать или бродить, и они его сбивают до тех пор, пока не извлекут масла. Тогда они пробуют молоко и, если оно надлежаще остро, пьют» [7].

Далее: «Из коровьего молока они сперва извлекают масло и кипятят его до полного сварения, а потом прячут его в кожах баранов, которые для того и сберегают. Хотя они не

кладут соли в масло, оно все-таки не подвергается гниению вследствие сильной варки. И они сохраняют его на зиму. Остальному молоку, которое остается после масла, они дают киснуть насколько можно сильнее и кипятят его; от кипячения оно свертывается. Это свернувшееся молоко они сушат на солнце, и оно становится твердым, как выгарки железа; его они прячут в мешки на зиму» (речь идет о кумысе, масле, аруле и хуруте) [8]. Судя по приведенному описанию, у монголов в XIII—XIV вв. способы переработки молочных продуктов были почти теми же, что и в наши дни.

В XIII—XIV вв. монголы изготовляли очень красивые юрты. Монгольская войлочная юрта довольно подробно описана европейскими и китайскими путешественниками того времени. В ту эпоху юрта приняла более изящную форму. Эволюция конструкции ее хорошо показана в работе Д. Майдара [9]. В девяти белых юртах в летней резиденции монгольских хаганов, построенных китайскими мастерами, были настланы деревянные полы. По-видимому, тогда начали строить юрты с деревянными полами.

Кибитки имели до 30 футов (30,5 м) в ширину, расстояние между колесами достигало 20 футов. В. Рубрук видел кибитку, которую тянули 22 быка. Ось такой кибитки была величиной с мачту корабля. Когда множество кибиток двигалось по дороге, то казалось, будто «перекочевывает большой город» [10]. Дверь, тон (верхнее отверстие) и каркас юрты стали делать красочнее, покрывая краской и занавешивая.

Улучшилась технология шитья одежды у монголов. Особенно это было заметно в одежде хаганов, ноянов и других богачей. Предметы одежды сильно разнообразились прежде всего у монгольских феодалов, которые, имея торговые связи со странами Запада и Востока, пользовались красивыми иностранными, особенно китайскими изделиями. У монгольской дээли пришивали не стоячий воротник (как теперь), а прямой или косой; с левой стороны она имела разрез до рукава, застегивалась тремя пряжками с правого бока и одной — с левого [11]. В то время монголы шили красивые шапки из шкур волков, лисиц и собак. Монгольские женщины вязали и вышивали, а также искусно шили на национальный манер дээли, рубашки и сапоги.

В XIII—XIV вв. для трех мужских состязаний — борьбы, стрельбы из лука и скачек — монголы умело изготовляли снаряжение, предметы одежды, луки и стрелы. Они также мастерски делали разнообразные предметы шаманского облачения и реквизита. В ту эпоху в Монголии в домашних условиях производились различные музыкальные инструменты, в том числе моринхур, который умели делать в каждой юрте.

Среди монголов широко развивалось прикладное искусство. Жилища украшались всевозможными узорами. На ободки тона и дверные полосы войлока наносился вышитый орнамент — цве-

ты, деревья, разные растения, птицы и изображения животных. Монголы умело ковали оружие — наконечники стрел, пики, щиты и колчаны, искусно шили удобную праздничную и повседневную одежду из соболя, белки и других ценных мехов. В «Тайной истории монголов» содержатся упоминания о «собольей дохе»[12], «собольей шапке», «маральих и оленьих унтах», «набрюшнике с собольей подкладкой»[13], «собольей люльке»[14] и других меховых вещах.

Об искусстве различных монгольских мастеров в эпоху Юань уже говорилось в третьей главе книги. В XIII—XIV вв. монголы выплавляли железную руду и ковали оружие, утварь и инвентарь[15]. Они также изготовляли изящные женские украшения из золота, серебра и других драгоценных металлов. В «Тайной истории монголов» упоминаются «алтан бусэ» — золотой пояс[16], «монггун олэгэй» — серебряная люлька, «танату конджилэ» — одеяло с перламутровыми украшениями[17] и другие подобные изделия, у Рашид ад-Дина — такие предметы, как «алтан гурусэ» — золотая чашка. Все эти предметы роскоши — изделия монгольских мастеров.

У монголов происходило дальнейшее развитие строительного дела. Они приобрели опыт возведения красивых дворцов. Началось строительство городов и поселений.

Из сказанного ясно, что в Монголии XIII—XIV вв. самобытная материальная культура находилась на довольно высоком уровне развития.

2. ПИСЬМЕННОСТЬ

Определение вида письменности, употреблявшейся у монголов в древности, времени применения уйгурской письменности, причин изобретения так называемого квадратного письма — эти и другие проблемы, связанные с историей культуры, до сих пор не решены наукой. В Монголии Ш. Бира, Дж. Надмид, Н. Ишджамц и другие ученые в своих работах постоянно поднимают эти проблемы и продолжают их изучение.

Академик Ц. Дамдинсурэн в отличие от иностранных ученых, считающих, что у монголов появилась письменность в конце XII — начале XIII в., утверждает, что они в этот период уже начали записывать свою историю[18]. Этот вывод Ц. Дамдинсурэна находит подтверждение в источниках.

Согласно «Юань ши», Чингисхан в 1204 г. узнал от плененного им визиря найманского Таян-хана — Тататунга, несшего ханскую печать, для чего применяется этот предмет с какими-то письменами, и начал употреблять такую же печать для скрепления государственных бумаг, а затем поручил тому же Тататунга обучать его детей и ноянов-родственников уйгурскому письму[19]. Большинство иностранных ученых, опираясь на это

неясное сообщение, без достаточных доказательств считают, что монголы переняли уйгурскую письменность в начале XIII в. Однако, вероятнее всего, уйгурский алфавит, который издавна употреблялся в некоторых монгольских племенах, при Чингисхане получил распространение по всей Монголии и стал официальным письмом единого монгольского государства.

Нет сомнений, что уйгурская письменность первоначально была принята в Монголии применительно к какому-то монгольскому диалекту. Как полагал Б. Я. Владимирцов, монгольский письменный язык впервые оформился в среде найманов и кэрэитов и сохранился в неизменном виде до эпохи Чингисхана[20]. Эта гипотеза, тщательно обоснованная им, ныне подкрепляется новыми историческими фактами.

К концу XIII в. найманы, обитавшие по соседству с уйгурами и другими тюрками и находившиеся под влиянием их культуры, по-видимому, уже давно пользовались уйгуро-монгольским алфавитом. Однако, на наш взгляд, пока еще нет оснований соглашаться с выводами тех исследователей, которые считают, что найманы «были уйгуро-тюркского происхождения» или «были монгольским племенем, говорящим на тюркском языке», и что алфавит, которым они пользовались, был «чисто уйгурской письменностью». Неправомерно делать такое заключение только на основе анализа имен найманского министра и других представителей господствующего класса. Следуя таким путем, нынешних монголов, носящих тибетские имена, можно причислять к народам тибетского происхождения.

Б. Я. Владимирцов писал: «Если верно предположение о том, что монгольская письменность возникла у найманов, этот рассматриваемый диалект (т. е. диалект, на котором писали с помощью уйгурского алфавита.— *Ч. Д.*) мог быть древненайманским наречием»[21]. Этот тезис основывается на глубоком изучении западномонгольских диалектов.

Найманы, возможно, принадлежали к кочевникам — ойрат-монголам. В первом томе трехтомной «Истории МНР» приводятся достоверные факты, свидетельствующие о том, что найманы были монголами[22]. И поныне у западных монголов еще бытуют выражения «овгод болсон наймандаа» — «к своим найманам, ставшим предками», «овогтон найман» — «предки наши найманы», «оролтон гурван голынхон» — «родственные нам трехреченцы» и др. «Найман» по-монгольски «восемь». Но объединения, состоящие из восьми этнических коллективов, в IX—XI вв. по-тюркски назывались «секиз огуз» — «восемь племен», а не «найман огуз».

В «Тайной истории монголов», в которой рассказывается о победе Чингиса над найманами в 1204 г., нет сведений о том, чтобы Чингис и Таян-хан вели переговоры между собой через переводчиков. Когда Джэбэ и Хубилай встретили найманский караул на Керулене и переговаривались с найманами или ког-

да Хасар, пленив Тататунга, допрашивал его, тоже не требовались переводчики. У Рашид ад-Дина имеются сведения, показывающие, что найманы были монголами. Так, он отмечал, что у кэрэитов, найманов и онгутов появились государства раньше всех других монгольских племен [23].

В источниках юаньского периода уйгуро-монгольскую письменность иногда ошибочно называют «уйгурской письменностью», а монголов, владеющих этим письмом,— «уйгурами». Например, Мэнгус, Уйлэн-Тэмур [24], Боро-Хайя, Тэгши, Эришу [25] и многие другие, отнесенные в «Юань ши» к уйгурам, по-видимому, были не уйгуры, а монголы, умевшие писать на уйгуро-монгольском алфавите или знавшие уйгурский язык.

В источниках мы находим такие сообщения:

«Император издал указ обучать монгольских детей уйгурскому письму» [26].

«В яньцзинских городских школах учат уйгурское письмо» [27].

«Их (монголов.— *Ч. Д.*) письменность похожа на вспугнутого змея и свернувшегося дождевого червя... Она, по-видимому, родственна уйгурскому алфавиту» [28].

«Они (монголы.— *Ч. Д.*) всюду употребляют уйгурский алфавит» [29].

«23-й г. Чжи-юань... Когда составлялись Ши лу (Правдивые описания) о Чингисхане, они [окончательно] редактировались после перевода их на уйгурское письмо и представления его императору для чтения» [30].

Во всех этих случаях речь идет об уйгуро-монгольском алфавите.

Известно, что уйгуро-монгольская письменность была уйгурского происхождения, в ту эпоху она объединяла два самостоятельных алфавита, приспособленных для передачи соответствующих диалектов двух разных языков.

Как писал Рашид ад-Дин, хотя монголы «правдивые истории» ханствований своих хаганов периодически записывали на монгольском языке с помощью монгольского письма, они не сводили и не соединяли их вместе последовательно, а хранили по частям в книгохранилище [31]. Судя по этому, монголы в то время уже имели развитой алфавит и писали на нем исторические труды. Отчетливое представление о состоянии уйгуро-монгольской письменности того периода можно составить по так называемому «Чингисову камню» [32], легенде на печати Гуюк-хагана [33], памятнику Монкэ-хагану [34] и другим материалам.

Известный монгольский литератор периода правления Олджэйту-хагана и Хайсан-хагана, Чойджи-Одсэр [35], создал орфографическое руководство «Джурэкэн-у толта» [36], в котором подверг обработке уйгуро-монгольскую письменность. Отныне уйгуро-монгольский алфавит принял самобытные монгольские формы и усовершенствованные правила употребления.

До наших дней дошло очень мало памятников уйгуро-монгольской письменности XIII—XIV вв. Можно упомянуть некоторые из них, относящиеся к эпохе Юань: грамота Олджэйту-хагана [37], «Татарские письма» [38], листы из «Да-юань тун-чжи» («Всеобщие законы Великой династии Юань») [39], перевод «Сяо-цзина» («Книга сыновнего почитания») [40], календарь из турфанских находок [41], надпись на субургане в Шанду [42], документы из турфанских находок [43], надпись князя Аруга [44], монголоязычная часть эпитафии из Каракорума [45], надпись Толог-Тэгуса на скале в Дуньхуане [46], надписи на скале у подножия Богдо-ула [47], эпитафия Чжан Цзинжуя [48], эпитафия Джигунтэя [49] и др.

В период правления Хубилай-хагана был изобретен новый монгольский алфавит, который впоследствии получил название «квадратная письменность» [50].

В 1260 г. Хубилай-хаган поручил Пагба-ламе [51] составить новый алфавит монгольской империи. Работа над ним продолжалась около девяти лет и была закончена в 1269 г. Как сообщают источники, просмотрев его [52] в день желтой коровы 2-й луны 6-го года Чжи-юань (1269), хаган издал указ распространить вновь изобретенный монгольский алфавит по всей империи [53]. В создании квадратной письменности принимали участие и монгольские ученые, но их имена остались неизвестными.

В 1269—1271 гг. квадратную письменность называли «новым монгольским алфавитом» (по-кит. мэн-гу синь-цзы), а с 1271 г.— просто «монгольским алфавитом» (по-кит. мэн-гу цзы) [54].

В источниках содержится много указов, изданных Хубилай-хаганом, относительно квадратной письменности. Вот некоторые выдержки из них.

«Что касается Тун-цзянь ган-му, то пусть чиновники и переводчики из Управления литературы переведут [ее] на монгольский язык на монгольском алфавите и разошлют по постоянным школам для учителей и учеников» [55].

«Пусть для редактирования и составления [надписей на печатях] используют одного из монгольских секретарей, редактирующих легенды на императорских печатях и хорошо знающего монгольский алфавит!» [56].

«Монгольский алфавит будет употребляться в надписях на всех печатях и штемпелях и пай-цзы для проезда по ямским станциям» [57].

«Монгольским секретарям обязательно изучить монгольский алфавит в течение 100 дней» [58].

«С 15-го года Чжи-юань (1278) выбивайте надписи на пай-цзы на государственном алфавите вместо уйгурского!».

«В 18-м году Чжи-юань (1281) аньнаньский князь приказал выбить золотые пай-цзы на государственном алфавите вместо таких же пай-цзы на уйгурском алфавите» [59].

Из этих сообщений выясняется, что в стране проводилось

обучение чиновников квадратному письму. Причем чеканка пай-цзы на новом квадратном письме вместо уйгуро-монгольского продолжалась до 1281 г.

В 1287 г. Хубилай приказал отлить монету по сунскому образцу с легендами на квадратном письме [60].

Принятие квадратного алфавита, по-видимому, увязывалось с политическими целями Хубилая, который намеревался ввести уйгуро-монгольский алфавит не только в Монголии, но и во всей империи Юань и сделать его основным. В то время не было издано никаких указов или приказов о прекращении применения или запрещении уйгуро-монгольской письменности. Отдавались лишь распоряжения о том, чтобы официальные документы, надписи на пай-цзы и легенды на печатях писались не уйгуро-монгольским, а квадратным письмом.

В указах Хубилая 1269 г., в частности, говорилось:

«Отныне применяйте новый алфавит в рассылаемых бумагах с халцедоновой печатью и вместе с тем в каждом случае сверяйте с государственным письмом» [61].

«Монгольское письмо стоит над всеми другими алфавитами!» [62].

«Хотя ныне... процветал и распространялся письменный язык в единой державе Великой династии Юань, но народ на юге и на севере мало воспитывался на нем по причине того, что не пользовался им и не говорил на нем постоянно. Если стараться учить усердно и пунктуально, то можно выучиться ему менее чем за год. Так как дело учебы должно распространяться во всех четырех сторонах, то необходимо обеспечить процветание и распространение священного письма всюду в народе, не ограничиваясь только училищами». Судя по этим сообщениям источников, квадратная письменность была изобретена лишь для употребления ее в качестве династийного алфавита. Из приведенных цитат видно, что распространение квадратного письма в империи встретило трудности: монголы продолжали изучать уйгуро-монгольскую, а китайцы — китайскую грамоту и не прилагали усилий, чтобы выучиться квадратному алфавиту.

До наших дней сохранилось немало памятников квадратного письма. Из них можно упомянуть некоторые фрагменты из хаганских указов 1306—1307 гг., два указа Буянту-хагана, указ вдовы Дармабалы 1321 г., большая и малая надписи из Цзюйюнгуаня, отдельные страницы сутры «Субашид», названия 100 родов, надписи на различных каменных памятниках и др.

После смерти Пагба-ламы (1280) сфера приложения квадратного письма постепенно сужалась. Сложный для изучения и трудный для написания алфавит, составленный для узкого круга на основе противоречащего нормам монгольского языка наречия, на котором говорила часть придворной знати, не распространился сколько-нибудь далеко за пределы дворцов юаньских хаганов и вскоре был забыт.

В эпоху Юань были созданы специальные школы для обучения наиболее грамотных и способных молодых людей из монголов и представителей народов покоренных стран. По данным исторических работ того времени, существовали училища монгольского языка на уйгуро-монгольском и квадратном алфавитах, а также китайского, арабского, тибетского и других иностранных языков и, кроме того, медицинские и астрологические.

Пэн Дая и Сюй Тин в своих записках «Хэй-да ши-люэ» («Краткое описание черных татар») отмечали: «В яньцзинских городских школах учат уйгурскую грамоту. Кроме того, [учащиеся] обучаются переводу с татарского (монгольского.— *Ч. Д.*). Как только они выучиваются переводу с этого языка [на китайский], они назначаются переводчиками». Здесь речь идет о подготовке государственных чиновников, писцов и переводчиков, владеющих уйгуро-монгольским письмом. Причем эта практика продолжалась и позже.

В китайских источниках периода Юань встречается немало данных о монгольских школах. В частности, в главе 31 «Юань-дянь-чжана» им отведены специальные рубрики. Там, где говорится о «монгольских училищах» и «академии сынов отечества» (го-цзы цзянь), в большинстве случаев имеются в виду школы, в которых преподавался монгольский язык на квадратном письме.

В источниках сказано об этих школах:

«В 7-ю осеннюю луну 6-го года Чжи-юань (1269) во всех лу были созданы училища монгольского письма».

«Пагба-лама собирал юношей, владеющих монгольской письменностью, и обучал их [новому алфавиту]»[63].

«В 1-ю весеннюю луну 8-го года Чжи-юань (1271) в столице (т. е. Ханбалгасуне.— *Ч. Д.*) была создана монгольская академия сынов отечества»[64].

«В столице страны было создано государственное училище, где училось много учащихся»[65].

«Освобождайте учащихся, добровольно идущих на учебу в монгольское училище, от налогов и повинностей на всю жизнь»[66].

«В 24-м году Чжи-юань (1288) была создана академия сынов отечества и после разработки правил [поведения учащихся] и назначения чиновников для ведения дел была разделена на три класса для обучения [учеников]»[67].

Как вытекает из этих и других подобных сообщений, в рассматриваемую эпоху придавалось большое значение созданию школ для знати с целью подготовки грамотных людей для использования на государственной службе и обучению детей монгольских хаганов, ноянов и чиновников. Следовательно, дело образования в некотором отношении ставилось под государственный контроль. Во многих школах, о которых шла речь в

упомянутых источниках, преподавалось государственное письмо — квадратный алфавит.

В «Юань дянь-чжан» сказано: «Пусть создают школы, выделяют учителей и учат в соответствии с законом, по которому раньше у князей и в подчиненных им монгольских тысячах были созданы школы с уйгурскими учителями». Это, по-видимому, относится к школам, где преподавалось уйгуро-монгольское письмо. В эпоху Юань в число подобных училищ включались и школы монгольского языка на уйгуро-монгольском алфавите, арабского, уйгурского, китайского и тибетского языков.

В «Юань ши» мы читаем:

«В 5-ю луну 2-го года Чжун-тун (1261) Хубилай-хаган создал медицинские училища» [68].

«В 6-ю луну 28-го года Чжи-юань (1292) Хубилай-хаган создал во всех лу астрологические училища» [69]. На основании этих сообщений можно заключить, что в рассматриваемую эпоху велась подготовка кадров лекарей и астрологов для составления календарей.

Лица, обучавшиеся в училищах, о которых мы говорили выше, почти целиком были представителями интеллигентской прослойки господствующего класса и стояли на страже интересов класса монгольских феодалов.

3. ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА

С древнейших времен у монголов накапливались богатые традиции исторических знаний. Среди всех кочевых племен монголы выделялись обычаем передавать из поколения в поколение предания о своих предках. Естественно, это было связано с кочевым образом жизни. Рашид ад-Дин писал: «Обычай монголов таков, что они хранят родословие [своих] предков и учат и наставляют в [знании] родословия (насаб) каждого появившегося на свет ребенка... По этой причине среди них нет ни одного человека, который бы не знал своего племени (кабӣлэ) и происхождения. Ни у одного из других племен, исключая монголов, нет этого обычая, разве только у арабов, которые [тоже] хранят [в памяти] свое происхождение» [70].

Факт написания «Тайной истории монголов» свидетельствует о высоком уровне исторических знаний у монголов XIII в. Эта книга, составленная в 1240 г.[71] неизвестным историком, жившим в местности Долоан болдаг на р. Керулен, представляет собой сочинение, удивительно ярко демонстрирующее исторические и литературные традиции монголов. Издание «Тайной истории монголов» в XIII в. явилось крупным вкладом в развитие исторической науки в стране.

Как пишет академик Ш. Бира, «Тайная история является ценным документом своего времени, в котором ярко и поэтично

рассказывается главным образом об исторических событиях периода основания первого государства монгольской народности и состоянии монгольского общества того времени»[72]. Б. Я. Владимирцов отмечал: «Сокровенное сказание („Тайная история“.— *Ч. Д.*) повествует нам о роде, из которого вышел Чингисхан, и рисует широко и вольно картины степной жизни, доставляя обильнейший материал для суждения о разных сторонах монгольской жизни XII—XIII вв.».

Со времени создания «Тайной истории монголов» в Монголии систематически стали фиксироваться исторические события, что дало толчок дальнейшему развитию исторической науки. В XIII—XIV вв. значительно расширился круг тем историографии. Великие ханы монгольской династии Юань, управляющие Китаем и другими покоренными странами, разумеется, всячески покровительствовали прославлению завоеваний и деяний ноянов в периоды их ханствования. В это время появилось много образованных монгольских литераторов, которые занимались разработкой истории своей страны.

Вместе с тем к работе по составлению исторических трудов о Монголии они привлекали китайских ученых. Таким образом Ханбалгасун становился главным центром создания трудов по истории Монголии и другим прилегающим темам. Монгольские ханы, находившиеся в Иране, также проявляли заботу о написании истории монголов. Иными словами, двор монгольских ханов в Иране стал вторым центром создания истории монголов. До нашего времени дошли записки по истории монголов, сочиненные на Руси и в Армении. В частности, особое место занимают многочисленные источники по истории монголов на армянском языке.

Как правило, историки и литераторы того времени в своих трудах по истории монголов защищали интересы монгольских ханов и ноянов. Тем не менее известно немало талантливых сочинений, в основу которых положены подлинные документы[73].

В Пекине специально была учреждена Академия литературы для составления истории империи. В академии подвизались специалисты-историки из монголов, китайцев, персов, тибетцев и представителей других народов.

Многочисленные труды, написанные в эпоху Юань, создавались под руководством и при участии монгольских литераторов. Во вводной главе уже упоминалось о составлении кроме «Тайной истории монголов» таких памятников, как «Великая яса», «Гошу тобчиян» («Книга истории государства — Тобчиян»), «Чаган тэукэ» («Белая история»), «Алтан дэбтэр», «Юань дянь-чжан» («Установления династии Юань»), «Тун-чжи тяо-гэ» («Кодифицированные правила из Всеобщих законов»), «Го-чао-цзин-ши да-дянь» («Великие установления по управлению миром ханствующей династии»), «Шэн-у цинь-чжэн лу» («Описание личных походов священно-воинственного [Чингисхана]»), «Пин Цзинь

бэнь-мо» («История усмирения Цзинь от начала и до конца») и др.

Указанные исторические труды монгольские ученые создавали самостоятельно или совместно с учеными Китая и других стран. В XIII—XIV вв. жили такие известные монгольские историки и литераторы, знавшие китайский, тибетский и другие иностранные языки, как Тогто, Чаган, Ариун, сын Харахасуна — Тогон, Эл-Тэмур, Бул-Тэмур, Сая, Дорой, Худа, Алин-Тэмур и др. В частности, Тогто, Чаган и Ариун превосходно писали на китайском языке; Чойджи-одсэр был знатоком многих восточных языков; Алин-Тэмур и Бул-Тэмур отлично владели тибетским и уйгурским языками.

Чтение некоторых работ, написанных ими полностью или под их руководством, показывает, что помимо методики исторического исследования они обладали обширной эрудицией в области истории. Например, если рассмотреть «Шэн-у цинь-чжэн лу», написанную историком Чаганом, с точки зрения стиля, композиции и содержания, то в ней зафиксированы политические события, связанные с именами монгольских хаганов того времени, в строгой хронологической последовательности. Иностранные ученые считают, что эта книга была переведена с монгольского на китайский во второй половине XIII в.[74].

На монгольскую историографию того времени значительное влияние оказал буддизм. В частности, это видно из содержания «Чаган тэукэ»[75], которая, как уже отмечалось, была написана в начале XIV в. В этом памятнике права имеется много сведений по истории монголов XIV в., а выраженные в нем идеи заимствованы из тибетской литературы. В 1278 г. «имперский наставник» (го-ши) Пагба-лама по заказу сына Хубилая тайджи Джингима написал сочинение «Ше-джа-рабсал» («Очень ясные понятия»). В этой работе Пагба-лама впервые поставил монгольских хаганов в один ряд с индийскими царями, чакравартинами, т. е. «великими царями, вращающими колесо веры», провозгласил их великими хаганами-чакравартинами. Он положил начало схеме, согласно которой всемирная история представлялась как история трех «царств веры» — Индии, Тибета и Монголии. Автор «Чаган тэукэ» следует этой общей схеме Пагба-ламы[76]. После изложения точки зрения буддийской космологии о возникновении всего неорганического и органического мира дается краткая история трех «царств веры».

В XIII—XIV вв. монгольские авторы создавали книги совместно с китайскими, персидскими, тибетскими и другими учеными[77]. Например, под руководством старшего чиновника Академии литературы ученого Тогто в 1343—1345 гг. были составлены «Цзинь ши», «Ляо ши» и «Сун ши» с помощью и при участии многих китайских ученых[78]. Эти три труда написаны по образцу китайских династийных историй.

Персидский историк Ата Малик Джувейни, работая над кни-

гой «История покорителя мира» в 1253 г. в Каракоруме, воспользовался материалом, собранным с помощью монгольских ученых. В начале XIV в. персидский историк Рашид ад-Дин (1247—1318) писал свой «Сборник летописей» с участием шести монгольских ученых.

Составлялись географические карты. В 1320 г. Чжу Сыбэнь, китаец по происхождению, изготовил карту империи Юань (она была опубликована в Пекине в 1938 г.).

В XIII—XIV вв. продолжали развиваться литература и фольклор монголов. Как и раньше, появлялись новые улигэры, сказания, поэмы, пословицы и загадки — произведения устного народного творчества. В XIV в. большую популярность приобрела среди монголов короткая устная поэма. Она отличалась четкостью содержания, немногословием и легко запоминалась. Ей посвящены страницы в «Тайной истории монголов», «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина, «Истории покорителя мира» Джувейни и в других источниках. Наилучшие образцы древнемонгольских устных поэм разных форм записаны неизвестным автором во многих стихотворных пассажах «Тайной истории монголов». Кроме устной поэмы широкое распространение среди древних монголов получили улигэры и сказания. В большинстве случаев сказания носят исторический характер. Они сохранились до наших дней в письменных источниках или устной традиции.

На основе богатой устной традиции у монголов сложилась художественная литература. В настоящее время монгольскими и иностранными учеными достаточно изучено замечательное произведение монгольской литературы XIII в. «Тайная история монголов». Известны и другие выдающиеся произведения XIII—XIV вв., например «Сказание о хурчи Арслане», «Повесть о мальчике-сироте», «Сказание о двух скакунах», «Золотоордынская берестяная грамота» и т. д. Среди них особо выделяются своим содержанием «Повесть о мальчике-сироте», «Сказание о двух скакунах» и «Золотоордынская берестяная грамота», в которых создан художественный образ простого арата-харачу.

Эти сочинения отмечают демократическое направление в монгольской литературе XIII—XIV вв.[79]. В «Повести о мальчике-сироте» главный герой поэмы выходит победителем в споре со знаменитыми урлюками Чингисхана. Судьба матери и сына, о которых повествуется в «Золотоордынской берестяной грамоте», показывает, какие страдания выпали на долю аратов в результате захватнических войн монгольских завоевателей. Так в средневековой монгольской литературе появились социальные мотивы, которые отразили антагонизм двух классов — феодалов и аратов[80]. Зарождение двух направлений явилось крупным событием в истории монгольской литературы.

Выдающаяся роль в истории монгольской литературы XIV в. принадлежит талантливому поэту и крупному филологу Чойджи-

Одсэру, который перевел на монгольский язык целый ряд древних индийских сочинений. Из его оригинальных работ и переводов сохранились «Бодхичарьяватара»[81], «Панчаракша»[82] и др. Хотя в произведениях Чойджи-Одсэра сказывается сильное влияние буддизма, они входят в число редких памятников монгольской поэзии и монгольского языка XIV в.

Художественные, исторические и философские произведения и теологическая литература в большом количестве переводились на монгольский с санскрита, китайского, тибетского, персидского и других языков. Это оказало весьма благотворное влияние на развитие монгольской литературы. Знаменитый индийский сборник «Панчатантра» («Рассказы о Калиле и Димне») частично был переведен с персидского на монгольский персидским ученым Ифтихаром Эддин Мухамедом еще в середине XIII в.[83]. Этот ученый был приглашен в Каракорум Огодэй-хаганом в качестве учителя старшего сына Толуя Монкэ. Он давал читать своему ученику переведенные им на монгольский рассказы из «Панчатантры».

На монгольский были переведены многие китайские труды. Здесь можно упомянуть «Цзы-чжи тун-цзянь» («Всеобщее зерцало, помогающее управлению»)[84], «Сяо-цзин» («Книга о сыновнем почтении»)[85], «Да-сюэ» («Великое учение»)[86] и др. Видному монгольскому ученому Бул-Тэмуру принадлежит немало переводов этих трудов. В частности, «Сяо-цзин», возможно, была переведена этим ученым в 1307 г. В тот период создавались специальные училища, называвшиеся мусульманскими, где монголам преподавали арабский язык. Кроме того, особо готовились переводчики китайского, тибетского и санскритского языков. Наличие подготовленных переводчиков давало возможность переводить иностранные книги и другие материалы.

Под влиянием буддизма на монгольский язык была переведена с тибетского и санскрита монгольскими учеными большая буддийская литература. Немного ее образцов дошло до наших дней. Из них ныне найдены знаменитое произведение буддийской философии «Бодхичарьяватара», «Панчаракша» в переводе с санскрита Чойджи-Одсэра, «Сутра золотого блеска»[87] в переводе с тибетского Шераб-сэнгэ и «Сутра о Большой Медведице»[88] в переводе 1330 г. с уйгурского Алин-Тэмура, а также известное поэтическое произведение Сакья-пандиты Гунгалжалцана «Субхашитаратнанидхи»[89] в переводе с тибетского Сономгары и др.

Переводы из индийской литературы, получившие распространение среди монголов в XIII—XIV вв., оставили заметный след в монгольской литературе того времени. В идейном отношении влияние буддизма на литературное творчество монголов оказалось преобладающим, что касается формы, то здесь предпочтение было отдано тибетским и индийским литературным тенденциям. В частности, в то время в чисто монгольской фольклорной

традиции наступил застой, и произведения устного народного творчества монголов по форме в какой-то мере начали смешиваться с литературными памятниками других стран.

В ту эпоху было написано значительное число прозаических и поэтических произведений по индо-тибетским литературным и поэтическим канонам. Например, Чойджи-Одсэр создал «12 деяний Будды» в форме джатаки древнеиндийских писателей. Его «Ода Махагали» написана в соответствии с традицией индийской поэзии воспевания подвигов различных героев и богов. Некоторые произведения, переведенные на тибетский язык с санскритского при активном участии сакья-пандитов Гунга-джалцана и Пагба-ламы, которые были духовными наставниками монгольских хаганов, распространялись среди монголов в устной или письменной форме и в дальнейшем оказали влияние на развитие монгольской литературы, особенно поэзии [90].

Песенное творчество и музыка получили широкое развитие у монголов. Монгольские песни и мелодии распространялись и в других странах. Источники того времени отмечают, что Хубилай-хаган всегда путешествовал в сопровождении певцов, музыкантов и танцоров. В пров. Юньнань до сих пор работает группа музыкальной самодеятельности, придерживающаяся традиции монголов эпохи Юань [91].

Ученый КНР Чжоу Илянь пишет о влиянии монгольской культуры XIII—XIV вв. на Китай: «Помимо различных видов пищи и питья, предметов утвари, а также музыкальных инструментов, проникших в повседневную жизнь, культуру и искусство Китая из Монголии, очевидно влияние соответствующих монгольских форм на узоры в одежде китайцев» [92].

В Китае много исторических памятников, созданных монголами или с их участием. Например, можно упомянуть субурганы и буддийские храмы в Пекине и других городах, фрески в пещерах около Ханчжоу, выбитые лично монгольским нояном Тогус-Тэмуром или выполненные по его приказу, некоторые из турфанских письменных памятников, стела в Юньнани, отдельные надписи на дуньхуанских скалах, большая и малая надписи на воротах Цзюйюнгуаня и многие другие.

Однако до сих пор надписи не опубликованы, не проведено исследование, в котором бы определялась их действительная ценность. Более того, к великому сожалению, разрушена значительная часть этих исторических памятников. В период так называемой культурной революции была стерта большая часть надписей, высеченных Тогус-Тэмуром в пещерах Ханчжоу. Хунвэйбинами уничтожены скульптура лежащего Будды, созданная по повелению Тэмур-хагана, скульптурные изображения монгольских героев около гробницы Елюй Чуцая, некоторые юньнаньские надписи, высеченные на камне, и многие другие монгольские памятники XIII—XIV вв. Таким образом, вследствие перемещения политического центра Монголии в чужую страну в

связи с созданием империи Юань много талантливых монгольских ученых, художников, литераторов рассеялись по покоренным странам. Развитие культуры в самой стране пошло на убыль, особенно из-за частых внешних войн. Монгольские завоеватели приносили очень мало из культуры развитых стран, попусту растрачивали материальные и духовные ценности культуры своего народа.

Правы авторы первого тома «Истории МНР», которые делают вывод, что монгольские завоеватели XIII—XIV вв., захватившие много чужих стран военной силой, в конечном счете были покорены силой древних культур этих стран.

4. РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ

В XIII—XIV вв. в Монголию проникли буддизм, ислам, даосизм и христианство. Хубилай-хаган посылал письма Папе Римскому с просьбой направить к нему сотни католических монахов из далеких краев Запада. Прежде всего он намеревался использовать этих католиков на государственной службе, чтобы укрепить свое господство в Китае. Кроме того, ему нужны были знания в области западной техники, которыми обладали европейские монахи.

Европейские католические монахи приезжали в империю Юань и по приказу Хубилая участвовали вместе с астрологами из буддийских стран в составлении календарей и определении положений небесных тел. В 1289 г. в Ханбалгасуне по приказу Хубилая был выстроен первый католический храм для европейцев, большинство которых были католиками. Распространение христианства в Монголии началось гораздо раньше. В частности, исторические источники сообщают, что найманы, кэрэиты и онгуты были христианами. Но, надо сказать, европейская религия не добилась какого-либо влияния в Монголии.

Хотя в ту эпоху многие мусульмане пользовались доверием монгольских хаганов, находились у них на службе и даже обладали большой властью, их религия ислам не проникла глубоко в народные массы Монголии. Монгольские хаганы династии Юань в основном использовали приверженцев ислама в административной системе Китая.

Монгольские хаганы не запрещали конфуцианство и даосизм, широко распространенные в Китае, а поддерживали их наравне с другими религиями. Однако при этом они проводили весьма тонкую политику. Прежде всего они ставили перед собой задачу переманить на свою сторону влиятельных конфуцианских ученых и даосских монахов, пользовавшихся известностью в Китае. С этой целью они освобождали даосских монахов от налогов и повинностей и устраивали пышные жертвоприношения в конфуцианских храмах. Одновременно они стреми-

лись предотвратить распространение влияния учения Конфуция и даосизма в собственно Монголии. В целом монгольские хаганы ни конфуцианство, ни даосизм не сделали главной религией империи. В качестве таковой они приняли тибетский буддизм, что, по-видимому, было отражением политики, направленной против синификации.

Утверждение монгольскими хаганами буддизма в качестве главной религии империи, с одной стороны, объяснялось их опасением растворения монголов в китайской этнической среде, с другой — диктовалось политикой, направленной на объединение для удобства управления с помощью одной религии разноязычных народов и племен империи неодинакового вероисповедания, стоящих на различных ступенях культурного развития. Хубилай в 1260 г. тотчас же после вступления на трон возвел тибетского Пагба-ламу [93] в сан имперского учителя веры и решил сделать буддизм главной религией. Хаган, хатун и приближенные нояны приняли обет посвящения и первыми обратились в буддизм. В так называемом Жемчужном указе [94], написанном Хубилаем в 1264 г. в Шанду, четко изложена политика хагана в отношении буддизма.

В этой грамоте объявляется, что Пагба-лама возводится в сан главы буддистов всей империи с преподнесением ему печати императорского учителя веры. В цитированном выше «Жемчужном указе» Хубилай-хагана, в частности, сказано: «Если буддийские монахи соблюдают правила своей религии и послушно подчиняются великому хагану Монголии, то они полностью освобождаются от ямской службы, налогов и повинностей. Строго запрещается ставить послов на постой в буддийских храмах и монастырях, захватывать их земли, воды и имущество». Из этого и других хаганских указов видно, что буддийская религия ставилась в особое положение. Пагба-лама, проживший многие годы при дворе Хубилая, активно насаждал буддизм среди монгольской знати и прилагал много усилий для того, чтобы превратить его в главное орудие защиты интересов монгольских завоевателей. Пагба-лама, всемерно превознося власть монголов в империи средствами теологии и приравнивая монгольских хаганов во главе с Чингисом к индийским и тибетским царям, объявлял их «великими хаганами-чакравартинами» [95].

Бесчисленное количество посланий и сочинений, написанных Пагба-ламой ради распространения буддизма, особенно в Монголии, сохраняется в собрании его сочинений. Как сообщается в одном из его трудов, вошедших в собрание сочинений, Пагба-лама однажды на аудиенции у Хубилая посоветовал ему: «Если Вам нужно использовать людей на службе, то выбирайте их сами. Вообще нужно привлекать как желтых (монахов.— *Ч. Д.*), так и черных (мирян.— *Ч. Д.*) наравне с воинами и народом». Так Пагба-лама сыграл важную роль в формировании политики «двух принципов — принципов государства и религии»

(тор ба шашин ном-ун хойар йосун), т. е. сочетания государственного и религиозного принципов в управлении империей в период властвования Хубилай-хагана.

Монгольские хаганы издавали суровые законы и правила в защиту прав буддийского духовенства. Например, одним из указов Хубилай-хагана устанавливался жестокий закон, по которому тому, кто подымет руку на ламу или послушника, отрубалась рука, а тому, кто словесно оскорбит их, вырывался язык; законодательно утверждалась неприкосновенность лам и закреплялись за ними права дарханства.

Последующие хаганы, продолжая политику Хубилай-хагана по отношению к культам и религиям, неоднократно приглашали в столицу империи иерархов монастыря Сакья [96], оказывали им всяческую поддержку, почитали их, как святых. Такая политика находила выражение в издававшихся ими указах, посвященных буддийской религии.

Монгольские хаганы поддерживали широкие связи не только с монастырем Сакья, но и с другими влиятельными тибетскими монастырями. Они приглашали ко двору монахов буддийской секты Кармапа, которая находилась в монастыре Цурпу. Во времена Монкэ-хагана Чойджин-лама (1202—1283), известный в литературе как «учитель Кармапа», приглашался ко двору и почитался наравне с Пагба-ламой. Иерарх секты Кармапа Рорлийдордже (1339—1383) был приглашен ко двору при Тогон-Тэмур-хагане и стал одним из наиболее влиятельных лам.

Монгольские хаганы установили также тесные отношения с монастырем Гунтхан, расположенным в области Цзан. В XIII—XIV вв. монастырь Гунтхан пользовался большим влиянием среди тибетских монастырей и боролся за главенство над всеми монастырями Тибета. Ламы из монастыря Гунтхан нередко исполняли обязанности правителя области Цзан [97]. Монгольские хаганы проводили активную политику, направленную на то, чтобы, используя влияние этого монастыря, подчинить себе весь Тибет. Хубилай-хаган, постоянно приглашавший ко двору монахов из монастыря Гунтхан, величал их святыми и назначал правителями области [98]. В то же время в среде своих монгольских лам были и такие, как Чойджи-Одсэр, знаток религиозных буддийских наук, переводчик, иконописец и автор буддийских сочинений. Чойджи-Одсэр получил сан пандиты за выдающиеся знания в области буддийского учения [99].

Хубилай и другие монгольские хаганы уделяли большое внимание строительству новых и ремонту и восстановлению старых буддийских монастырей в столице, Ланьчжоу и других городах и сельских районах. При них осуществлялись многие переводы буддийских сутр на монгольский язык и публикации их. По данным 1291 г., в империи Юань насчитывалось 42 тыс. 318 различных религиозных храмов и 213 148 священнослужителей [100].

В конце эпохи Юань политика монгольских хаганов, поста-

вивших буддизм в особо привилегированное положение, вызвала недовольство. Борьба тибетского народа против иерархов монастыря Сакья и других, под прикрытием религии вступивших в сговор с монгольскими хаганами, фактически была направлена против завоевателей. Боясь возмущения населения, правители в конечном счете были вынуждены ограничить число лам, приезжающих из Тибета. После падения династии Юань влияние буддизма в Монголии свелось к минимуму.

Буддизм в Монголии пользовался влиянием только в среде господствующего класса, широкие массы кочевников по-прежнему оставались шаманистами [101]. Перед нами стоит трудная задача — хотя бы вкратце осветить вопрос о шаманизме, который до сих пор изучен недостаточно.

В XIII—XIV вв. в Монголии особенно много шаманов и шаманок собиралось в тех случаях, когда монголам надо было принести жертвы предкам [102], духам обо [103] или огню [104] (последнее жертвоприношение называлось «Йэсугэй эджэн-у чахигсан гал голумту тахи» — «принести жертву очагу-огню, зажженному владыкой Есугэем»). Кроме того, шаманы совершали камлание, читали заклинание и обращались к духам при совершении обрядов вызывания духов тороки [105], разгадывания снов [106], вызывания духов (сулдэ дагуда) [107], избавления от стихийных бедствий [108] и др. В период существования единого монгольского государства появились специальные пункты для шаманских жертвоприношений, которые назывались ситуэн [109]. Судя по сообщению «Тайной истории монголов» о том, что при возведении Тэмуджина в хаганы некий Хорчи помогал ему волшебством, последний, по-видимому, в то время был шаманом [110]. В «Тайной истории монголов» содержатся сведения о том, что Чингисхан, как и все его соплеменники, был истым шаманистом. Перед военным походом он взбирался на гору Бурхан-халдун, развязывал пояс и вешал его на шею. Шепча заклинание, он становился на колени и начинал молиться [111]. Но когда был не в духе, Чингис не боялся никаких грозных шаманов и сажал их в особую юрту в наказание [112].

Следовательно, в XIII в. монгольские завоеватели во главе с Чингисом и другими хаганами не желали подчинять свою волю какой бы то ни было религии, они усиленно навязывали ее другим. В тот период Бурхан-халдун была такой же шаманской священной горой-заповедником, какой Даян дээрх до революции 1921 г.[113]. В «Тайной истории монголов» сообщается о шамане Кокочу — сыне Монглик-эчигэ из племени хонхотан [114]. Кокочу называет себя небожителем на земле. Войдя в доверие к Чингису, он поссорил его с Хасаром и вызвал трения между ними. В конце концов он был убит младшим братом Чингиса Отчигином и «вознесся на небо» [115].

В параграфе 272 «Тайной истории монголов» мы находим другие материалы, свидетельствующие о сильном влиянии ша-

манизма в Монголии. В источниках передается следующий случай. Когда больному Огодэй-хагану сделалось совсем плохо, у него отнялись ноги и язык, пришедшие шаманы и гадальщики совершили камлание; как и было предсказано ими, хаган выздоровел только после того, как младший сын Чингиса Толуй «отдал жизнь за старшего брата»[116].

Рашид ад-Дин писал, что из всех монгольских племен больше всего шаманов было у лесных урянхайцев и баргутов[117]. В «Юань ши» отмечается, что на великих жертвоприношениях, посвященных предкам, монголы брызгали кумысом и молоком во все стороны и вызывали шаманов для камлания[118].

В работе В. Рубрука с подробностями рассказывается о шаманстве у монголов в период существования единого монгольского государства, в частности в ханствование Монкэ. В путевых записках Марко Поло отмечается, что монголы приносили жертвы шаманским духам-гениям[119]. К. Д'Оссон писал, что у монголов большинство толкователей снов, гадальщиков, лекарей были шаманами и шаманками[120].

В некоторых преданиях XIII—XIV вв. о шаманах и шаманках встречаются редкие сведения о том, что они вели борьбу с буддизмом и даосизмом. Например, имеется следующий рассказ шаманов. Когда во времена существования империи Чингиса прошли слухи о том, что будет распространяться в Монголии буддийская (иные говорят, даосская) вера, собрались знаменитые прорицатели и прозорливые шаманы и шаманки и в течение девяти дней подряд совершали камлание, отправляя вредоносных духов для борьбы с буддистами и даосами. В конце концов шаманы победили буддийскую и даосскую веры и в знак победы стали пришивать на шапки изображение человека[121].

Среди баргутских, урянхайских и дархатских шаманов имеет хождение предание о том, что Гунанулан-батор во времена Чингиса вел борьбу с буддистами и даосами. Его называют замечательным храбрецом, оказывавшим покровительство шаманам и шаманкам[122]. Судя по всему, шаманизм в Монголии не только держал в своих путах все население, но и противостоял влиянию в стране таких религий, как даосизм и буддизм.

Несмотря на то что в эпоху Юань шаманизм не выполнял роли главной религии в монгольской империи и государственной религией был буддизм, он оставался господствующим религиозным верованием населения на коренной монгольской территории. Хубилай и другие монгольские хаганы, преследуя завоевательные цели, предпочитали внедрять буддизм в империи. В то же время сами они не стремились освободиться от влияния шаманизма и сохраняли глубокую веру в шаманов.

В «Юань ши» отмечены некоторые шаманские жертвоприношения, в которых монгольские хаганы принимали личное участие. Так, при жертвоприношениях в Храме предков (Тай-мяо), которые устраивались четыре раза в год с участием хаганов,

появлялись монгольские шаманы и шаманки и совершали камлание, вызывая святых духов предков [123].

Во время ежегодных великих жертвоприношений хаганов, которые устраивались в Шанду 24-го дня 6-й луны, собирались шаманы и шаманки и совершали камлание [124]. На ежегодные жертвоприношения в Храме возжигания пищи (Шао-фань-юань) в 9-ю луну или после 26-го дня 12-й луны, когда приносились в жертву одна лошадь, три овцы, кумыс, молочная водка, монеты, шелковые и хлопчатобумажные ткани, собирались многочисленные шаманы и шаманки и совершали камлание, вызывая духов на «государственном», т. е. монгольском, языке [125]. Кроме того, монгольские хаганы и нояны на 49-й день после похорон покойников отправлялись на место погребения и приносили там жертвы духам, непременно приглашая шаманов для камлания.

В эпоху Юань влияние буддизма заметно усилилось и ламы пользовались значительно бóльшим влиянием в государственных делах, чем шаманы. Поэтому борьба между ними обострилась.

Хотя Хубилай-хаган сделал буддизм главной религией империи, он не принимал решения о распространении буддизма на исконно монгольской территории и запрещении шаманизма.

Если в XVII в. монгольский Алтан-хан и тибетский далай-лама Содномджамцо заключили между собой договор о распространении буддизма и запрещении шаманизма в Монголии, то между Хубилай-хаганом и Пагба-ламой существовало соглашение лишь о распространении буддизма и ни о каких мерах, направленных на запрещение шаманизма, не велось речи.

В связи со значительным проникновением буддизма в Монголию в XIII—XIV вв. в шаманских обрядах появились новые элементы и шаманский реквизит стал более утонченным по сравнению с предыдущей эпохой [126]. Если раньше идолы духов-онгонов вытесывались из камня и дерева, то в период существования империи применялись серебряные и железные онгоны [127].

Классовые отношения в монгольском обществе получили наиболее четкое отражение в шаманизме. Шаманы и шаманки непосредственно служили интересам хаганов и ноянов, оглупляя массы и помогая господствующему классу эксплуатировать безропотных аратов. Например, совершая камлания у хаганов и ноянов, шаманы и шаманки произносили заклинания:

«Пусть у вас скота будет больше, чем звезд на небе, владыка мой!

Обзаведитесь имуществом-богатством больше, чем вечность, владыка!

Пусть природное тело ваше вечно пребывает в наслаждениях, владыка!

Обзаведитесь милосердным сыном, который будет владеть державой, владыка!»[128].

А вот шаман обращается к простолюдину-харачу:

«Обзаведись ты многочисленным табуном, который заполнит все берега озера на водопое.

Обзаведись ты потомком-сыном, который последует за владыкой-нояном.

Обзаведись ты многочисленным стадом овец, которое заполнит всю поляну в лесу.

Обзаведись ты дочерьми и сыновьями, которые послушно подчинятся власти и закону!».

После изгнания Тогон-Тэмур-хагана из Китая и возрождения монгольского государства на его исконной территории (1368—1577) влияние буддизма в Монголии частично сократилось и шаманизм снова занял господствующее положение. Но вскоре, во второй половине XVI в., началось интенсивное распространение желтой веры в стране и наметился конец господству шаманизма в Монголии.

Д. Банзаров в специальной работе «Черная вера, или шаманство у монголов» детально исследовал вопросы, относящиеся к падению шаманизма и распространению желтой религии в Монголии.

Недостаточно объяснять причину быстрой победы желтой религии над шаманизмом только насильственным внедрением первой. Повседневная практика богослужений и величавое убранство самих храмов у буддистов были более совершенными, чем простая обстановка камланий у шаманов. Ламы, проповедуя отказ от кровопролития, кротость и смирение, легко завоевали сердца монголов, испытавших бедствия и страдания многолетних феодальных войн[129].

Шаманизм с его дикими и грубыми обрядами, владевший душами монголов с незапамятных времен, теснимый буддизмом, окончательно пришел в упадок во второй половине XVI в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате народной революции в Монголии история, так же как и другие науки, переживает период стремительного подъема.

В частности, монгольские ученые в творческом содружестве с советскими коллегами создали однотомник «История Монгольской Народной Республики». Недавний выход в свет трехтомной «Истории Монгольской Народной Республики» является также одним из крупных успехов монгольских историков, достигнутых за последние годы.

В этих работах с марксистско-ленинских позиций по-новому освещается ряд важнейших проблем, охватывающих все периоды истории монголов, в том числе Юаньской империи. Но само собой разумеется, что многие вопросы по истории монголов все еще ждут своего детального исследования. Одним из них является история монголов XIII—XIV вв., которая, в свою очередь, представляет большой интерес и для изучения монголо-китайских отношений.

Во введении к настоящей книге подробно рассказывается об источниках, особенно китайских, и основной литературе по Монголии, связанных с историей монголов того времени.

Как отмечает автор, внимательное исследование китайских источников, сохранившихся до нашего времени, дает богатый материал для изучения истории монголов.

Автор подчеркивает также необходимость критического подхода к китайским источникам и отмечает большой вклад теоретических работ советских ученых в области истории монголов в XIII — XIV вв.

Следует отметить, что некоторые авторы недостаточно критически подходили к китайским источникам. При пользовании многочисленными китайскими материалами и источниками следует сличать их с монгольскими. В этом отношении монгольские и советские ученые достигли значительных успехов. Среди наиболее фундаментальных можно назвать работы Б. Я. Владимирцова, С. Д. Дылыкова, Н. Ц. Мункуева и других.

Как подчеркивается в книге, основным китайским источником является «Юань ши» (История [династии] Юань).

При династии Мин китайские историки под руководством Сун Ляня (1310—1381) и Ван Вэя (1321—1372) в течение

331 дня составили историю монголов за 165 лет, основываясь на различных материалах, собранных монголами в период династии Юань.

Этот всеобъемлющий труд представляет собой обширный материал для изучения политики монгольского государства, экономики, культуры и жизни монгольского народа того времени.

В «Юань ши» можно встретить места, где авторы фальсифицировали историю монголов с точки зрения националистических концепций, заменили историю народа историей императоров и допустили ошибки в употреблении некоторых слов, словосочетаний и монгольских терминов. Последнее произошло, конечно, по той причине, что авторы не знали монгольского языка. Однако все это ни в коей мере не умаляет значения обширных материалов, собранных в «Юань ши».

Интересно, что в некоторых частях «Юань ши» фразы написаны по образцу монгольских предложений. Этого не видно в других китайских источниках. То же самое было замечено и известным японским монголистом Ивамурой Синобу, занимающимся в течение многих лет исследованием «Юань ши».

Несмотря на то что во многих странах мира сравнительно давно началось исследование «Юань ши», до сих пор, кроме МНР, нигде нет полного перевода этого фундаментального труда.

Высказывалось предположение о том, что «Юань ши» была переведена на монгольский язык уже во времена династии Мин. По-видимому, нет оснований утверждать, что монгольское государство, которое в течение 260 лет жило по соседству с династией Мин, не интересовалось и не изучало «Юань ши». Но до сих пор не найден ее перевод, который, возможно, существовал.

В 1-м году правления императора Шунь-чжи (1644—1661) династии Цин был сделан сокращенный перевод «Юань ши» на маньчжурский и монгольский языки, который был напечатан ксилографическим способом в 600 экземплярах. Согласно известным нам сообщениям, эти два перевода являются первыми переводами «Юань ши» на иностранный язык. С тех пор на монгольский язык переводились отдельные главы «Юань ши».

Работа над переводом «Юань ши» в Европе началась только с XIX в. Более ста лет тому назад известный русский синолог Н. Я. Бичурин перевел первые четыре главы «Юань ши» с китайского языка на русский. Этим он открыл доступ к изучению «Юань ши» в Европе.

Уже в середине XX в. главы 93, 94, 102, 107 и 108-я «Юань ши» были переведены на французский и английский языки. Из них Л. Анби перевел три главы на французский.

Монгольский ученый Чимид-ун Дэмчигдорджи (1863—1932) впервые перевел «Юань ши» полностью в 210 главах на монгольский язык.

Он начал свой перевод «Юань ши» в 1917 г. и закончил в 1928 г. В 1920—1923 гг. он временно прекратил работу над переводом и отдался писательской деятельности. Следовательно, он один перевел «Юань ши» всего за семь или восемь лет.

Кроме «Юань ши» имеется ряд других ценных китайских источников (нам известно более 200 трудов), например «Чан-чунь чжэнь-жэнь си-ю цзи» («Записка о путешествии на Запад праведника Чан-чуня»), «Бэй-ши цзи» («Записка о посольстве на Север»), «Мэн-да бэй-лу» («Полное описание монголо-татар»), «Хэй-да ши-люэ» («Краткое описание черных татар»), «Го-чао вэнь-лэй» («Образцы сочинений правящей династии»), «Юань дянь-чжан» («Установления династии Юань»), «Тунчжи тяо-гэ» («Кодифицированные правила из „Всеобщих законов“»), «Му-ань цзи» («Собрание сочинений Му-аня»), «Цю-цзянь сянь-шэн да-цюань вэнь-цзи» («Полное собрание сочинений господина Цю-цзяня»), «Нань-цунь чжо-гэн лу» («Записи, сделанные во время перерыва в пахоте в южной деревне») и др.

Буржуазные монголисты, ранее исследовавшие эти периоды истории монголов, смешивали монгольские и китайские исторические события или больше останавливались на истории Китая. Некоторые из них, хотя и делали попытку написать историю монголов, к сожалению, сосредоточивали все внимание на жизни и деятельности монгольских ханов, ноянов и их завоеваниях. Таким образом, никто из них по-настоящему не исследовал историю монгольского народа.

Китайские феодальные историки рассматривали монгольскую династию Юань как одну из китайских императорских династий и историю Юаньской империи как историю Китая, игнорируя тот очевидный факт, что в ту эпоху династия Юань представляла монгольское государство и что сам Китай, лишенный своей государственности, входил в состав монгольской империи. Даже 65-летняя история монгольского государства от Чингисхана до Хубилая, по их мнению, также является частью китайской истории, что представляет собой явную фальсификацию исторических фактов. Этой же точки зрения придерживались китайские ученые минского, цинского и других периодов, в том числе Шао Юаньпин, Цянь Дасинь (1728—1804), Вэй Юань (1794—1856), Кэ Шаоминь (1850—1933) и др.

Как отмечалось выше, из феодальных историков только Ту Цзи считал, что к истории династии Юань не имеют отношения события времен Чингисхана и трех его преемников, имевшие место до узурпации Хубилаем престола великого хана в 1260 г. и последующего переименования династии в Да Юань (Великая Юань) в 1271 г., так же как факты, относящиеся к истории западных улусов монгольской империи. Но и он относил эпоху Юань к истории Китая. В первой главе настоящей работы затрагиваются проблемы борьбы за великоханский престол, переноса столицы и его последствий и др.

После образования КНР некоторые китайские историки попрежнему тенденциозно освещали историю монголов в период Юаньской империи, пытаясь изобразить историю Монголии во второй половине XIII и в XIV в. не более как придаток истории Китая. В частности, под влиянием все возраставшей волны национализма в Китайской Народной Республике с 1961 г. начали открыто высказываться взгляды о необходимости переоценки отрицательного отношения к монгольскому владычеству в Китае. В этот период центральная печать КНР несколько раз публиковала материалы, в которых идеализируется основатель империи Юань.

Газета «Жэньмиинь жибао» писала: «Период правления династии Юань являлся эпохой великого объединения Китая... Династия, созданная Чингисханом, сыграла прогрессивную роль в истории Китая... Чингисхан сломал границы между национальностями и восстановил вновь великое многонациональное государство, которого не было со времен династий Хань и Тан».

«Хубилай,— писала газета „Гуанмин жибао“,— внес выдающийся вклад в развитие нашего единого и многонационального государства... Хубилай-хан одновременно сыграл большую роль в развитии истории монголов».

В конце 1961 г. в Нанкинском университете состоялась научная конференция, на которой обсуждался вопрос об исторической роли Хубилая. Чрезмерное восхваление деятельности Хубилая как самого прогрессивного из всех «китайских хаганов» является не чем иным, как оправданием монгольских феодальных завоеваний и искажением действительности монгольской истории.

В целом историки дают разные толкования междоусобной борьбы между Ариг-Богом и Хубилаем за престол, образованию Юаньской империи, а также по-разному определяют численность населения Монголии в тот период.

Монкэ-хаган во время своего похода на Китай оставил временно во главе ставки в Каракоруме младшего брата Ариг-Бога. Последний после смерти Монкэ, в 1260 г., созвал хурилтай в Каракоруме и избрал себя ханом. Его поддержали старшая жена Монкэ-хагана и царевичи. Узнав об этом, Хубилай сразу же собрал своих сторонников в Кайпине и, созвав хурилтай, нарушив традиционные формы избрания хагана, объявил себя монгольским «законным» хаганом. Этим актом в борьбе с Ариг-Богом Хубилай противопоставлял Кайпин Каракоруму как новый административный центр империи.

Борьба за великоханский престол Монголии началась еще со времени Огодэя и Монкэ-хагана и усилилась при империи Юань.

Враждебные действия между двумя братьями — Ариг-Богом и Хубилаем являлись обыкновенной средневековой борьбой за престол. Она отличалась от предыдущих случаев тем, что от

результата этой борьбы зависела судьба монгольского государства. Но, на наш взгляд, усилия Ариг-Бога, направленные на то, чтобы сохранить административный центр Монголии в Каракоруме, были положительным фактом для истории Монголии, а деятельность Хубилая, который перенес свою столицу в чужую страну,— отрицательным.

В состав Юаньской империи кроме собственно Монголии входили многие азиатские страны, в том числе Китай.

В этой работе автор считает необходимым кратко изложить историю монголов районов расселения монгольских племен, которая игнорировалась авторами, писавшими о династии Юань.

Монголия со столицей Каракорум (нынешняя основная территория МНР), явившаяся очагом независимости всех монголов, осталась политическим центром всего монгольского народа и во времена Юаньской империи.

Кроме того, существовали ойратские и урянхайские монголы, проживающие в районе Алтайских гор. Места расселения монголов вокруг столицы Ханбалгасун (в провинциях Хэбэй, Шаньси и Шаньдун) и в южной части Монголии в то время считали «внутренней территорией» (фули).

В период Юаньской империи всей Монголией управляли три разные по рангу титулованные особы, имеющие полномочия от великого хана: хуан-тай-цзы (наследник престола), цзинь-ван (глава административного управления коренной Монголией) и цинь-ван (князь — родственник хагана).

Если рассмотреть круг полномочий и функции вышеперечисленных лиц, то хуан-тай-цзы — наследник престола должен был проживать в Каракоруме и осуществлять государственную власть в Монголии.

Он должен был подготовлять себя к ханствованию, а также командовать войсками Монголии. Цзинь-ван по указу императора возглавлял административную власть в Монголии.

Цинь-ван был ниже рангом цзинь-вана и управлял теми территориями, которые не входили во владения цзинь-вана, а также некоторыми областями Китая и других завоеванных стран.

Во время правления Юаньской империи собственно Монголия была всегда наместничеством для наследника престола.

По сведениям «Юань ши» и некоторых других китайских источников, монголы, проживавшие в собственно Монголии, находились в очень тяжелом положении. Но они все же в какой-то мере обеспечивали свои внутренние потребности.

Сразу после свержения Юаньской империи китайская династия Мин стала проводить политику свертывания торговых отношений, совершала частые военные вторжения в Монголию. Но монголы, сохранив политическую независимость, сумели обеспечить свои насущные экономические потребности, что является одним из ярких примеров их самостоятельности.

Во времена Юаньской империи с целью скрыть масштабы своей военной силы монголы держали численность их населения в тайне. Поэтому решение этой проблемы связано с определенными трудностями.

По этому вопросу имеется интересное сообщение в произведении ученого Яо Суя, жившего во времена царствования Хубилай-хагана. В нем говорится о том, что на вопрос Хубилай-хагана, почему численность монголов так мала, один чиновник ответил: «Я, к сожалению, очень мало знаю о том, как было во времена Чингисхана. Мне, грешному, думается, что, сколько насчитывалось войск в старые времена, наверное, столько и ныне осталось». На это хаган ответил: «Мы никогда не были малочисленными, как и теперь. Поэтому и побеждали во всех боях».

Сообщение русского ученого И. Захарова свидетельствует о том, что во времена Юаньской империи численность монголов составляла максимально 2,5 млн. Такой же точки зрения о численности населения Монголии в тот период придерживается и известный советский ученый С. Л. Тихвинский.

Рашид ад-Дин сообщает, что собственно монгольские войска, принадлежавшие Чингисхану и его родственникам, составляли всего 129 тыс. человек.

Эта цифра, по-видимому, не полностью отражает численность всех монгольских войск. По этому поводу Н. Ц. Мункуев писал, что в количество монгольских войск, указанное Рашид ад-Дином, не входила численность онгутских войск.

Опираясь на многочисленные материалы, Н. Ц. Мункуев утверждает, что в начале XII — конце XIV в. население собственно Монголии насчитывало 854 400 человек, а во всей империи проживало 1390 тыс.

Во времена Юаньской империи в западных улусах проживали свыше 500 тыс. монголов, в Китае, естественно, было не меньше.

Как бы то ни было, основываясь на сообщениях монгольских летописей о «четырех тумэнах ойратов» и «сорока тумэнах монголов», а также сопоставляя различные сообщения о численности семей, проживающих за границей, численности войск и численности семей, находившихся на службе у великих ханов и князей, а также о численности почтовых служителей, можно сделать вывод о том, что во второй половине XIII и в XIV в. население Монголии составляло приблизительно 2 млн.

Но ясно одно, что как следствие завоевательных войн XIII в. и вызванных ими миграций к этому времени численность монголов в самой стране значительно сократилась при общем приросте их во всей монгольской империи.

Некоторая часть семей, проживавших за границей, не сумев возвратиться на родину, постепенно ассимилировалась в окружающей этнической среде.

Сразу после образования династии Мин были приняты меры, направленные против возвращения на родину монголов, проживающих в Китае. Их стали силой задерживать на месте. А тех, которые пытались вернуться на родину, не считаясь с запретами, уничтожали.

Император династии Мин Чжу Юаньчжан в 1372 г. издал указ, запрещавший возвращение монголов, проживавших в Китае, на родину.

В уложении династии Мин было написано: «Нельзя монголов отпускать на родину. Их нужно роднить с китайцами путем брака, нужно запретить браки между монголами; нарушителей этого закона, мужчин и женщин, превращать в рабов».

Это является одним из ярких проявлений политики китайских феодалов, которые с целью сокращения численности населения Монголии и ослабления ее мощи стремились к насильственной ассимиляции монгольского населения империи.

В третьей главе «Хозяйство и общественный строй монголов» рассматриваются проблемы хозяйства, общественного строя. В XIII—XIV вв. основным занятием монгольского народа было кочевое экстенсивное животноводство. Богатство собственно Монголии составляли стада крупного рогатого скота, овец, верблюдов, табуны лошадей. Юаньские императоры использовали Монголию как важную зону кочевого скотоводства. Араты кочевали небольшими группами айлов, переходя с одного места на другое в зависимости от времени года в поисках пастбищ для скота. Каждая группа аратов передвигалась в границах строго определенного района, входившего во владение феодала, к земле которого эти араты были прикреплены и откочевывать от которого они не имели права.

Существенную роль в хозяйстве страны в этот период продолжала играть охота. Кроме этого, в Монголии получили развитие земледелие, ремесло и торговля.

Монгольский народ по-прежнему находился в политической и экономической кабале у феодалов. Причинами экономического упадка Монголии были феодальные усобицы. Большинство из них происходило именно на территории Монголии и тяжело сказывалось на населении. Содержание большого контингента монгольских войск для охраны империи также истощало ресурсы страны и отрывало значительную часть населения от производительного труда.

В четвертой главе «Падение империи Юань и перенесение столицы государства в собственно Монголию» рассматривается общее положение монгольского государства «Северная Юань».

Юаньская империя фактически была создана в 1260 г. и распалась через 108 лет, т. е. в 1368 г. Но фактически в 1388 г. монгольское господство окончательно потерпело поражение.

После распада Юаньской империи в 1370 г. сын Тогон-Тэмура — Аюширидара был провозглашен в Каракоруме хаганом

с титулом Билигту-хагана. После 110-летнего перерыва Каракорум вновь становится политическим центром Монголии.

Хотя, с одной стороны, монгольские феодалы после свержения Юаньской империи вынуждены были возвратить свою столицу в Каракорум, но с другой — это явилось результатом стремления самого монгольского народа, который хотел видеть свою столицу на родине.

В 1372 г. в Монголию вторглась 150-тысячная армия династии Мин и в боях с ней войска Аюширидары и Кокэ-Тэмура вышли победителями.

Сразу же после свержения Юаньской империи династия Мин прекратила торговые отношения с Монголией и часто совершала военные вторжения в страну. Но монголы, сохранив политическую независимость, сумели обеспечить себе и экономическую самостоятельность.

В пятой главе «Культура и религия монголов во второй половине XIII и в XIV в.» исследуются вопросы письменной культуры и религии Монголии в XIII—XIV вв.

Развитие монгольской историографии в указанный период характеризуется появлением ряда значительных произведений. Зарождение монгольской письменной литературы можно условно отнести к XIII в. С начала XIV в. начинается новый период в развитии монгольского письменного языка в связи с активизацией переводческой деятельности у монголов.

В XIV в. у монголов появились первые ростки науки. Тогда же зародилась монгольская народная медицина. В период Юаньской империи Пагба-лама Лодойжалцан создал новую письменность, так называемое квадратное письмо, которое было введено в 1269 г.

Монгольская литература, выросшая из устного народного творчества, достигла к XIII—XIV вв. значительного развития.

Главной религией при дворе империи Юань был буддизм, которому противодействовал древний шаманизм, распространенный среди монголов. Однако главная причина, побудившая Хубилая принять буддизм как ведущую религию при дворе, не заключалась в его желании уничтожить шаманство и распространить взамен ламаизм. Ему нужно было объединиться с Тибетом и использовать лам тибетских монастырей в своих целях для окончательного подчинения Китая.

Правители Юаньской империи, приняв буддизм, не отказались от шаманизма, строго соблюдали монгольские обычаи и традиции. Ими не было выпущено ни одного указа об уничтожении шаманства.

Если впоследствии в XVI в. между Алтан-ханом и далай-ламой Содномджамцо был заключен договор о запрещении шаманства и распространении ламаизма, то между Хубилаем и Пагба-ламой не было и речи о запрещении шаманства. Монгольский хаган только соглашался на распространение ламаиз-

ма среди его подданных. Итак, в монгольской феодальной империи шаманство все еще сохраняло полностью свое влияние и силу. Например, при дворе юаньских хаганов такие обряды, как похороны, совершались только шаманами. В стране одновременно проповедовался буддизм, который оказал некоторое внешнее влияние на шаманизм. Так, в этот период специальные предметы одежды у шаманов стали более изысканными и привлекательными. Если раньше изображения онгонов делали из камня и дерева, то сейчас их делают из серебра и железа. Шаманизм становится более «культурным».

Шаманы являлись прямым орудием монгольских феодалов в деле подчинения и эксплуатации простых аратов. Когда Тогон-Тэмур был изгнан из Китая и вернулся на родину, на некоторое время шаманизм становится основной религией, а влияние буддизма уменьшается. Однако вскоре со второй половины XVI в. шаманизм приходит в упадок и господствующей религией становится ламаизм.

12 Зак. 293

ПРИМЕЧАНИЯ

От редактора

[1] Цю Шусэнь. Некоторые вопросы оценки Чингисхана.— «Гуанмин жибао», 11.XI.1979.

[2] Там же.

[3] Цин У. Оправдание старых царей и саморазоблачение новых.— «Гуанмин жибао», 8.IV.1976.

[4] Лу Синь. Суйбянь фаньфан (Перелистывая книгу).— Сочинения. Т. 6. Пекин, 1958, с. 109.

[5] Лу Вэнь. Совещание по изучению истории Монголии.— «Миньцзу яньцзю». 1980, № 6, с. 74. Судя по словам Лу Вэня, на первой ежегодной сессии Китайского общества по изучению истории монголов, которая состоялась в июле 1980 г. в г. Хайларе (Внутренняя Монголия), некоторые участники дискуссии все же настаивали на том, что «необходимо осудить западный поход Чингисхана, который принес бедствия различным народам и государствам, привел к падению общественного производства». Однако на сессии тон задавали те, кто считал, что «кавалерия монголов, преодолев сопротивление слабых сил в Центральной Азии и Европе, положила конец длительной разобщенности государств и народов» (там же, с. 73).

[6] Бай Ган. Краткая оценка «пути управления страной» Хубилаем и «успокоения им народа».— «Гуанмин жибао», 15.VII.1980.

[7] Ежегодная сессия Китайского общества по изучению монголов в Хайларе.— «Гуанмин жибао», 1.VIII.1980.

[8] Ш. Нацагдорж. Халхын туух. БНМАУ-ын туух. Т. 1; История Монгольской Народной Республики; Н. Ишжамц. Монголд нэгдсэн тор байгуулагдаж, монголд феодализм бурэлдэн тойсон нь; Л. А. Боровкова. Восстание «красных войск» в Китае. М., 1971; Татаро-монголы в Азии и Европе. Изд. 2-е. М., 1977 и др.; С. Л. Тихвинский. История Китая и современность. М., 1976.

[9] Ч. Далай. Юан гурний уеийн Монгол.

[10] Ч. Далай. Монголын боогийн морголийн товч туух.

[11] См. сб. Сибирь, Центральная и Восточная Азия, средние века. Т. 3. История и культура Восточной Азии. Новосибирск. 1975, с. 196—202.

[12] Татаро-монголы в Азии и Европе.

[13] «Проблемы Дальнего Востока». 1979, № 1, с. 117—125.

Введение

[1] Цит. по: Кобаяси Такасиро. Гэнтё хиси но кэнкю, с. 75.

[2] Там же, с. 76.

[3] Ш. Бира. О Золотой книге Ш. Дамдина. У. Б., 1964, с. 61.

[4] Юань ши. Гл. 171, с. 10а.

[5] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1, с. 180; Т. 1, кн. 2, с. 8, 16, 21, 260.

[6] «Монгол тобэд-ун арбан одэр-йин сэтгул.— «Мэн цзан сюнькан», 1933. № 47, с. 12.

[7] Бай-юнь — название горы; ученый Чаган был прозван так в связи с тем, что на этой горе находилась его летняя юрта.

[8] См. Чжун-го жэнь-мин да цы-дянь, с. 284.

[9] «Мэн цзан сюнькань». 1933, № 47, с. 12.

[10] П. Козлов. Монголия и Кам. Т. 1. Ч. 1. Пб. 1908, с. 187.

[11] В настоящее время в Монгольском фонде Государственной библиотеки МНР насчитывается около 20 тыс. редких монгольских книг исторической и художественной литературы.

[12] Советский ученый Н. Ц. Мункуев пишет: «Китайские источники XIII—XIV вв. своими материалами, как известно, значительно дополняют арабо- и персоязычные источники и представляют большую ценность для изучения истории Монголии и других стран периода монгольских завоеваний» («Китайский источник о первых монгольских ханах», с. 3).

[13] P. Rasipungtsug. Bolor Erike. A Mongolian Chronicle. Pt 4, с. 11.

[14] Имеются данные, что Елюй Чуцай по национальности не китаец, а дагур-монгол киданьского происхождения. При завоевании Хорезма Чингисханом в 1219 г. он сопровождал его в качестве начальника канцелярии. Составил записку «Си-ю лу» («Описание путешествия на Запад»), в которой подробно описаны природа стран, где он побывал, нравы и обычаи населения, ход военных действий монгольской армии и другие факты.

[15] Ученые всего мира строят предположения о том, были ли автором этого сочинения Чжао Хун или Мэн Хун. Считается, что южносунский посол Чжао Хун в 1221 г. прибыл в Яньцзин (совр. Пекин) на встречу с Мухали и в том же году написал эту книгу. П. Пеллио и многие другие ученые полагали, что автором сочинения являлся Чжао Хун. Существует мнение, что оно написано Мэн Хуном. Так как я придерживаюсь такой же точки зрения, напишу кратко о Мэн Хуне. Известный южносунский полководец Мэн Хун (1195—1244) неоднократно вел сражения с монгольскими войсками, хорошо знал жизнь монголов, особенно состояние монгольской армии. Как сказано в «Большом китайском биографическом словаре», «Мэн Хун в детские годы овладел науками и старательно изучил буддийские сочинения». Имеются сведения о том, что в период вторжения монголов на территорию Цзинь Мэн Хун однажды тайно посетил Монголию. Он активно поддерживал идею отправки Пэн Дая и Сюй Тина в Монголию в качестве послов и по возвращении их специально встретился с ними. Он, как я полагаю, и написал записку «Мэн-да бэй-лу» в 1239 г.

[16] Один из интереснейших источников по истории монголов рассматриваемого периода.

[17] Угусунь Чжундуань — чжурчжэньский ученый. Неоднократно ездил в Монголию во главе посольства, встречался с полководцем Мухали и вел с ним переговоры о заключении мира. В период завоевания Чингисханом стран Средней Азии в 1221—1222 гг. Угусунь отправился на север в качестве личного посла цзиньского императора и имел аудиенцию у Чингисхана. По возвращении был назначен старшим чиновником Академии государственной истории. В период окончательного завоевания монголами государства Цзинь он вместе с женой покончил с собой. В написанной им «Бэй-ши цзи» содержится много сведений по истории монголов. Материалы о нем почерпнуты нами из «Цзинь ши» и «Большого китайского биографического словаря».

[18] Цю Чуцзи (1148—1227) — монашеское имя Чан-чунь. Как сообщается в источниках, он 19 лет провел в горах в созерцании, размышляя над «Дао-цзином» («Канон даосов»). Чан-чунь получил известность в стране как мудрец, способный продлевать жизнь. Чингисхан, наслышанный о волшебной силе даосов, вызвал его к себе. Чан-чунь, 70-летний старец, вместе со своими 18 учениками в 1221—1224 гг. совершил длительное далекое путешествие из Восточного Китая в район гор Тяньшань через Монголию. Чингис дал ему аудиенцию и, оказав ему особое уважение, присвоил звание «мудрого и искусного». На обратном пути его ученик Ли Чжичан написал сочинение в двух книгах «Си-ю цзи». Китайский ученый Цянь Дасинь в 1791 г. извлек ее из «Дао-да-цзин» («Великий канон даосов») и опубликовал.

[19] Чжан Дэхуэй — литератор периода правления Хубилай-хагана. Однажды он совершил длительное путешествие по Монголии. Его путевые заметки сохранились под неправильным заглавием «Сиши чжи» («Описание посольства на Запад»). Первоначальным названием их было «Линбэй цзи-син» («Записка о путешествии в Монголию»). Самые ранние правильные сведения о путевых заметках Чжан Дэхуэя содержатся в собрании сочинений литератора периода правления Хубилая Ван Юня.

[20] Пэн Дая — один из приближенных чиновников династии Южная Сун (1126—1279). Он руководил обороной Сычуани от монгольских войск. Пэн Дая построил стену, а также возвел другие укрепления в г. Чунцине. В написании его путевых заметок принимал участие Сюй Тин, также ездивший в Монголию в составе посольства. Занимавшийся с юношеских лет литературой, впоследствии он вместе с Пэн Дая участвовал в обороне Сычуани.

[21] Хун Хао — литератор и известный дипломат государства Южных Сунов. Был послан в государство Цзинь в качестве южносунского посла, там был схвачен, просидел несколько лет в тюрьме. Как сказано в «Большом китайском биографическом словаре», он «просидел в подземелье на Холодной горе свыше десяти лет». Прожив 15 лет в государстве Цзинь, хорошо познакомился с жизнью кочевников — северных соседей Китая, в том числе монголов. Располагая особенно подробными сведениями о переговорах, которые велись между монголами и государством Цзинь, он изложил их в докладе на имя южносунского императора по возвращении на родину.

[22] Чжоу Боци — литератор периода правления Тогон-Тэмура (1333—1370). Он, в частности, написал о той панике, которая охватила монгольских завоевателей, когда монгольские князья — родственники хагана и феодалы во главе своих зависимых, албату, стали перекочевывать к себе на родину после начала восстания в Китае.

[23] По данным 1963 г., в отделе истории монголов, возглавляемом Вэн Дуцзянем при Институте истории АН КНР, были изучены и снабжены комментариями около 200 сочинений по истории Монголии периода Юань. В «Сыку цюань-шу цзун-му ти-яо» («Важнейшие извлечения из „Сы-ку цюань-шу цзун-му“») упоминаются свыше 100 подобных сочинений, написанных при династии Юань.

[24] В биографии Юй Цзи в «Юань ши» сказано: «По указу Вэнь-цзуна (Туг-Тэмур) он (т. е. Юй Цзи.— *пер.*) написал „Великие установления по управлению миром правящей династией“ и представил императору. [Эта книга] составляла 800 глав».

[25] Книга Юй Цзи состоит из 50 глав. Дао-юань — его литературное имя. Юй Цзи под руководством монгольского ученого Токто работал над составлением «Цзинь ши», «Ляо ши» и «Сун ши». Так как в его книге содержатся интересные сведения о монгольской Академии литературы, монгольских книгах и надгробных надписях, которые составляли монгольские литераторы, и другие данные, то можно сказать, что она представляет собой один из источников по истории монголов.

[26] Юй Цзи сообщает, что Дархан и Эл-Тэмур осуществляли в то время общее руководство работой по составлению книг. Возможно, Дархан, о котором он упоминал, был сыном Хархасуна Тогоном. Хархасун, получив титул дархана, скончался в 1-м году Чжи-да (1307) в возрасте 51 года. Тогда же его сын Тогон по наследству был сделан дарханом. В «Юань ши» содержится ошибочное сообщение о том, что Тогон умер в 1328 г. в возрасте 36 лет, потому что в 1329 г., когда писалось сочинение Юй Цзи, Тогон был жив и руководил работой по составлению книг. В XIV в. среди монгольских литераторов не было других лиц, носивших титул дархана, кроме Хархасуна и Тогона. В «Юань ши» сказано о том, что «Тогон был пунктуален и начитан, честен в политических вопросах и не знаком с завистью».

[27] В «Большом китайском биографическом словаре» говорится: «Алин-Тэмур хорошо знал свою национальную литературу, любил записывать сказания и легенды, слыл бывалым человеком, пережившим несколько правлений ханов. Он был начальником Академии государственной истории» (с. 619).

[28] Худа, который некогда был известным генералом монгольской армии, в старости стал начальником канцелярии при ханском дворе. Его биография помещена в 135-й главе «Юань ши». В период составления «Го-чао цзин-ши да дянь» он вместе с Алин-Тэмуром готовил монгольские материалы.

[29] Сая, Ариун, Дорой и другие вместе с китайскими чиновниками участвовали в работе по написанию книги. В главе 143 «Юань ши» сказано: «Ариун любил науки, был образованным человеком, был разумен и проницателен. Китайские литераторы очень ценили его и спрашивали у него советов по различным вопросам».

[30] Возможно, что такое деление явилось подражанием танским и сунским образцам. В ту эпоху все законы подразделялись на названные шесть отделов.

[31] Су Тяньцзюэ жил в 1294—1352 гг. Его отец Су Чжидао одно время находился на ханской службе в Каракоруме. В семье хорошо знали образ жизни монголов. Как сказано в «Большом китайском биографическом словаре», Су Тяньцзюэ вместе с отцом с малых лет писал сочинения о монголах. Составленная им книга «Го-чао вэнь-лэй» («Образцы сочинений правящей династии») также представляет собой важный источник по истории монголов.

[32] Су Тяньцзюэ. Юань-чао мин-чэнь ши-люэ.

[33] Тао Цзунъи жил в период правления Тогон-Тэмура (1333—1370). Он написал рассматриваемое сочинение, когда скрывался, не желая служить монгольской династии.

[34] Развалины г. Дяоюйчэна находятся в современной провинции Сычуань. Город впервые был построен в 1240—1243 гг. Когда впоследствии там были возведены дополнительные оборонительные сооружения, он стал одним из крупных укрепленных городов Южной Сун. В 1957—1959 гг. китайские ученые обследовали его развалины.

[35] Лю Минчжун при Хубилай-хагане занимал должность «составителя истории» при ханском дворе и был связан с тайным хранением важных материалов по истории монгольских хаганов. Однако в связи с тем, что у него испортились отношения с монгольским сановником Сэнгэ, был уволен со службы. Когда он находился в деревне и писал свои труды по истории, Тэмур-хаган (1294—1307) вызвал его в столицу и назначил «составителем истории». Лю Минчжун оставил «Чжун-ань цзи» («Собрание сочинений Чжун-аня»).

[36] Биографии Ван Юня помещены соответственно в главе 167 «Юань ши» и на стр. 126 «Большого китайского биографического словаря». Далее в этой работе его собрание сочинений сокращенно названо «Ван Юнь вэнь-цзи».

[37] У Яо Суя было литературное имя Му-ань. Он жил в периоды правления Хубилая (1260—1294) и Тэмура (1294—1307) и совершил путешествие по Монголии. Его биографию можно найти в главе 174 «Юань ши». Далее в этой работе его сочинения сокращенно названы «Яо Суй цзи».

[38] Вэнь Тяньсян старательно занимался литературой, находился на службе у династии Сун. Его литературное имя Вэнь-шань. Однажды он приезжал в Монголию в качестве сунского посла и вел переговоры с монголами. По возвращении он участвовал в боях с армией Хубилая во главе сунских войск, был захвачен в плен и просидел три года в монгольской тюрьме. В тюрьме он написал много стихов и других сочинений. Как сообщается в «Большом китайском биографическом словаре», Вэнь Тяньсян «был казнен за то, что отказался дать показания после сдачи в плен».

[39] Литературное имя Оуян Сюаня — Гуй-чжай. Поэтому его книга названа «Гуй-чжай вэнь-цзи» («Собрание сочинений Гуй-чжая»). Как сообщается в «Большом китайском биографическом словаре», он «был очень образованным человеком, читавшим исторические сочинения с восьмилетнего возраста».

[40] Дай Лян в годы правления Чжи-чжэн (1341—1368) был историком-сочинителем при хаганском дворе, а после падения династии Юань, сменив фамилию и имя, бежал на юг Китая. Поселившись в горах, он писал книги. Основатель династии Мин Чжу Юаньчжан узнал о нем, приказал вызвать его в Пекин и поручить ему прежнюю работу. Но Дай Лян отказался от зва-

ния и должности под тем предлогом, что его глаза ничего не видят. В следующем году он скончался.

[41] Чиновник Бэй Цюн, уклонившись от службы хагану Тогон-Тэмуру, скрывался в необитаемых горах и писал книги. Придя на службу в начале правления династии Мин, он участвовал в составлении «Юань ши». Его литературное имя — Цин-цзян.

[42] Тэ-цуй, живший в период правления Тогон-Тэмура, дополнял и редактировал «Цзин-ши», «Сун ши» и «Ляо ши». Настоящее его имя Ян Вэйчжэн. Его усадьба находилась на горе Тэцуй, поэтому он и получил указанное прозвище.

[43] Ма Цзучан был известным историком периодов правления хаганов Аюрбарибады (1311—1320), Шидэбалы (1320—1323) и Есун-Тэмура (1323—1328). Он написал «Ин-цзун ши-лу» («Правдивые записи Ин-цзуна»).

[44] Юань Тун — литератор, переживший четырех хаганов династии Юань. В период правления Есун-Тэмура он, удалившись с поста, занимался литературным трудом.

[45] Монг. «Юан улсын судар» («Книга истории династии Юань») соответствует кит. «Юань ши» («История Юань»). Хотя китайское «Юань ши», в сущности, следует переводить на монгольский как «Юаний туух» («История Юань») или «Юан гурний туух» («История империи Юань»), я оставляю «Юань улсын судар» без изменений, так как это перевод, сделанный историками старшего поколения и вошедший в литературный обиход. Из многочисленных изданий «Юань ши» автор главным образом использовал издание Бо-на-бэнь, восходящее к периоду Хун-у и выпущенное в 1958 г. шанхайским издательством Шаи-у инь-шу-гуань в двух томах фотолитографическим способом.

[46] Сюй Да — известный минский полководец. Он имел особенно большие заслуги перед императором при изгнании монголов из Китая. При взятии Пекина войска под его командованием прежде всего окружили дворцы монгольских хаганов и захватили «Ши-лу».

[47] Хун-у — название годов правления основателя династии Мин императора Чжу Юаньчжана. Чжу Юаньчжан находился у власти в течение 31 года (1368—1398).

[48] Как сказано в главе 282 «Мин ши», «по инициативе Ван Вэя было отправлено свыше 20 человек в Монголию для сбора материалов для „Юань ши“». В той же главе говорится: «Были отправлены люди в Юньнань для встречи с тамошними монголами и сбора материалов».

[49] Когда Тогон-Тэмур, оставив Пекин, уходил из пределов Китая, он захватил с собой книги и документы, находившиеся в секретных хранилищах; в частности, он взял с собой все дела, связанные с его правлением. В связи с тем что при составлении «Юань ши» не оказалось «Ши-лу» Тогон-Тэмура, группа историков во главе с литератором Оуян Ю была послана из Пекина в Монголию. Существуют сведения о том, что она нашла некоторые материалы в Монголии.

[50] «Юан гурун-и судури» («История империи Юань»), ксил. 14 тетрадей; «Дай юан улус-ун судур» («История империи Великая Юань»), рукоп. 15 тетрадей (имеется в Государственной библиотеке МНР). В предисловии ее говорится: «История империи Великая Юань» изготовлена в 600 экземплярах. 7-го дня 4-й луны 3-го года Шунь-чжи (1646) почтительно доложено императору о распространении ее среди народа».

[51] См. Н. Я. Бичурин. История первых четырех ханов из дома Чингисова. СПб., 1829.

[52] L. H. Hambis. Le chapitre CVII du Yuan che. Он же. Le chapitre CVIII du Yuan che.

[53] Дэмчигдорджи, по фамилии Чэмидийн, был уроженцем Харачинского хошуна сейма Джосуту Внутренней Монголии. В 1904—1912 гг., живя в Пекине и Калгане, он работал в редакциях газеты «Дагунбао» и журнала «Монгол тобэд-ун арбан одэр-йин сэтгул». В 1914 г. он прибыл в Ургу. В 1917 г. Дэмчигдорджи начал переводить «Юань ши» на монгольский язык по поручению

министра иностранных дел Монголии Далай-вана Цэрэнсоднома и главного редактора газеты «Нийслэл куриен сонин бичиг» («Ургинская газета») ученого-филолога и историка Цэвэна.

[54] В период правления Гуан-сюя в 1878—1879 гг. маньчжурские, китайские и монгольские ученые совместно опубликовали книгу «Юань ши юй-цзе» («Объяснение слов, встречающихся в „Юань ши“»). В ней сверху страницы даны монгольские имена и термины из «Юань ши» в маньчжурском написании с китайским объяснением, а снизу — монгольские формы их с китайским переводом. В этой работе монгольские имена и термины из «Юань ши» объяснены в значительной степени правильно.

[55] В XV в. монгольские ксилографы печатались главным образом в Хухэ-Хото. Впоследствии издание книг по указу маньчжурского императора было централизовано и переведено в Пекин. Ныне существует большое число работ по истории империи Юань, изданных ксилографическим способом в Хухэ-Хото и Пекине. Одно время печатня при кумирне Чаган-агул-ун-сумэ в Чахаре выпускала много монгольских книг. Гэбши Лубсан-Чултэм, известный переводчик того времени, руководил работой по изданию большого количества книг на монгольском языке.

[56] Существует также много книг, отпечатанных подвижным шрифтом, под названием «Юан улусу-ун тэукэ» («История династии Юань»). Типография Тэмэгэту «Монгол бичиг-ун хорога», находившаяся в Пекине, выпустила книги: «Чингис-йин чадиг» («Родословная Чингиса»), «Йэкэ юан улус-ун тэукэ» («История Великой Юаньской династии») в четырех томах, «Юан улус-ун хагад хатуд-ун хорог» («Портреты юаньских хаганов и хатун»), «Гурбан улус-ун бичиг» («Троецарствие»), «Барагун хан улус-ун тэукэ») («История Золотого царства») и многие другие. «Чахар-ун хэблэл-ун хорога» («Чахарская типография»), созданная амбанем Чахара Джодобом в Калгане, напечатала монгольские книги: «Йэкэ юан улус-ун кокэ судур» («Синяя книга истории Великой династии Юань»), «Эртэ эдугэ-йин гайхамшигту уджэмдж-йин бичиг» («Древние и современные удивительные явления») в 40 томах и многие другие. Затем издательство «Тэригун ноян-у ордон-у хэблэл гаджар» («Издательство при дворце главного нояна»), созданное также в Калгане, выпустило «Дай юан улус-ун болор эрикэ» («Хрустальные четки династии Великая Юань»), «Книгу Марко Поло» на монгольском языке, «Кокэ монгол-ун кокэ туг» («Голубое знамя голубых монголов») и другие исторические сочинения.

[57] Хотя фраза «Перебьем татар 15-го дня 8-й луны» до сих пор имеет хождение в Китае, но первоначально она отражала факт. В период Юань китайцы распространили повсюду в стране плюшки с запеченными в них листками с призывом «Поднимемся 15-го дня 8-й луны и перебьем всех татар!» и восстали против монголов. Поэтому они ныне 15-го дня 8-й луны справляют свой «праздник луны-плюшки», когда пекут рассыпчатые круглые «лунные лепешки» с изюмом.

[58] Цзинь Юйфу. Чжун-го ши-сюэ ши, с. 113.

[59] Биография Сун Ляня помещена в главе 128 «Мин ши». Существует собрание его сочинений «Сун Вэнь-сянь гун цюань-цзи», состоящее из 18 книг и 53 глав. Оно представляет собой важный источник по истории монголов XIII—XIV вв.

[60] Биография Ван Вэя помещена в главе 289 «Мин ши».

[61] Чжан Шуньхуэй. Чжун-го ли-ши яо-цзе цзе-шао, с. 119.

[62] См.: Цянь Дасинь. Ши цзя цзи янь синь лу.

[63] Вэй Юань. Юань ши синь-бянь. Гл. 95.

[64] Ли Сычунь. Юань ши сюэ (Изучение истории династии Юань). Шанхай, 1926, с. 26.

[65] Шао Юаньпин, который занимался научными изысканиями в области истории, изучал «Юань ши». Написав упомянутую книгу, он некоторое время хранил ее дома и преподнес императору во время путешествия последнего по Южному Китаю.

[66] Цянь Дасинь — ученый, который приобрел известность своими иссле-

дованиями по истории монголов и особенно «Юань ши» в период правления Цянь-луна (1736—1795).

[67] В области изучения «Юань ши» в Китае Вэй Юань был вторым после Цянь Дасиня специалистом по истории монголов.

[68] Хэ Цютао — большой знаток истории и географии периода Цин. Он неоднократно совершал путешествия по Монголии и знакомился с памятными историческими местами.

[69] Хун Цзюнь в период правления Гуан-сюя посетил Россию, Германию, Голландию и Австрию и ознакомился со многими материалами, связанными с «Юань ши», на европейских языках.

[70] А. Галстян. Новые армянские источники о монголах; И. П. Петрушевский. Новый источник по истории монгольского нашествия.

[71] См.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1—3.

[72] Абуль Гази родился в 1605 г., занял ханский престол в Хорезме в 1643 г. и умер в 1664 г. Он был потомком Джочи, старшего сына Чингиса. Его сочинение «Родословная тюрков» переведено на французский язык Тарсоном.

[73] К. Д'Оссон был армянином, родившимся в 1780 г. в Турции. Он хорошо владел турецким, арабским и персидским языками и читал Рашид ад-Дина в подлиннике, а книгу свою написал на французском языке. Первый том опубликован в 1824 г., все четыре тома в 1834—1835 гг. К. Д'Оссон умер в 1855 г. в Берлине. Его труд является важным пособием для изучения истории монголов. Мы пользуемся переводом Фэн Чэнцзюня с комментарием «До-сан мэн-гу ши» («История монголов Д'Оссона») в пекинском издании 1962 г. в двух томах.

[74] И. Хаммер-Пургшталль, владевший арабским, персидским и турецким языками, являлся крупным специалистом-востоковедом. Большинство своих работ он писал на немецком языке. Его труд «История [монгольских] ханов в Иране» был опубликован в 1843 г. под заглавием «Османская история» («Osmanische Geschichte»). Кроме того, написанная им «История ханов Золотой орды» («Geschichte der Goldene Horde in Kiptschack») вышла в 1840 г. в Будапеште.

[75] В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 1. М., 1963, с. 87.

[76] Ata-Malik Juvaini. The History of the World-Conqueror.

[77] Вассаф ал-Хазрет. Тарих-и Вассаф, бомбейское литогр. изд. перс. текста 1269 г. х. (1852—1853).

[78] Подробные сведения об этом сочинении см.: Материалы по истории туркмен и Туркмении, с. 469—484.

[79] Рукопись перевода половины «Книги Марко Поло» на монгольский язык, выполненного проф. Б. Ринченом, хранится в Государственной библиотеке МНР. Там же имеется рукопись перевода книги с немецкого, сделанного Д. Нацагдорджем. Южномонгольский историк Ч. Гомбоджаб перевел ее с японского на монгольский и опубликовал в двух томах.

[80] Из существующих китайских переводов «Книги Марко Поло» наибольшую ценность представляет работа Фэн Чэнцзюня, снабженная обширным комментарием. В КНР она была издана в трех томах.

[81] Д. Гонгор. Халх товчоон. I, с. 31.

[82] Главы работы Гетума Патмича, относящиеся к монголам, были переведены на монгольский преподавателем Государственного университета МНР Нямсурэном.

[83] А. Г. Галстян. Новые армянские источники о монголах.

К главе первой

[1] Гуюк, Кодон и Кучу были сыновьями Огодэй-хагана; Чингисхан очень любил внука Кодона и, считая его мягким и смышленым по характеру, говорил Огодэю, что можно завещать ему хаганский престол. Торэгэнэ-хатун, всегда недолюбливавшая Кодона, хотела, чтобы престол наследовал Кучу. Но последний умер вскоре после смерти Огодэя. Поэтому Торэгэнэ-хатун назна-

чила своего внука Ширэмуна наследником престола. Так как Ширэмун не достиг совершеннолетия, Торэгэнэ находилась у власти в монгольской империи более четырех лет.

Обострение борьбы за хаганский престол между ноянами из рода Джочи и Толуя не позволило Торэгэнэ-хатун по достижении совершеннолетия Ширэмуна поставить его у власти, поэтому она была вынуждена возвести на хаганский престол сына Гуюка. Тем не менее именно Ширэмун должен был сесть на престол после Гуюка. Однако к тому времени сама Торэгэнэ-хатун была отравлена, право Ширэмуна на престол было ликвидировано. Инициатива в борьбе за престол перешла к ноянам из рода Толуя, и летом 1251 г. сын Толуя Монкэ стал хаганом. (С тех пор все монгольские хаганы, включая Лигдэн-хагана, происходили из рода Толуя.) В период правления Монкэ-хагана Ширэмун выступил во главе войска против хагана, но был побежден и предан казни вместе с ноянами, которых было около 78. Об этих фактах см.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2, с. 115, 117, 121, 130, 133. У Рашид ад-Дина события изложены подробнее, чем в других источниках.

[2] Имя Ариг-Бог («Святой борец») южномонгольские историки в большинстве случаев пишут Алаг-Бог («Пестрый борец»), полагая, что данный человек был «пестрым», т. е. рыжим и веснушчатым, и борцом и поэтому получил имя Алаг-Бог — «борец Алаг». Но в настоящей работе используется имя, уже вошедшее в обиход, неоднократно употреблявшееся в исторических сочинениях. В монгольских источниках сообщается, что Ариг-Бог вместе с матерью жил во дворце в местности Алтан-гориха. Как предполагает историк Х. Пэрлээ, обнаруженное им городище на берегу р. Чаган-сумэ-ун-гол в Убур-Хангайском аймаке, возможно, и было некогда дворцом, в котором жил Ариг-Бог.

[3] В «Юань ши» не передается содержание предсмертного указа Монкэ-хагана о том, чтобы его младший брат Ариг-Бог управлял монгольским государством, но зато там записано, что Монкэ якобы сказал: «Пусть младший брат Хубилай ведает властью в Монголии и Китае!» Иными словами, китайские составители «Юань ши» исказили смысл указа Монкэ-хагана, повелевавшего, чтобы Ариг-Бог управлял Монголией — центром империи, а Хубилай — Китаем. Добавив слово «Монголия», они утверждали, что по указу Монкэ Хубилай должен был ведать и Монголией и Китаем.

[4] Во время возведения Монкэ на престол великого хана Хубилай по предложению нояна Бэркэ председательствовал на хурилтае. С тех пор Хубилай приобрел известность среди монгольских ноянов. В 1252 г. по указу Монкэ-хагана Хубилай получил полномочия управлять оккупированной территорией в Северном Китае. См.: Ч. Далай. Борьба за великоханский престол при Хубилае и его преемниках.— Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.

[5] В Китае Хубилай раньше всех познакомился с Чжао Би и ввел его в свою свиту в качестве толкователя конфуцианского учения. Этот человек помогал Хубилаю отбирать для службы прославленных ученых. Как указывается в «Большом китайском биографическом словаре», Хубилай из глубокого уважения не произносил его имени, а называл во множественном числе «Талантливые». Однажды Монкэ-хаган вызвал Чжао Би на аудиенцию и спросил его, как управлять государством и как его устроить. Чжао Би ответил: «Искореняйте печаль и горе, устраняйте изменников и злоумышленников!» Хорошо владея монгольским языком, он перевел «Сяо-цзин» («Книга о сыновнем почтении») и другие китайские конфуцианские книги и объяснил их Хубилаю. Этот человек, возможно, был дагур-монголом, носившим китайское имя и фамилию, но пока еще это не подтверждено. В главе 159 «Юань ши» помещена подробная его биография.

[6] Ван Э — китайский ученый-конфуцианец, начал составление законов династии Юань. Возможно, он перевел на китайский язык основную часть «Тайной истории Монголов». Его собрание сочинений «Ин-у цзи» («Собрание сочинений Ин-у») представляет собой ценный источник по истории монголов той эпохи. Его биография содержится в главе 157 «Юань ши».

[7] Яо Шу делал выписки из китайских книг по истории, философии и праву и представлял их Хубилаю в переводе на монгольский язык. Его биография содержится в главе 160 «Юань ши».

[8] Лю Бинчжун выступил инициатором переноса монгольской столицы в Китай и принял активное участие в этом. Кроме того, он составил проект строительства г. Кайпина и лично руководил строительными работами. Он же активно помогал Хубилаю и оказывал на него влияние при перестройке административной системы монгольской империи по китайскому образцу. Его краткая биография содержится в главе 157 «Юань ши». Многочисленные сочинения, написанные им, сохранились под заглавием «Собрание сочинений Цанчуня».

[9] Хо Цзин — известный историк. Будучи направленным к Южным Сунам в качестве посла от Хубилая, он был арестован и просидел в тюрьме 16 лет. См.: Ч. Далай, Монголо-китайские отношения (XIII—XV вв.).— «Проблемы Дальнего Востока». 1979, № 1.

[10] См.: E. D. Phillips. The Mongols, с. 100.

[11] I. de Rachewiltz. Personnel and Personalities in North China in the Early Mongol Period.— «Journal of the Economic and Social History of the Orient». Vol. 9, 1966.

[12] До-сан [К. Д'Оссон]. Мэн-гу ши. Т. 1, с. 268.

[13] Юань ши. Гл. 4, с. 5б; гл. 180, с. 2а.

[14] Там же. Гл. 4, с. 5б; гл. 180, с. 1б.

[15] Там же. Гл. 4, с. 6а — б.

[16] К. Д'Оссон. История монголов. Т. 1, с. 304.

[17] Хун Цзюнь. Юань ши и-вэнь чжэн-бу. Гл. 14. В биографии Ариг-Бога содержатся подробные сообщения о том же, извлеченные из других китайских источников.

[18] В «Истории монголов» К. Д'Оссона записано в связи с этим: «Зимой 1261 г. армии братьев встретились около оз. Шилмуст-нор у горы Худзунболдаг и вступили в кровопролитное сражение».

[19] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 286.

[20] Там же.

[21] Ивамура Сиинобу и Кацуфудзи Такэси. Дай мōко тэйкоку, с. 294.

[22] Чжоу Гучэн. Чжун-го тун-ши, с. 127.

[23] Шан Юэ. Чжун-го ли-ши ган-яо, с. 260.

[24] В главах 126 и 180 «Юань ши» встречаются абзацы, унижающие Ариг-Бога.

[25] А. Амур. Монгол-ун тобчи тэукэ, с. 387.

[26] Ч. Далай. Юан гурний уеийн монголын туухийн зарим асуудал, с. 6; он же. Некоторые вопросы истории монголов в период Юаньской империи.

[27] Х. Пэрлээ. Монгол Ард улсын эрт, дундад уеийн хот суурины товчоон, с. 83.

[28] Юань ши. Гл. 2, с. 5а—б.

[29] Х. Пэрлээ. Монгол Ард улсын эрт, дундад уеийн хот суурины товчоон, с. 84; Книга Марко Поло. М., 1956, с. 84.

[30] Юань ши. Гл. 2. Цзиньляньчуань — местность, связанная с выдающимися событиями в истории монголов.

[31] Юань ши. Гл. 157, с. 8а.

[32] Ян Шици. Ли-дай мин-чэнь чзоу-и. Гл. 67, с. 69.

[33] В «Юань ши» написано, что в 9-м году Чжи-юань (1272) Чжунду (Средняя столица) был переименован в Дайду (Великая столица). Сведения о столице Ханбалгасун содержатся во многих китайских источниках, но самые подробные данные о ней мы находим в «Чжо-гэн лу» Тао Цзунъи.

[34] Юань ши. Гл. 6, с. 4а.

[35] Юань ши. Гл. 28, с. 3б.

[36] Юань ши. Гл. 42, с. 12б.

[37] Ли — мера длины, равная 576 м.

[38] Тао Цзунъи писал: «Городская стена простирается на 60 ли 240 бу (шагов) и имеет 11 ворот».

[39] Чжу Ци. Юань дай-ду гун-дянь ту као, с. 15.

[40] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 286—287.

[41] См. Хао Цзин. Линь-чуань вэнь-цзи. Гл. 32, с. 12а—17б; Юань ши. Гл. 157.

[42] Юань ши. Гл. 58, с. 5б, 20б.

[43] Там же.

[44] Хао Цзин. Линь-чуань вэнь цзи. Гл. 32, с. 12а.

[45] Дэн Чжичэн. Чжун-хуа эр-цянь нянь ши. Т. 4, с. 365.

[46] Юань ши. Гл. 85, с. 1б.

[47] Юань ши. Гл. 85, с. 2б—6б. Дэн Чжичэн, Чжун-хуа эр-цянь нянь ши. Т. 4, с. 366.

[48] Юань ши. Гл. 85, с. 6а — б.

[49] Там же, с. 6б.

[50] Юань ши. Гл. 58, с. 2б, 3а — б, 4а — б.

[51] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 306.

[52] Там же.

[53] Синь юань ши. Гл. 110.

[54] Цит. по: К. Д'Оссон. История монголов. Т. 1, с. 334.

[55] Юань ши. Гл. 9, с. 20б; гл. 127, с. 16б.

[56] Юань ши. Гл. 127, с. 16а, 17б, 18а.

[57] Юань ши. Гл. 14, с. 16б, 17а — б.

К главе второй

[1] Янай Ватари. Мокоси кэнкю, с. 2, с. 585—663.

[2] Там же, с. 586.

[3] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2, с. 206—207.

[4] Слово «фу-ли» исследователями трактовалось как «внутренняя территория». Однако в период Юань «фу-ли» употреблялось не только в значении «окрестности города», но и в смысле «метрополия». Это правильное мнение высказано японским ученым Ивамура Синобу.

[5] Материалы об ойратах выбраны из следующих работ: Мин ши. Гл. 328; Синь Юань ши. Гл. 28; Чжан Му. Мэн-гу ю-му цзи. Гл. 11; История четырех элетов. Предисл.; В. Успенский. Страна Кукэ-нор или Цин-хай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов.— ЗРГО. Т. 6, 1880, с. 140—141; Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2; И. Я. Златкин. История Джунгарского ханства.

[6] Чжан Му. Мэн-гу ю-му цзи. Гл. 11, с. 299.

[7] Ш. Нацагдорж. Халхын хураангуй туух, с. 7.

[8] Дорбэн огэлэд-ун тэукэ (История четырех элетов). Рук., ГБ МНР. Предисл., с. 4.

[9] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, с. 157.

[10] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1, с. 118.

[11] Галдан. Эрдэни-йин эрикэ, с. 36; Саган Сэчэн. Эрдэни-йин тобчи, с. 41.

[12] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1, с. 158.

[13] По Рашид ад-Дину и «Истории монголов» К. Д'Оссона, в 1290 г. китайцев было 13 млн. семей или 59 млн. человек. В главе 58 «Юань ши» сказано: «По данным переписи населения 27 года Чжи-юань (1290) южных и северных китайцев насчитывалось 13 196 206 семей или 58 834 741 человек».

[14] Яо Суй. Му-ань цзи. Гл. 14.

[15] Мин ши. Гл. 328, с. 6б.

[16] Как отмечал Б. Я. Владимирцов, «то же самое произошло и с названием Dorben Oyirad с той только разницей, что с течением времени ойратов стало гораздо больше, чем в век Чингиса и Юаньской династии» (Общественный строй монголов, с. 157).

[17] Юй Баян. Нэй Мэн-гу ли-ши гай-яо (Очерк истории Внутренней Мон-

голии). Шанхай, 1948, с. 59; Ш. Нацагдорж. Халхын хураангуй туух, с. 6—7.

[18] Тогтоху. Нэй мэн-гу ли-ши фа-чжань гай-шу (Очерк исторического развития Внутренней Монголии). Хухэ-Хото, 1957, с. 108.

[19] В кодексе законов династии Мин и других источниках зафиксированы случаи, когда монголам не позволяли возвратиться на родину и задерживали их силой.

[20] «Лин-бэй» (букв. «К северу от хребта») — территория к северу от перевала Чжанцзякоу.

[21] Мин ши. Гл. 14, с. 7а.

[22] Ш. Нацагдорж. Халхын хураангуй туух, с. 6.

[23] И. Захаров. Историческое обозрение народонаселения Китая.— Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. 1, 1852, с. 311—312.

[24] Татаро-монголы в Азии и Европе, с. 71.

[25] H. F. Schurmann. The Economic Structure of the Yuan Dynasty, c. 36.

[26] Н. Ц. Мункуев. Некоторые проблемы истории монголов XIII в. по новым материалам. Исследования по южносунским источникам (автореф. докт. дис.). М., 1970, с. 14.

[27] E. O. Reischauer, J. K. Fairbank. East Asia. The Great Tradition, c. 260—261.

[28] Д. Майдар. Монголын архитектур ба хот байгуулалт, с. 9—23.

[29] О монгольских юртах см.: П. Карпини и В. Рубрук. История монголов и Путешествие в восточные страны, с. 27—28.

[30] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 383.

[31] П. Карпини и В. Рубрук. История монголов и Путешествие в восточные страны, с. 91.

[32] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 374.

[33] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1, с. 123—124.

[34] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 372.

[35] Там же.

[36] П. Карпини и В. Рубрук. История монголов и Путешествие в восточные страны, с. 69.

[37] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 384.

[38] П. Карпини и В. Рубрук. История монголов и Путешествие в восточные страны, с. 27.

[39] Ш. Нацагдорж. Юан улсын уеийн монгол орон.— История МНР. Т. 1, с. 322—334; Н. Ишджамц. XIII зууны II хагас — XIV зууны тэргуун хагасын Юан улс.— Там же, с. 295—318; Д. Гонгор. Халх товчоон, с. 109—127.

[40] Хубилай, родившийся в 1210 г., занимал трон монгольского великого хана в течение 34 лет (1260—1294). В 1251 г. он председательствовал на Великом хурилтае монгольской знати. С этого же времени по указу Монкэ-хагана он управлял завоеванными областями Китая. Он построил город Шанду в Долон-норе. В 1260 г. он узурпировал трон монгольского хагана и в том же году перенес столицу Монголии в Кайпин. В 1271 г. Хубилай, закончив строительство новой столицы рядом с современным Пекином, назвал ее Ханбалгасун, а монгольскую династию — Юань. В 1266 г. он впервые отправил посольство в Японию. Одновременно по его приказу было построено корейцами 1000 деревянных морских судов. В 1270 г. снова было отправлено посольство в Японию. В 1279 г. было уничтожено государство Южных Сунов и завоеван весь Китай. В 1280 г. была предпринята попытка вторгнуться в Японию, но не было достигнуто успеха из-за сильного шторма у берегов Японских островов. В 1283 г. была завоевана Бирма. В 1258, 1285 и 1287 гг. монгольские войска вторгались в Аннам (Вьетнам). В этот период монгольская армия научилась боевому применению слонов. В 1293 г. были подчинены династии Юань государства на о-ве Ява и других (Индонезия). По указу Хубилая были выпущены бумажные деньги и продолжен канал до Пекина. По его же приказу была изготовлена «пушка». При нем получили развитие пути сообщения, по дорогам были созданы ямские станции. В то же время в Ки-

тде стали разводить крупный рогатый скот и лошадей. По приказу Хубилая была создана квадратная письменность. Тибетского ламу Пагба он назначил «государственным наставником». Он пользовался услугами европейцев Марко Поло и других в области внешних сношений. Хубилай принял некоторые меры предосторожности против китаизации монголов. Он построил в Китае много буддийских храмов и монастырей. Как сообщается в источниках, у него было много жен и 12 сыновей. Хубилай-хаган умер в 1294 г. в возрасте 84 лет.

41 Царевич-наследник (по-китайски «хуан тай-цзы») — «сын хагана, имеющий права на наследование хаганского престола». По-китайски «тай-цзы» — «сын хагана» или «внук хагана». Так как в число «тай-цзы» иногда входили и внуки хагана, то его толкуют и как «хаганские потомки».

42 Юй Баян. Нэй мэн-гу ли-ши гай-яо, с. 60.

43 Юань ши. Гл. 89, с. 6а.

44 Там же. Гл. 95, с. 9б; гл. 29, с. 1а.

45 Там же. Гл. 95, с. 9б.

46 Джингим с малых лет учился у китайских ученых Яо Шу и других. В «Большом китайском биографическом словаре» отмечается, что «Джингим в совершенстве владел науками, очень любил читать буддийские книги. Когда учителя захотели сделать его главой буддийской религии, Хубилай-хаган был в сильном гневе».

47 Тэмур — третий сын Джингима. С малых лет он пристрастился к военному делу. В связи с тем что он сыграл значительную роль в подавлении восстаний Хайду и Наяна, Хубилай сделал его наследником престола.

48 Гаммала — старший сын Джингима. Он отличался своим неприхотливым образом жизни: жарил мясо по монгольскому способу и жил в войлочной юрте даже в ветер и бурю, во время снега и метели. Он предлагал Хубилаю восстановить обычай возводить в хаганы на монгольской земле — в Каракоруме. Хотя он упорно боролся за хаганский престол, но Тэмур-хаган не стал преследовать его как своего старшего брата. Его сын Есун-Тэмур, сев на хаганский престол, оценил заслуги своего отца и посмертно пожаловал ему императорский титул Сянь-цзун. Эти материалы взяты из «Юань ши», «Большого китайского биографического словаря» и других работ.

49 Юань ши. Гл. 29, с. 1а—б, 2а.

50 Там же. Гл. 115, с. 12а.

51 Кит. «Юаньчан» означает «место, откуда произошел», «земля, на которой вырос». Возможно, по совету китайских чиновников Хубилай так называл Монголию.

52 Чжун-тун — название годов правления Хубилая (1260—1264).

53 Юань ши. Гл. 58, с. 38б—39а.

54 См. Тогтоху. Нэй мэн-гу ли-ши фа-чжань ши, с. 17.

55 Тэмур-хаган, родившийся в 1265 г., занял хаганский престол в 1295 г. и находился у власти в течение 13 лет. Названия годов его правления: Юань-чжэн (1295—1297), Да-дэ (1297—1307). Тэмур-хаган положил конец борьбе Хайду против династии. По его приказу были отчеканены монеты из 10 000 цзиней меди. Из источников известно, что он имел слабое здоровье, был жесток, но любил заниматься благотворительностью. Тэмур очень доверял своим приближенным. С глубокой скорбью он похоронил полководца Баяна. Примерно так сообщают о Тэмуре китайские источники — «Юань ши» и др.

56 Юань ши. Гл. 29, с. 1б—2а.

57 Там же. Гл. 29, с. 12а.

58 Там же. Гл. 58, с. 39а.

59 Харахасун назван Дарханом. Д. Гонгор в своей работе привел подробные биографические данные о Харахасуне. Как сообщается в главе 27 сборника «Цзиньхуа хуан сянь-шэн вэнь-цзи» («Собрание сочинений господина Хуана из Цзиньхуа»), когда Дархан лежал больной, Тэмур-хаган очень беспокоился и каждый день навещал его в юрте.

60 Юань ши. Гл. 58, с. 38б—39а.

61 Хайсан — второй внук Джингима и первый сын Дармабалы. Он ро-

дился в 1281 г., занял хаганский престол в 1307 г. и через четыре года, в 1311 г., в возрасте 30 лет был убит. Название годов его правления — Чжи-да (1308—1312), посмертный хаганский титул — кулуг. В период его ханствования под его личным руководством были переведены на монгольский «Сяоцзин» («Книга о сыновнем почтении») и многие другие китайские труды. Будучи правоверным буддистом, он приказал ламе Чойджи-Одсэру и другим перевести на монгольский буддийские сутры.

[62] Юань ши. Гл. 58, с. 38а.

[63] Чжи-да — название годов правления Хайсана (1308—1312).

[64] Юань ши. Гл. 58, с. 39а.

[65] Д. Гонгор. Халх товчоон, с. 182.

[66] Юань ши. Гл. 136, с. 5а.

[67] Юань ши. Гл. 136, с. 5а.

[68] Аюрбарибада — младший брат Хайсан-хагана, родившийся в 1284 г., занял хаганский престол в конце 1311 г. и через девять лет, в 1320 г., умер в возрасте 36 лет. Посмертный императорский титул его — Буянту, названия годов правления — Хуан-цин (1313—1314) и Янь-ю (1314—1321). Как отмечается в источниках, он предпочитал ученые занятия. В 1315 г. он установил новые правила приема экзаменов на занятие государственных должностей и лично участвовал в приеме экзаменов. Ставя превыше всего ученых, он выдвигал их на должности. Аюрбарибада лично писал историю монголов и читал много литературы по истории Монголии. В связи с тем что он, игнорируя соглашения с предыдущими хаганами, поставил хаганом своего сына, после него борьба за хаганский престол обострилась.

[69] Юань ши. Гл. 24, с. 21а.

[70] Хуан-цин — название годов правления Буянту-хагана (1312—1313).

[71] Юань ши. Гл. 58, с. 38б— 39а.

[72] Там же. Гл. 24, с. 21а—б.

[73] Там же. Гл. 24, с. 24а—б.

[74] Там же. Гл. 26, с. 4а.

[75] Цзиньхуа хуан сянь-шэн вэнь-цзи. Гл. 27.

[76] Шидэбала, или по посмертному титулу Гэгэн-хаган, вступил на трон в 1320 г. и был отравлен чиновником Тэкши в 1323 г. в возрасте 21 года. В источниках отмечается, что Гэгэн-хаган наказывал коварных придворных чиновников и выдвигал на службу людей ученых и честных. Ниже переведена интересная беседа его с левым министром Байджу. Как сообщает «Юань ши», однажды Гэгэн-хаган сказал Байджу: «Ныне я стал владыкой державы. Если бы я захотел только одеваться в шелковые халаты, есть все вкусное или иметь самых прекрасных девушек, то это было бы легко. Но мои предки создали это государство, преодолев метели и бурю, ценой мук и страданий. Мне надо быть начеку день и ночь и управлять делами этой оставленной ими державы. Ты, мой министр, помни — всегда истинно слово заслуженного министра, и ты блюди в чистоте славу предков». Байджу ответил ему: «Мой хаган-владыка, хотя и трудно впервые создать государство, но еще труднее стабилизировать его и управлять!». Хаган похвалил его, назвав мудрым министром.

[77] Юань ши. Гл. 27, с. 2б, 3а, 10а; гл. 28, с. 3а, 5а, 6а.

[78] Есун-Тэмур, сын Цзиньского вана Гаммалы, родившийся в 1282 г., занял хаганский престол в 1324 г., правил четыре года и в 1328 г. умер в возрасте 36 лет. Название годов его правления — Тай-дин (1324—1328). Как отмечается в «Юань ши», в период правления этого хагана после землетрясения в Китае и наводнения на р. Хуанхэ начался голод среди значительной части населения и всюду развернулось повстанческое движение. Хаган постарался восстановить прежнее положение, но не добился успеха и умер. Как выше отмечалось, Есун-Тэмур-хаган высоко оценил заслуги своего отца Гаммалы и пожаловал ему императорский титул.

[79] Судя по тому, что в 1328 г. Бадима-Иргэлбу внезапно умер одновременно с отцом, возможно, он был отравлен.

[80] Юань ши. Гл. 29.

[81] Туг-Тэмур, сын Хайсан-хагана, родившийся в 1303 г., занял хаганский престол в конце 1328 г. Посмертный хаганский титул его Джаяту, названия годов правления — Тянь-ли (1329—1330) и Чжи-шунь (1330—1332). Туг-Тэмур-хаган был глубоко верующим буддистом и построил много храмов и монастырей. Умер в 1332 г. в возрасте 29 лет.

[82] Хошила-хаган через несколько месяцев после занятия хаганского престола в Шанду был отравлен по пути в Ханбалгасун. Название годов его правления — Тянь-шунь (1328). В «Юань ши» сказано, что этот хаган умер от болезни.

[83] Ириджинбал-хаган — марионеточный хаган или, как отмечено в источниках, самый молодой из монгольских хаганов. Его поставили на хаганский престол в шестилетнем возрасте и убили через месяц.

[84] Юань ши. Гл. 31, с. 7а — б.

[85] Посмертный императорский титул Тогон-Тэмура — Ухагату-хаган, названия годов его правления — Юань-тун (1333—1334), Чжи-юань (1335—1340) и Чжи-чжэн (1341—1368).

[86] Х. Пэрлээ. Нууц товчоонд улдсэн хууль цаазны зуйл (три статьи).— Scripta Mongolica. Т. 3, с. 12.

[87] С. Жалан-аажав. Халх журам бол монголын хууль цаазны эртний дурсгалт бичиг.

[88] Монголын эрт эдугээгийн хууль цаазны туухийн сэдэв дэвтэр (Тезисы по истории древнего и современного монгольского права), рук. Научная библиотека Института истории АН МНР.

[89] Рукопись «Юань дянь-чжан» в переводе на монгольский Алтан-Баганы «Юан улсын хууль цаазны бичиг», хранится в научной библиотеке Института истории АН МНР.

[90] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 306—308.

[91] Сюй Хэн. Лу Цзи и-шу. Гл. 95.

[92] От сборника законов «Да-юань тун чжи» сохранился том «Тун-чжи тяо-гэ», состоящий из десяти частей и 372 статей. «Юань дянь-чжан» состоит из 2539 статей.

[93] Как упоминалось выше, при рассмотрении вопроса об административных мерах Гэгэн-хагана, биография Байджу содержится в гл. 136 «Юань ши».

[94] Юань ши. Гл. 136, с. 13а.

[95] Таяма Сигеру. Моко но хотэн но кэнкю, с. 36.

[96] Юань дянь-чжан. Гл. 57.

[97] Там же. Гл. 21.

[98] Там же. Гл. 59.

[99] Там же. Гл. 57.

[100] Там же. Гл. 23.

[101] Тун-чжи тяо-гэ. Гл. 39.

[102] Юань дянь-чжан. Гл. 57.

[103] Там же. Гл. 27.

[104] Там же. Гл. 59.

[105] Книга Марко Поло, с. 7.

[106] Учеными разных стран уже изучены и опубликованы в переводах записки двух уйгурских монахов на арабском языке. См.: E. A. Wallis Budge. The Monks of Kubilâi khan, Emperor of China.

[107] I. de Rachewiltz. Papal Envoys to the Great Khans, с. 194.

[108] Там же.

[109] Там же, с. 195.

[110] Там же.

[111] Там же, с. 200.

[112] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 377.

[113] Юань ши. Гл. 208, с. 245.

[114] Там же. Гл. 132, с. 15а, гл. 210, с. 18а.

[115] П. Карпини и В. Рубрук. История монголов и Путешествие в восточные страны, с. 146.

[116] Там же.

[117] Например, в тибетской книге «Сакья дунраб» («Родословная сакьяских иерархов») (с. 724—725) содержатся подробные сведения по этому вопросу. Там монгольские послы с золотой пай-цзы, названные «сэр-иг-па» («имеющие золотую пай-цзы»), рассматриваются как личные представители монгольского хагана, пользующиеся священными правами.

К главе третьей

[1] Материалы IX пленума ЦК МНРП. У. Б., 1971, с. 10.

[2] И. В. Захарова. Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии.—Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана, с. 32—65.

[3] С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и кочевниках.— Географическое общество Союза ССР. Материалы по этнографии. Вып. 1. 1961, с. 2—15.

[4] Подробно рассмотрены вопросы о размерах поголовья и видах скота у сюнну в работе Эгами Намио «Кёдо но кэйдзай кацудо» (Хозяйственная деятельность сюнну).— «То : ё: бунка кэнкюдзё киё». 1956, № 9, с. 54—57.

[5] Ивамура Синобу. Монгору сякай кэйдзайси но кэнкю, с. 61—95.

[6] Гото Томидо. Ки-ба юй-боку мин, 1970.

[7] O. Lattimore. Studies in Frontier History, с. 221—296.

[8] Академик Ш. Нацагдордж, основательно исследовавший вопрос о кочевом скотоводстве в Монголии, написал параграф, посвященный этой проблеме в первом томе «Истории МНР».

[9] Н. Сэр-Ожав, Ц. Дорджсурэн в своих работах «Эртний турэгууд» и «Умарт хунну» изложили интересные мысли по этому вопросу на основании находок, содержащихся в исследованиях предшественников о скотоводстве Монголии в рассматриваемый период.

[10] Х. Пэрлээ писал: «Ныне нет возможности выяснить поголовье скота в Киданьской империи. По некоторым данным, в 1065 г. было в шести стадах 1 млн. лошадей и крупного рогатого скота». См.: Х. Пэрлээ. Кидан, тэдний монголчуудтай холбогдох нь, с. 46.

[11] Д. Гонгор, писавший о предках современных халхасцев, оставил ценные наблюдения о кочевом хозяйстве, традициях кочевников и общественных отношениях древних монголов. См.: Д. Гонгор. Халх товчоон I. Халх монголчуудын овог дээдэс ба Халхан хаант улс VIII XII зуун.

[12] В главах 1 и 4 работы Н. Ишджамца «Монголын нэгдсэн тор байгуулагдаж, монгол феодализм бурэлдэн тогтсон нь» («Создание единого монгольского государства и становление феодализма в Монголии») подробно рассказано о хозяйстве и общественном строе монголов того периода, что непосредственно связано с исследуемыми нами проблемами.

[13] Ци-дань го-чжи (История государства киданей). Гл. 22. Пер. см.: Е. Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи), Пер., введ., коммент. и прил. В. С. Таскина. М., 1979, с. 36.

[14] Мэн Хун. Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Пер. см.: Мэн-да бэй-лу, пер., введ., коммент. и прил. Н. Ц. Мункуева. М., 1975, с. 69.

[15] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 325.

[16] Синь Юань ши. Гл. 100.

[17] Юань ши. Гл. 100.

[18] Юй Баян. Нэй Мэн-гу ли-ши гай-яо, с. 57.

[19] Юань ши. Гл. 98 и 99; Синь Юань ши. Гл. 100.

[20] Юань ши. Гл. 100.

[21] Тогтоху. Нэй мэн-гу ли-ши фа-чжань гай-шу. Т. 1, с. 108.

[22] Цин-дай тун-ши (Общая история эпохи Цин). Гл. 26.

[23] Сюй вэнь-сянь тун-као. Гл. 159. Здесь речь идет о событиях 1324 г.

[24] Синь Юань ши. Гл. 100, с. 2а.

[25] Юань ши. Гл. 90, с. 13б.

[26] Там же, с. 13а, 14б.

[27] Юань ши. Гл. 89, с. 17а.

[28] Там же. Гл. 26, с. 15а.
[29] Там же. Гл. 27, с. 2б.
[30] Там же, с. 7б.
[31] Там же. Гл. 100, с. 2а, 7б.
[32] Там же.
[33] Там же.
[34] Там же, с. 7б.
[35] Там же. Гл. 29, с. 2а; гл. 30, с. 6а.
[36] Там же. Гл. 35, с. 1б.
[37] Ивамура Синобу. Монгору сякай кэйдзайси но кэнкю, с. 27.
[38] Курийэн — «лагерь, стан». О куренном способе кочевания у монголов см.: Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, с. 36—37. Довольно много сведений о кочевании куренем содержится в «Сюй вэнь-сянь тун-као».
[39] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, с. 125. Об айильном способе кочевания у монголов см. там же, с. 36—38.
[40] W. Eberhard. Conquerors and Rulers, c. 70—72.
[41] См. W. W. Rockhill. The Journey of William of Rubruck, c. 194.
[42] W. Eberhard. Conquerors and Rulers, c. 70—72.
[43] Ивамура Синобу. Монгору сякай кэйдзайси ио кэнкю, с. 67—68.
[44] Да Юань ма-чжэн цзи, 1935, с. 6.
[45] Гото Томидо. Ки-ба юй боку мин, с. 86.
[46] Сэ Чэнся. Чжун-го ян-ма ши, с. 189.
[47] Синь Юань ши. Гл. 100, с. 13а.
[48] Там же.
[49] Чэнь Юаньцзин. Му янь цзи. Шанхай, 1935, с. 27.
[50] Ивамура Синобу. Монгору сякай кэйдзайси но кэнкю, с. 33.
[51] Сюань-лань-тан цун-шу сюй-цзи. Гл. 89.
[52] Книга Марко Поло, с. 88.
[53] Там же, с. 88—89.
[54] Цит. по: W. W. Rockhill. The Journey of William of Rubruck, c. 197.
[55] Чинхай в китайских источниках передается как Чжэньхай. Вероятно, он был монголом из кэрэитов.
[56] Сюй Южэнь был литератором, состоявшим на службе в периоды правлений Буянту-хагана, Гэгэн-хагана, Есун-Тэмур-хагана, Хошила-хагана и Туг-Тэмур-хагана. Собрание его сочинений является важным источником по истории монголов.
[57] Х. Пэрлээ. Хот суурины товчоон, с. 90.
[58] Чжан Му выбрал приведенные сведения из «Юань ши» и других источников. См.: Чжан Му. Мэн-гу ю-му цзи, с. 300—301.
[59] Наиболее подробные в сравнении с другими источниками сообщения о земледелии в эпоху Юань содержатся в биографии Хайду в «Юань ши».
[60] Юань ши. Гл. 6, с. 2б.
[61] См.: Су Тяньцзюэ. Цзы-си вэнь гао. Гл. 11.
[62] Юань ши. Гл. 100, с. 13б. 1 хубияр=9,2 га.
[63] Там же. Гл. 5, с. 4а.
[64] Там же. Гл. 12, с. 18б.
[65] Там же. Гл. 3.
[66] Там же. Гл. 13.
[67] Там же.
[68] Там же. Гл. 27, с. 2б.
[69] Там же. Гл. 5, с. 21б.
[70] Там же.
[71] Тун-чжи тяо-гэ. Гл. 7, с. 37.
[72] Юань ши. Гл. 20.
[73] Х. Пэрлээ. Хот суурины товчоон, с. 89.
[74] Ши Икуй. Ху-би-ле тун-чжи ши-дай ди шао-шу минь-цзу шэ-хуэй шэн-чань ли ди фа-чжань (Развитие производительных сил общества у национальных меньшинств при Хубилай-хагане).— «Ли-ши цзяо-сюэ». 1962, № 6.

75 Юань ши. Гл. 120, с. 10б.
76 Чжан Му. Мэн-гу ю-му цзи, с. 300—301.
77 Юань ши. Гл. 98, с. 7б.
78 Там же. Гл. 94, с. 5б.
79 Тун-чжи тяо-гэ. Гл. 8; Юань ши. Гл. 82, с. 3б.
80 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2, с. 25. Здесь мы находим ранее неизвестные сведения о том, что Отчигин-ноян строил города и поселения.
81 **С. В. Киселев**. Древние города в Монголии.— «Советская археология». 1957, № 2.
82 Юань ши. Гл. 38.
83 Марко Поло. Книга Марко Поло, с. 94.
84 Юань ши. Гл. 20 и 35.
85 Там же. Гл. 38.
86 Н. М. Щепетильников. Архитектура Монголии, с. 54.
87 Харада С. Гэн Шанду-но исэки-ни цуйтэ.— «Сигаку дзасси». 1938, № 49(2).
88 Саган Сэчэн. Эрдэни-ийн тобчи, с. 136—137, 141—142; Шара-тугуджи, с. 49—50.
89 Янай Ватари. Моко си кэнкю, с. 663—769.
90 Там же, с. 684.
91 Юй Баян. Нэй Мэн-гу ши гай-яо, с. 64.
92 И. В. Мичурин писал, что «этот редкий вид абрикоса получен от косточки, взятой в роще у буддийского монастыря, находящегося вблизи станции Уцзими и поселка Куа-Цотенза» (И. В. Мичурин. Сочинения. Т. 2. М., 1968, с. 262).
93 Юань ши. Гл. 169, с. 4б.
94 Х. Пэрлээ. Хот суурины товчоон, с. 95.
95 Там же, с. 108—113.
96 БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 326.
97 Юань ши. Гл. 20, с. 11б.
98 БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 326.
99 Ян Шици. Ли-дай мин-чэнь цзоу-и. Гл. 67.
100 Лу Цзи. Дао-юань вэнь цзю-цзи. Гл. 18; Вэй Чу. Цин-яя цзи. Гл. 4.
101 Книга Марко Поло. Т. 2, с. 295.
102 БНМАУ-ын туух. Т. 1.
103 Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, с. 125.
104 Юань ши. Гл. 27.
105 К. Маркс. Маркс — Энгельсу, 2 июня 1853 г.— Т. 28, с. 215.
105а См. Н. Жагварал. БНМАУ дахь газрын харилцаа (Земельные отношения в МНР). Рукоп. ф. АН МНР; Ш. Нацагдорж. Монголын феодализмын эдийн засгийн үндэс.
106 Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, с. 125.
107 БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 212—219.
108 По «Чжо-гэн лу», Тао Цзунъи в период Юань было 72 рода.
109 По «Юань ши», в которой встречается много названий племен, их насчитывается свыше 60.
110 БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 336.
111 Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, с. 137.
112 Начало феодальной раздробленности в стране было положено еще при Чингисхане, когда раздавались уделы представителям монгольской знати.
113 Ивамура Синобу. Монгору сякай кэйдзайси но кэнкю, с. 33.
114 Юй Баян. Нэй Мэн-гу ли-ши гай яо, с. 27.
115 Юань ши. Гл. 27.
116 Тун-чжи тяо-гэ, с. 457.
117 Сюань-лань-тан шун-шу сюй-цзи. Гл. 95.
118 Юань ши. Гл. 89, с. 16а.
119 Там же. Гл. 98, с. 46б, 47а.
120 Там же.

[121] Лица, занимавшие должности цзун-гуань, цзун-ба и тань-я, состояли на службе соответственно при темниках, тысячниках и сотниках.
[122] Тун-чжи тяо-гэ. Гл. 8.
[123] Юань ши. Гл. 98.
[124] Тун-чжи тяо-гэ. Гл. 8.
[125] Юй Баян. Нэй Мэн-гу ли-ши гай-яо, с. 48.
[126] Юань ши. Гл. 21.
[127] Там же.
[128] Там же. Гл. 24.
[129] См.: Ма Цзучаи. Ши-тянь цзи.
[130] Юань ши. Гл. 98.
[131] Там же. Гл. 28.
[132] Вэй Юань. Юань ши синь-бянь. Вводная глава.
[133] К. Д'Оссон. История монголов. Т. 1, с. 359.
[134] Юань ши. Гл. 23.
[135] См.: Чжоу Боци. Ху-цун бэй-син цзи.
[136] П. Карпини и В. Рубрук. История монголов и Путешествие в восточные страны, с. 45—46.
[137] Н. Ц. Мункуев. К вопросу об экономическом положении Монголии и Китая в XIII—XIV вв.— Краткие сообщения Института народов Азии. 1965, № 76, с. 136—153.
[138] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 330.
[139] Юань ши. Гл. 90.
[140] Тогтоху. Нэй Мэн-гу ли-ши фа-чжань гай-шу, с. 87.
[141] Книга Марко Поло. Т. II, с. 295.
[142] Юань ши. Гл. 140.
[143] Там же. Гл. 134.
[144] См.: Ма Цзучан. Ши-тянь цзи.
[145] См. Тун-чжи тяо-гэ. Гл. «Наведение порядка в армии».
[146] Там же.
[147] Там же.
[148] Там же.
[149] Юань вэнь-лэй. Гл. 15.
[150] Фань Няньци. Гуань-юй Юань-дай ди и-чуань (О почтовых станциях эпохи Юань).— «Ли-ши янь-цзю». 1959, № 2.
[151] Юань ши. Гл. 24 и 101.
[152] Дань=103,546 л.
[153] Су Тяньцзюэ. Цзы-си вэнь-гао. Гл. 15.
[154] Ехулин — один из проходов через Великую китайскую стену, называвшийся по-монгольски Унэгэн-даба (Лисий перевал). См.: Чжан Дэхуэй. Линбэй цзи-син.
[155] Юань дянь-чжан. Гл. 36, с. 16.
[156] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 332.
[157] Доу=10,354 л.
[158] Юань дянь-чжан, с. 17.
[159] Юань ши. Гл. 2, 6, 28, 101; Юань дянь-чжан. Гл. 57; Тун-чжи тяо-гэ. Гл. 27.
[160] К. Маркс. Капитал. Т. III.— Т. 25, ч. II, с. 146.
[161] Юань ши. Гл. 83.
[162] П. Карпини и В. Рубрук. История монголов и Путешествие в восточные страны, с. 146.
[163] Там же, с. 58—59.
[164] Там же, с. 98.
[165] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, с. 35.
[166] Мин ши. Гл. 14.
[167] Хун Цзюнь. Юань ши и-вэнь чжэн-бу. Гл. 26.
[168] Юань ши. Гл. 42.
[169] Там же. Гл. 43.
[170] Там же. Гл. 27.
[171] Там же. Гл. 26.

[172] По этому вопросу содержатся подробные сведения о Юань дянь-чжан. Гл. 57.
[173] Юань ши. Гл. 134.
[174] Там же.
[175] Там же. Гл. 22.
[176] Там же. Гл. 26.
[177] Там же. Гл. 15.
[178] Там же. Гл. 136.
[179] Там же. Гл. 23.
[180] Там же. Гл. 5.
[181] Там же. Гл. 25.
[182] Юань дянь-чжан, «Умиротворение народа на черных повозках».
[183] Улусы, подчиненные Ариг-Богу и Хайду, назывались «вражескими государствами», а их войска — «войсками вражеского государства».
[184] Тогтоху. Нэй Мэн-гу ли-ши фа-чжань гай-шу, с. 90.
[185] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 333.
[186] Лу Цзи. Дао-юань сюэ-гу лу. Гл. 57.
[187] Юань ши. Гл. 25.
[188] Там же. Гл. 29.
[189] Тогтоху. Нэй Мэн-гу ли-ши фа-чжань гай-шу, с. 94.
[190] Юань ши. Гл. 206.
[191] Там же.
[192] Ноян Тугэн-Тэмур уклонился от службы при дворе Тогон-Тэмура и бежал в г. Барс. См. Юань ши. Гл. 33.

К главе четвертой

[1] Кит. «сэ-му-жэнь» — букв. «люди с цветными глазами» или «цветноглазые» (если переводить для удобства одним русским словом). Специалисты предлагают различные дословные переводы этого названия. Возможно, оно было первоначально прозвищем выходцев из Западной Азии европеоидной расы с крупными глазами, выделяющимися белыми зрачками на смуглом или черном лице (прим. пер.).
[2] Юань ши. Гл. 202.
[3] Юань дянь-чжан. Гл. 27, 28.
[4] Юань дянь-чжан. Гл. 21.
[5] Там же. Гл. 59.
[6] Юань ши. Гл. 9, 12, 15, 17.
[7] Юань дянь-чжан. Гл. 57.
[8] Ма Цзучан. Ши-тянь цзи. Гл. 7.
[9] Юань ши. Гл. 95.
[10] Там же.
[11] Там же. Гл. 93.
[12] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 318.
[13] Юань ши. Гл. 93.
[14] Там же. Гл. 83.
[15] Там же. Гл. 17.
[16] Там же. Гл. 34.
[17] Там же. Гл. 25.
[18] Там же. Гл. 21.
[19] Приведем лишь один пример по этому вопросу: цена кораллов и жемчуга, купленных Тогон-Тэмур-хаганом для его жен и других родственников, равнялась сумме государственных денежных сборов за четыре года. См. Юань ши. Гл. 30.
[20] Юань ши. Гл. 205.
[21] Там же. Гл. 22.
[22] Цао-му-цзы, ч. 1, гл. 4.
[23] Сун сюэ-ши вэнь-цзи (Собрание сочинений ученого Суна). Гл. 3.
[24] Юань ши. Гл. 138.

[25] Чжан Янгао. Гуй-тянь лэй-гао. Гл. 2.
[26] Цзы-си вэнь-гао. Гл. 27, с. 10а—16б.
[27] Юань ши. Гл. 22.
[28] Там же.
[29] Сюй Южэнь. Чжи-чжэн цзи. Гл. 74.
[30] Дао-юань сюэ-гу лу. Гл. 23.
[31] Юань ши. Гл. 32.
[32] Даолаша-ноян командовал монгольскими войсками в Шанду.
[33] Юань ши. Гл. 27.
[34] Там же. Гл. 31.
[35] Гэн-шэнь вай-ши. 1959, с. 47.
[36] Юань ши. Гл. 140.
[37] Там же.
[38] Там же. Гл. 205.
[39] Там же. Гл. 46.
[40] Там же. Гл. 206.
[41] Цзяо И. Гай-юй цун-као. Гл. 101.
[42] Борьба против монгольских завоевателей под лозунгами религиозно секты «Белый лотос» началась в Северном Китае при Хубилай-хагане и усилилась после убийства влиятельного сановника Ахмада в 1282 г. Монгольские завоеватели перебили множество крестьян в Северном Китае за тайное убийство Ахмада, якобы совершенное членами секты.
[43] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 349.
[44] Сун сюэ-ши вэнь цзи, гл. 2.
[45] Обширная биография Хань Линьэра помещена в гл. 122 «Мин ши».
[46] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 450; Юй Баян. Нэй мэн-гу ли-ши гай-яо, с. 52.
[47] Бэй Цюн. Цзин-цзян Бэй сянь-шэн цзи. Гл. 2.
[48] Юань ши. Гл. 142.
[49] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 350.
[50] См. биографию Чаган-Тэмура в «Юань ши». Гл. 141.
[51] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 350.
[52] После того как Чаган-Тэмур был отравлен в 1362 г. в пров. Шаньдун, его сын Кокэ-Тэмур, приняв командование войсками отца, разгромил много крупных повстанческих отрядов «красных повязок».
[53] См. биографию Даши-батура в «Юань ши». Гл. 142. В то время Даши-батур командовал главными силами войск таммачи (монгольскими оккупационными силами) в Южном Китае. Он придерживался того мнения, что китайцев надо подавлять с помощью китайских войск и китайскими методами.
[54] Материалы о восстании «красных повязок» конца эпохи Юань см.: Тун Чэнсюй. Пин Хань лу (Описание усмирения государства Хань); Хуан Бяо. Пин Ся лу (Описание усмирения государства Ся); У Куань. Пин У лу (Описание усмирения государства У).
[55] Чжу Юаньчжан был основателем и первым императором династии Мин, созданной после уничтожения династии Юань. Занимая императорский трон в течение 31 года (1368—1399), он осуществлял жестокую политику по отношению к монголам.
[56] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 350.
[57] См. биографию Сюй Да в «Мин ши». Гл. 125. В этой биографии восхваляются сверх меры подвиги этого полководца.
[58] Лу Алтан тобчи. Кн. 1, с. 122; Шара туджи, с. 55.
[59] В «Юань ши» о бегстве Тогон-Тэмура из Пекина после падения династии Юань написано: «В день сизой коровы вставной луны 28-го года Чжичжэнь (16 сентября 1368 г.) белая радуга на небе тянулась к солнцу. Вся деятельность в Столичной провинции прекратилась. [Император] издал указ Тэмур-Буха управлять государственными делами и назначить Тунгара левым министром Великого императорского секретариата (чжун-шу-шэн) и им обоим оборонять столицу. В день красного тигра (17 сентября 1368 г.) император во дворце Цин-ань-дянь собрал хатун, наследника престола и царевича и обсуждал с ними уход от армии [противника] и отправку на север. Когда

же чиновник Ширэмун, чиновник Военного совета (шу-ми-юань) Хэсы и чиновник Баян-Буха стали увещевать его, говоря, что это невозможно, [император] не послушался. Поэтому Баян-Буха горько заплакал и сказал: „Поднебесная принадлежала Хубилай-хагану! Вам, император, защищать ее и стоять насмерть. Зачем оставлять ее! Мы, чиновники, охотно выйдем за ворота столицы с солдатами, жителями и гвардейцами и сразимся с врагом. Умоляю, ваше величество, упорно защищать город!“ Император совсем не слушал его. В полночь он выехал за ворота Цзянь-дэ-мэнь и поехал на север. В день белой обезьяны 8-й луны (4 октября 1368 г.) армия Великой Мин вошла в столичный город».

60 Инчан был пограничным городом, построенным в эпоху Хубилай-хагана на берегу оз. Чаган-нор на территории Кэшиктэнского хошуна Внутренней Монголии.

61 Рашипунцуг. Дай йуваи улус-ун болор эрикэ. Кн. 3, с. 328—329.

62 Майдирибала был внуком Тогон-Тэмура и родным сыном Аюширидары. Он прибыл в Инчан вместе с Тогон-Тэмуром. Он, возможно, был тайно схвачен китайскими чиновниками и выдан минской армии.

63 Мин ши. Гл. 124.

64 Юй Баян. Нэй мэн-гу ли-ши гай-яо, с. 65.

65 БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 415.

66 Тогус-Тэмур был вторым сыном Тогон-Тэмура и младшим братом Аюширидары. Он был талантливым полководцем, поддерживающим политику Тогон-Тэмура, направленную на то, чтобы не капитулировать перед империей Мин.

67 Му Ин был воспитанником Чжу Юаньчжана. Он скрывался вместе с матерью, чтобы не попасть на военную службу. Минский император Чжу Юаньчжан подобрал сироту после смерти его матери, обучал его кавалерийскому делу до 18 лет и назначил командовать конницей. В Монголии он произвел большие разрушения и перебил множество людей.

68 Мин ши. Гл. 126.

69 Там же.

70 Там же.

71 БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 414—415.

72 По некоторым источникам, император отправил полководца Сюй Да.

73 Сюань-лань-тан цун-шу сюй-цзи. Т. 96. Письма минских императоров, адресованные монгольским хаганам, также перепечатаны в «Мин ши-лу» («Правдивые описания династии Мин») и «Шуй-юй чжоу-цзы лу». Рассматриваемое письмо было переведено на монгольский язык ученым Чимэд-Цэрэном по тексту «Шуй-юй чжоу-цзы лу».

74 Сюань-лан-тан цун-шу сюй-цзи. Т. 96.

75 Там же.

76 Юн-лэ фактически является названием годов правления этого императора. В действительности его звали Чжу Ди, по посмертному титулу — Чэн-цзу. В большинстве монгольских источников он фигурирует по наименованию годов правления. Существует легенда о том, что он был хорошим наездником и знал, как воевать с монголами, потому что родился от монгольской хатун.

77 БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 421. В некоторых исторических работах назван 1410 год, но в цитированном труде событие отнесено к 1412 г.

78 Шуй-юй чжоу-цзы лу. Гл. 17.

79 Мин ши. Гл. 327. Да-да чжуань (История татар). Об этом событии содержатся подробные сведения в Бэй-чжэн лу (Описание карательного похода на Север) Цзин Юйцзы.

80 Мин ши. Гл. 127.

81 В эпоху Мин прошло немало времени, пока Пекин стал столицей империи. Китайские ученые, спорившие между собой по этому вопросу, решили считать город столицей со дня вступления на трон императора Юн-лэ, но он был официально провозглашен столицей империи лишь 18 лет спустя, т. е. в 1420 г.

[1] Труды перечисленных ученых рассматриваются ниже.
[2] Ш. Бира. XIII—XIV зууны монголын соел, с. 381—409.
[3] Н. Ишджамц. XIII—XIV зууны монголын соел (Культура Монголии XIII—XIV вв.).— «Туухийн судлал». 1974, с. 73—99.
[4] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2, с. 123—124.
[5] Там же. Т. 1, кн. 1, с. 124.
[6] С древнейших времен монголы улучшали методику выращивания скота, перерабатывали различные виды продукции, получаемой от животноводства, для изготовления предметов одежды и войлока хорошего качества и употребляли их в повседневной жизни. В XIII в. они, как писал В. Рубрук, делали беленый белый и тонкий черный войлок (Пл. Карпини и В. Рубрук. История монголов и Путешествие в восточные страны, с. 92). Плано Карпини, Пэн Дая и Сюй Тин писали о том, что монголы строили большие красивые юрты и изготовляли кибитки (с. 28—29); см. также Пэн Дая и Сюй Тин. Хэй-да ши-люэ, с. 138—139. Под влиянием соседних культурных стран у монголов заметно повысились знания в области градостроительства и улучшилась технология изготовления различных изделий ремесленного производства.
[7] Пл. Карпини и В. Рубрук. История монголов и Путешествие в восточные страны, с. 96—97.
[8] Там же.
[9] См.: Д. Майдар. Монголын архитектур ба хот байгуулалт.
[10] Пл. Карпини и Г. Рубрук. История монголов и Путешествие в восточные страны, с. 91.
[11] Там же, с. 27.
[12] См. Тайная история монголов. § 1, 96.
[13] Там же. § 133.
[14] Там же. § 211.
[15] БНМАУ-ын туух, с. 410.
[16] Тайная история монголов. § 117.
[17] Там же. § 133.
[18] См.: Ц. Дамдинсурэн. Монголын уран зохиолын туух (История монгольской литературы). Мукден. 1957, с. 27.
[19] Юань ши. Гл. 124, с. 6а.
[20] Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, с. 22.
[21] Там же, с. 20—21.
[22] БНМАУ-ын туух, с. 188—191.
[23] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1, с. 75.
[24] Юань ши. Гл. 124, с. 7а.
[25] Там же. Гл. 125, с. 8б.
[26] Ata-Malik Juvaini. The History of the World-Conqueror.
[27] Пэн Дая и Сюй Тин. Хэй-да ши-люэ.
[28] Там же, с. 36.
[29] Там же.
[30] Юань ши. Гл. 7, с. 5а.
[31] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1, с. 67.
[32] Многие ученые предложили свое чтение текста на «Чингисовом камне». Из них наиболее обоснованным является чтение Х. Пэрлээ. См.: Х. Пэрлээ. Гурван огуулэл, с. 12.
[33] P. Pelliot. Les Mongols et la Papauté. Extrait de la Revue de l'Orient chretien, 3 sér., t. III (XXIII), № 1, 2 (1922—1923).
[34] О. Намнандорж. Монх хааны хошоо ба ордыг олж судалсан тухай, 1956.
[35] Чойджи-Одсэр был ученым-полиглотом, жившим при Олджэйту-Тэмуре, Хайсан-Кулуге и Буянту-хагане. О «Джурэкэн-у толта» Чойджи-Одсэра было сказано: «Высший святой Чойджи-Одсэр изложил свое учение о монгольских буквах в сочинении Джурэкэн-у толта... изучив все когда-либо появлявшиеся

слова, классифицировал буквы по группам и слоги—по элементам» (см. Монгол кэлэн-у дурсгалту бичиг. 1959, с. 51). Чойджи-Одсэр в своем сочинении «Джурэкэн-у толта» составил комбинации 14 согласных букв, содержащихся в сочинении Сакья-пандиты, с 7 гласными а, е, у, о, и, ö, ÿ и получил 123 слога. Он объяснил сочетаемость гласных и согласных букв и впервые разделил монгольские буквы на сильные, «пустые» и нейтральные.

[36] Считается, что лама Гунгаджалцан (1172—1251), который прибыл в Цинхай из Тибета по приглашению сына Огодэй-хагана Кодона в 1246 г., написал грамматическое сочинение «Джурэкэн-у толта». Возможно, что Чойджи-Одсэр использовал это сочинение в своей работе.

[37] Это письмо французскому королю Филиппу Красивому, посланное в 1305 г. великим ханом Олджэйту-Тэмуром. Оригинал его является ценнейшим материалом для изучения монгольского языка и письма того времени. До сих пор неизвестно, ответил ли Филипп Красивый на это письмо, излагавшее принципы политики монгольского хагана, который хотел, установив мирные отношения с Западной Европой, беспрепятственно захватить Египет. Сохранилось только письмо английского короля Эдуарда II на имя великого хана Олджэйту. Многие ученые переводили на европейские языки письмо Олджэйту. Из них наиболее удачен перевод В. Котвича. В связи со столетием со дня рождения В. Котвича его исследование было переведено с французского на монгольский нашим молодым ученым Ц. Шагдарсурэном.

[38] Полный текст на уйгуро-монгольском алфавите под заглавием «Татарские письма» содержится в гл. 36 собрания «Сюань-лань-тан цун-шу сюй-цзи», но он до сих пор еще не опубликован и не изучен. Кроме того, автор этих строк в 1955 г. обнаружил отрывки из таких писем, собранные под заголовком «Татарские письма» в архиве императорского дворца в Пекине.

[39] Советский ученый Н. Ц. Мункуев опубликовал несколько фрагментов на уйгуро-монгольском алфавите из Хара-Хото, которые, возможно, восходят к монгольскому тексту Да-юань тун чжи (Всеобщие законы Великой династии Юань). См.: N. Ts. Munkyev. Two Mongolian Printed Fragments from Khara-khoto.

[40] Хотя «Сяо-цзин» (Книга о сыновнем почтении) был переведен на монгольский в эпоху Юань, но текст не сохранился. В период Мин в 1382 г. Ачлалту был опубликован Академией литературы, возможно, по тексту юаньского периода. Х. Лувсанбалдан, изучавший Ачлалту, в 1961 г. напечатал книгу «Ачлалту номын тухай» («О книге Сяо-цзин»).

[41] Фрагмент письма на уйгуро-монгольском письме, найденного в Турфане, был опубликован Э. Хэнишем.

[42] В двух угловых субурганах 108 храмов вблизи Шанду (Кайпин) хранилось много книг юаньского периода на уйгуро-монгольском алфавите. Большинство их погибло. Отдельные экземпляры их, найденные в разных местах, изучаются во Внутренней Монголии.

[43] Документы XIV в. были исследованы Г. Рамстедтом, Э. Хэнишем, А. Мостартом и Ф. В. Кливзом.

[44] Эта надпись 1340 г. была изучена Х. Лувсанбалданом, опубликовавшим статью о ней. См.: Х. Лувсанбалдан. Аруг вангийн хошоонийн бичиг. У. Б., 1962.

[45] Надпись на стеле 1346 г. изучена В. Котвичем и Н. Поппе. См.: В. Котвич. Монгольские надписи в Эрдэни-дзу.— Сборник Музея антропологии и этнографии, 5, 1918; Н. Поппе. Отчет о поездке на Орхон летом 1926 года. Предварительный отчет лингвистической экспедиции в Северную Монголию за 1926 г. Л., 1929.

[46] В 1926 г. В Котвич напечатал статью о надписи Толог-Тэгуса 1323 г. на скале в Дуньхуане.

[47] Эти надписи были изучены Ц. Дамдинсурэном, опубликовавшим статью на русском языке. См.: Ц. Дамдинсурэн. Древнемонгольские надписи на скале у подножия горы Богдо-ула.— Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Труды Бурятского КНИИ. Вып. 8, 1962.

[48] Надпись на могиле Чжан Цзинжуя 1335 г. была исследована

Ф. В. Кливзом. См.: F. W. Cleaves. The Sino-Mongolian Inscription of 1335 in Memory of Chang Ying Gui.— HJAS. Vol. 13, 1950.

[49] F. W. Cleaves. The Sino-Mongolian Inscription of 1338 in Memory of Jigüntei.— HJAS. Vol. 14, 1951.

[50] В квадратном алфавите, по некоторым источникам, насчитывалось 43 буквы, а по «Юань ши»,—41 буква. Но число тех букв, которые употреблялись для написания монгольских слов, в этом письме не превышает 28. См.: Ж. Надмид. Монгол хэл, тууний бичгийн туухэн хогжлийн товч тойм, с. 55.

[51] Тибетский лама из монастыря Сакья Пагба Лодойджалцан, «государственный учитель» Монгольской империи, родился в 1235 г. В 1253 г. он впервые встретился с Хубилаем в возрасте 18 лет. В 1258 г. Пагба-лама был принят Монкэ-хаганом и получил приказ переводить буддийские сутры на монгольский язык.

[52] Юань ши. Гл. 202, с. 2а.

[53] Юань ши. Гл. 7, с. 18а; гл. 8, с. 22а.

[54] Ло Чанпэй и Цай Мэйбяо. Ба-сы-ба цзы юй Юань-дай ханьюй, с. 22—23.

[55] Тун-чжи тяо-гэ. Гл. 31, с. 36.

[56] Там же, с. 37.

[57] Там же.

[58] Юань ши. Гл. 10, с. 6б.

[59] Там же. Гл. 11, с. 9а.

[60] Тао Цзунъи. Нань-цунь чжо-гэн-лу. Гл. 19.

[61] Юань ши. Гл. 8, с. 22а; гл. 202, с. 2а.

[62] Там же. Гл. 81, с. 1б.

[63] Там же.

[64] Там же.

[65] Тун-чжи тяо-гэ. Гл. 31, с. 37.

[66] Там же, с. 38.

[67] Юань ши. Гл. 81, с. 2б, 3а.

[68] Там же, с. 1б.

[69] Там же.

[70] Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2, с. 13—29.

[71] Некоторые ученые считают, что «Тайная история монголов» была написана не в 1240, а в 1264 г. Но последняя дата несостоятельна. Возможно, в этом году «Тайная история монголов» была переведена на китайский язык.

[72] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 390.

[73] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, с. 7.

[74] Ш. Бира. XIII—XIV зууны монголын соел.— БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 392.

[75] См.: Ш. Нацагдордж. Цагаан туухийн тухай (О «Чаган тэукэ»).

[76] «Чаган тэукэ» сохранилась до нашего времени в редакции Сэчэн-хунтайджи XVII в., подготовленной путем сверки текста с древним экземпляром, принадлежавшим некоему уйгуру.

[77] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 393.

[78] Под руководством ученого Тогто за короткий срок — всего за три года (1343—1345) были составлены труды объемом в 700 глав.

[79] См.: Ц. Дамдинсурэн. Монголын уран захиолын дээж бичиг зуун билэг оршив.

[80] Ц. Дамдинсурэн. Монголын уран зохиолын тойм, с. 57.

[81] «Бодхичарьяватара» была переведена с тибетского на монгольский в году серой змеи (1305) и напечатана с комментарием в году черной мыши (1312). Комментарий к десяти главам «Бодхичарьяватара», написанный Чойджи-Одсэром, представляет собой важную часть его произведений того времени.

[82] Он перевел на монгольский «Панчаракша» и написал стихотворный колофон к ней в год желтой обезьяны (1308).

[83] Б. Я. Владимирцов. Панчатантра, с. 1—2.

[84] «Цзы-чжи тун-цзянь» («Всеобщее зерцало, помогающее управлению») было написано сунским историком Сыма Гуаном (1019—1086) в 1084 г. Этот

труд, направленный на укрепление феодальных порядков, по-видимому, был переведен на монгольский и издан на квадратном и уйгуро-монгольском алфавитах в 1269—1271 гг.

[85] «Сяо-цзин» («Книга о сыновнем почтении»), относящаяся к 200 г. до н. э., содержит учение Конфуция. Она была переведена с китайского монгольским ученым Бул-Тэмуром в году красной овцы (1307).

[86] «Да-сюэ» («Великое учение») было переведено на монгольский на квадратном алфавите. Неизвестно точно, в каком году был сделан перевод. В гл. 81 «Юань ши» упоминается, что в 24 г. чжи-юань (1288) ученики Академии сынов отечества изучали «Да-сюэ». Следовательно, в тот период оно существовало уже в переводе.

[87] Монгольский ученый Шераб-Сэнгэ в XIV в. перевел «Сутру золотого блеска» с уйгурского и тибетского на монгольский и опубликовал ее.

[88] В период правления Туг-Тэмура в году белой лощади (1330) была переведена с уйгурского на монгольский «Сутра о Большой Медведице», содержащая буддийские и шаманские идеи. Возможно, перевод ее был осуществлен монгольским ученым Алин-Тэмуром. См.: Ц. Дамдиисурэн. Зуун билигийн дээж оршивай (Сто наилучших мудрых изречений), с. 131—136.

[89] «Субхашитаратнанидхи» была переведена с тибетского на монгольский в конце XIII — начале XIV в. ученым Соном-гарой. Венгерский ученый Л. Лигети в 1929 г. опубликовал ее экземпляр, изданный в XIV в. в уйгуро-монгольской графике, найденный им во Внутренней Монголии. В 1958 г. «Субхашитаратнанидхи» была опубликована в Хухэ-Хото под названием «Сокровищница мудрых изречений».

[90] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 408—409.

[91] В 1957 г. самодеятельный оркестр рода наси пров. Юньнань исполнял мелодии времен Хубилай-хагана. Все музыканты носили длинные халаты, как монголы. Они рассказывали, будто князь их рода наси Му Тянь в свое время тепло принял великого хана Хубилая, прибывшего в Юньнань с армией, и оказал ему великие услуги на войне. Хубилай-хаган был очень доволен и отдал князю в награду часть своего походного оркестра вместе с нотами монгольских песен. В оркестре до сих пор сохраняются традиции далеких предшественников. Мелодии времен Хубилая очень грустны и теперь исполняются на похоронах. Некоторые музыканты из оркестра знали даже отдельные монгольские слова. См. «Жэньминь жибао». 1957, № 148.

[92] Чжоу Илянь. Чжун-го юй я-си чжу го хэ-пин гуань-си ли-ши, с. 148.

[93] Пагба впервые встретился с Хубилаем в 1253 г. в возрасте 18 лет и вошел к нему в доверие. В 1258 г. Монкэ-хаган приказал ему заняться переводом буддийской литературы на монгольский язык. В 1260 г. он был удостоен титула «великого дорогого учителя веры». Умер в 1279 г. Когда он умер, Хубилай сильно скорбел. В 1321 г. по указу Гэгэн-хагана был построен храм в честь Пагбы. В 1324 г. Есун-Тэмур приказал написать портрет Пагбы и распространить по империи. Эта ценная историческая картина, изображающая Пагбу на аудиенции у Хубилай-хагана, до сих пор хранится в главном храме г. Лхасы.

[94] Так называемый Жемчужный указ Хубилай-хагана содержится в тибетской сутре «Сакья дунраб» (с. 94—95). Последняя представляет собой ценный источник для изучения буддизма и монголо-тибетских отношений периода Юань. Часть этой книги хранится в книжном фонде Института истории АН МНР.

[95] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 299.

[96] Сакья — название горы со снежной вершиной в области Цзан, где был построен красивый буддийский монастырь. Там в 1073 г. лама Гончигджалцан возглавил самостоятельную секту буддизма. Поэтому ламы, представители этого направления, именуются сакьяскими. Знаменитыми сакьяскими ламами были Гунгаджалцан (1034—1102), Чойджи-Одсэр и др.

[97] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 299.

[98] Там же.

[99] Д. Цэрэнсодном. XIV зууны уеийн яруул найрагч Чойджи-Одсэр, с. 21.

[100] Юань ши. Гл. 16, с. 26б.

[101] БНМАУ-ын туух. Т. 1, с. 452. Дорджи Банзаров писал: «При монгольской династии Юань буддизм имел успехи больше при дворе пекинском и между знатью, нежели монгольским народом, который еще не оставил шаманства». См.: Дорджи Банзаров. Собрание сочинений, с. 97.

[102] Жертвоприношение предкам и обращение к шаманам и шаманкам для камлания были древними обычаями монголов. В период существования единого монгольского государства эти требы превратились в грандиозные обряды. С периода Юань жертвоприношение предкам стало совершаться под названием «вызывание духа Чингис-хана». Об этом содержатся подробные сведения в «Юань ши».

[103] Жертвоприношение духам обо представляет собой один из главных шаманских обрядов. В системе шаманских верований существовали особые гении-хранители — духи обо. На жертвоприношениях духам обо шаманы прежде всего «вызывали» этих духов. Они считались первыми во всей иерархии духов.

[104] Жертвоприношение огню — один из шаманских обрядов. Совершались большие жертвоприношения огню с целью постоянного «возрождения» огня в очаге, завещанного Есугэй-багатуром. В Монголии большой костер, полный горящих угольев, назывался «царем огня». В период существования единого монгольского государства был обычай приносить в жертву огню тушу белой кобылицы и грудинку белой овцы. Подробные сведения о жертвоприношении огню содержатся в рукописях «Гал тахилганы судар» («Сутра о жертвоприношениях огню») и «Галын ероол» («Еролы об огне»), хранящихся в Государственной библиотеке МНР.

[105] Когда охотникам не удавалось добыть зверя, они приглашали шамана для совершения обряда «ганзага дуудах» — «вызывание [духов] тороки». Шаман смазывал тороку кровью какого-нибудь зверя и шаманствовал, обращаясь к духу с призывами: «О торока, дух мой, будешь наполняться [всегда] добычей-гордостью!» См. Ганзагын судар (Сутра о тороке). Рук. ГБ МНР.

[106] В XIII—XIV вв. среди монголов была распространена практика разгадывания снов с помощью шаманов и шаманок. По этому вопросу существует много сведений в источниках. Кроме того, иностранные путешественники и литераторы также с интересом подробно писали о разгадывании снов у монголов.

[107] Вызывание духов, представлявшее собой часть шаманского ритуала, было одним из методов одурманивания народа. По шаманским верованиям, если дух человека покидал тело, полагалось производить камлание — вызывать духа, высекая огонь с помощью кремня с огнивом или приманивая его к больному, развязав тому пояс, и возвратить человеку покинувшего его духа.

[108] В «Юань ши» содержатся подробные сведения о том, что в XIII в. монголы вызывали шаманов для камлания с целью избавления от стихийных бедствий.

[109] По этому вопросу содержатся записи в § 133 и 135 «Тайной истории монголов». В монгольском языке XIII в. слово «ситу'эн», по-видимому, употреблялось в значении «место жертвоприношения». В некоторых районах Внутренней Монголии храм, где производятся жертвоприношения, до сих пор называется этим словом.

[110] См. Тайная история монголов. § 121.

[111] В «Тайной истории монголов» встречается много сообщений по этому вопросу. См.: Д. Банзаров. Черная вера или шаманство у монголов.— Собрание сочинений, с. 54.

[112] Тайная история монголов. § 254. По приказу Чингиса Отчигнин убил Кокочу (Тэб-Тэнгри).

[113] Чингисхан низко кланялся в сторону горы Бурхан-Халдун, произнося: «О высокая, всевышняя Бурхан-Халдун, ставшая защитой для нас, сирот,

мы вечно будем каждое утро угощать тебя и каждый день приносить тебе жертву!» См. Тайная история монголов. § 103.

114 Шаман Кокочу (Тэб-Тенгри) был четвертым из семерых сыновей Монглиг-эчигэ из племени хонхотан.

115 Тайная история монголов. § 244, 245, 246; Б. Я. Владимирцов. Чингис-хан.

116 Тайная история монголов. § 272.

117 Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, с. 157.

118 Юань ши. Гл. 74, с. 1а.

119 Марко Поло писал о шаманах: «Некоторые из них и в особенности первенствующие знают нечто из астрономии и предсказывают им (монголам.— *Ч. Д.*) затмение солнца и луны. И когда это должно случиться, весь народ выходит за двери своего дома. И когда происходит затмение, они бьют в барабаны и другие инструменты, производя великий шум и крик» (Книга Марко Поло, с 90).

120 K. D'Ohsson. Histoire des Mongols.

121 Дархатский шаман Дж. Дамдин рассказывал о том, что шаманы сразу же после распространения новой религии повели борьбу с ней. Этот вопрос освещен в монографии С. Бадамхатана «Ховсголийн дархад ястан», с. 234. Баргутская шаманка Д. Луса говорила: «Во времена Чингис-хана религия бон могла распространиться в Монголии. Но тогда шаманы совершили камлание и отогнали представителей бон». См.: Ч. Далай. Барга боогийн дуудлага (Вызывание духов баргутскими шаманами). Рук.

122 С. Бадамхатан. Барга, дархад боо нарын аман домгоо (Из устных сказаний баргутских и дархатских шаманов).— Ховсгэлийн дархад ястан, с. 226—227.

123 Исибаси в работе «Пекин но саманкё-ни пуйтэ» приводит интересные сведения о шаманстве и жертвоприношениях эпохи Юань.

124 Юань ши. Гл. 77, с. 5а.

125 Там же, с. 5а—б.

126 Ч. Далай. Монголын боогийн морголийн товч туух, с. 24.

127 При камлании в хаганском дворце изготовлялся серебряный идол духа-хранителя — онгона, в домах других представителей знати — железный и в юртах простолюдинов-харачу — деревянный или каменный.

128 Ц. Дамдинсурэн. Монголын уран зохиолын тойм, с. 253; Ч. Далай. Барга боогийн дуудлага.

129 Ч. Далай. Монголын боогийн морголийн товч туух (Краткая история монгольского шаманства), с. 37.

ХРОНОЛОГИЯ ВАЖНЕЙШИХ СОБЫТИЙ

1260 — Возведение на престол Монголии двух хаганов: Ариг-Бога в Каракоруме и Хубилая в Кайпине. Назначение Пагба-ламы «государственным учителем» веры.

1261 — Битва между сыновьями Толуя Ариг-Богом и Хубилаем в войне за хаганский престол.

1263 — Создание управления скотоводства в Монголии. Издание нового закона о ямской службе в Монголии.

1264 — Решение Хубилай-хагана о переносе столицы из Кайпина в Пекин. Поражение Ариг-Бога и его капитуляция перед Хубилаем.

1266 — Смерть Ариг-Бога. Направление первого монгольского полномочного посла в Японию.

1267 — Начало строительства Хубилай-хаганом новой столицы империи Ханбалгасуна северо-восточнее Пекина.

1268 — Начало работы в Академии истории монголов.

1269 — Создание монгольского училища квадратной письменности.

1270 — Завершение строительства города Ханбалгасун. Направление монгольского посла в Японию.

1271 — Провозглашение Хубилаем монгольской империи Юань. Переименование Пекина в Ханбалгасун и Кайпина в Шанду. Приезд итальянского купца Марко Поло в монгольскую империю.

1272 — Создание военно-пахотных поселений.

1273 — Первая попытка вторжения в Японию войск Хубилай-хагана на 4500 судах. Захват монгольской армией важной южносунской крепости Санъян.

1274 — Прибытие личного посла английского короля Эдуарда I ко двору монгольского хагана в Иране Абаги. Прибытие посла Папы Римского к Абаге.

1275 — Прибытие монгольского полномочного посла Хубилай-хагана ко двору южносунского императора с требованием капитуляции. Написание Пагба-ламой исторического сочинения «Боджи жалраб».

1277 — Восстание 200 тыс. крестьян против господства монгольских завоевателей в Китае. Создание в Монголии казенного чиновничьего управления для руководства скотоводством.

1278 — Написание государственным учителем веры Пагба-ламой теоретического сочинения «Сакья-рабсал».

1279 — Захват всего Китая армией Хубилай-хагана и уничтожение династии Южная Сун. Создание свыше 70 ремесленных мастерских с 400 тыс. ремесленников.

1280 — Обновление закона о ямской службе в Монголии. Захват Бирмы 10-тысячной армией Хубилая.

1281 — Безуспешная попытка вторжения в Японию 140-тысячной армии под командованием монгольского генерала Алахана. Прибытие послов стран Южных морей к Хубилай-хагану с дарами.

1282 — Издание «Тун-цзянь ган-му» («Всепроникающее зерцало») на монгольском языке в уйгуро-монгольской графике в Ханбалгасуне. Нападение 50-тысячной армии Хубилая на государства о-ва Ява. Издание «Сяоцзин» на монгольском языке.

1283 — Новый поход армии Хубилая в Бирму. Строительство корейцами по приказу хагана 500 новых судов.

1284 — Победа вьетнамского народного ополчения над оккупационной армией монгольского генерала Тогона.
1286 — Новая эмиссия Хубилай-хаганом бумажных денег юань — инь — чао.
1287 — Подчинение Бирмы династии Юань. Возвращение на родину Марко Поло, прожившего в монгольской империи 16 лет. Прибытие послов монгольского великого хагана в Рим, Париж и Лондон.
1288 — Перевод на монгольский язык конфуцианского сочинения «Да-сюэ» («Великое учение»).
1289 — Мятеж монгольских ноянов против Хубилай-хагана.
1290 — Направление монгольским ханом в Иране Аргуном послов к Папе Римскому Николаю IV.
1291 — Завершение строительства Хубилай-хаганом в Китае судоходного канала длиной в 250 ли.
1292 — Экспедиция монгольской армии Хубилай-хагана на Яву и другие острова Индонезийского архипелага и установление там монгольского господства.
1294 — Смерть Хубилай-хагана. Назначение Гаммалы цзинь-ваном для ведения государственных дел собственно Монголии.
1295 — Вступление на хаганский престол Олджэйту-Тэмура. Смерть полководца монгольской армии Баяна.
1297 — Расширение города Каракорума. Запрещение винокурения и торговли водкой в Монголии.
1301 — Смерть внука Огодэя Хайду, боровшегося с Хубилаем более 40 лет.
1302 — Направление посольства к Папе Римскому монгольским ханом в Иране Газаном.
1303 — Прекращение междоусобных войн между представителями монгольской знати.
1305 — Написание грамматического сочинения «Джурэкэн-у толта» и перевод сутры «Бодхичарьяватары» на монгольский язык ученым Чойджи-Одсэром.
1307 — Перевод сочинения Конфуция «Сяо-цзин» («Книга о сыновнем почтении») на монгольский язык ученым Бул-Тэмуром. Смерть Олджэйту-хагана (Тэмур-хаган). Вступление на хаганский престол Хайсан-кулуга (1281—1311). Перевод «Панчаракши» на монгольский язык Чойджи-Одсэром. Назначение Харахасуна «левым министром» по управлению Северной Монголией.
1309 — Мятеж нояна Алхуй-Тэмура во главе 10 тыс. аратов-харачу.
1311 — Смерть хагана Хайсан-кулуга. Завершение исторического труда Рашид ад-Дина «Сборник летописей». Расширение и ремонт города Каракорума.
1312 — Вступление на монгольский хаганский престол Аюрбарибады. Написание и издание комментария к «Бодхичарьяватаре» ученым Чойджи-Одсэром. Собственно Монголия названа Линбэй (Страна к северу от хребта).
1314 — Освобождение аратов Монголии от налогов и повинностей на два года.
1315 — Издание Буянту-хаганом новых правил государственных экзаменов на занятие чиновничьих должностей.
1318 — Гибель известного историка Монголии персидского ученого-историка Рашид ад-Дина.
1320 — Смерть Буянту-хагана. Создание в Монголии управления военно-пахотных поселений.
1321 — Вступление на престол Шидэбалы (Гэгэн-хагана) (1303—1323). Начало разработки планов упорядочения дел по управлению монгольской империей Шидэбала-хаганом вместе с «мудрым министром Байджу».
1322 — Дополнение ученым Байджу свода законов империи Юань нормами административного права.
1323 — Смерть Байджу. Написание книги ученым Толог-Тэгусом.
1324 — Вступление на хаганский престол Есун-Тэмура (1276—1328).

1328 — Смерть Есун-Тэмур-хагана. Составление плана написания книги известным монгольским ученым Ариуном.
1329 — Вступление на хаганский престол Хошилы (1300—1329). Начало составления «Цзин-ши да-дянь» («Великие установления по управлению миром») под руководством известных монгольских ученых Алин-Тэмура, Дархана, Эл-Тэмура, Ариуна, Дороя, Сая и Худы. Совместный мятеж монгольских, китайских и корейских воинских частей против центрального правительства Китая.
1330 — Вступление на хаганский престол Туг-Тэмура (1300—1332). Появление новой редакции «Чаган тэукэ» ученого Барнаширн. Начало перевода «Сутры о Большой медведице» с уйгурского на монгольский язык.
1331 — Завершение составления «Цзин-ши да-дянь».
1332 — Смерть Туг-Тэмур-хагана. Вступление на престол семилетнего Ириндживалы (1325—1332), вошедшего в историю под именем «игрушечного хагана». Убийство Ириндживалы.
1333 — Вступление на хаганский престол Тогон-Тэмура (1320—1370).
1336 — Рождение Тэмур-хагана (Тамерлана, или «Тэмура Хромого»).
1337 — Указ о прекращении хлебосеяния в военно-пахотных поселениях Монголии.
1338 — Проведение инспектирования на территории Монголии Тогон-Тэмур-хаганом.
1340 — Восстание крестьян под руководством секты «Белого лотоса» против монгольских завоевателей в Китае.
1342 — Прибытие в Шанду посольства Папы Римского в составе 32 человек во главе с чрезвычайным послом Джоном. Аудиенция посольства у Тогон-Тэмура.
1345 — Завершение составления «Цзинь ши» («Истории династии Цзинь»), «Ляо ши» («Истории династии Ляо») и «Сун ши» («Истории династии Сун») в объеме более 700 глав.
1346 — Написание летописи «Улаган дэбтэр» («Красная книга») тибетским историком Гунгадорджи, специалистом в области истории Монголии. Завершение работ по реконструкции и ремонту в Каракоруме, начатых в 1342 г.
1352 — Редактирование «Цзинь ши» и написание других сочинений известным монгольским ученым Баяном.
1363 — Подавление восстания «красных повязок».
1365 — Мятеж Тугэн-Тэмура против Тогон-Тэмур-хагана в Барс-Хото.
1367 — Падение династии Юань и бегство Тогон-Тэмур-хагана в Монголию. Установление династии Северная Юань в Монголии и династии Мин в Китае.
1369 — Прибытие личного посла императора династии Мин к Тогон-Тэмуру с посланием. Начало составления «Юань ши» («История династии Юань»).
1370 — Смерть Тогон-Тэмур-хагана в Инчане. Вступление Аюширидары на хаганский престол в Инчане и возвращение столицы монгольской империи в Каракорум. Прибытие личного посла императора империи Мин к монгольскому хагану с посланием. Завершение составления «Юань ши».
1371 — Назначение Кокэ-Тэмура главнокомандующим всей монгольской армией.
1372 — Разгром монгольскими войсками под командованием Кокэ-Тэмура на р. Орхон 150-тысячной китайской армии, вторгшейся в глубь Монголии.
1378 — Смерть Аюширидара-хагана. Вступление на хаганский престол Тогус-Тэмура.
1380 — Вторжение китайских войск в Монголию. Сожжение Каракорума.
1384 — Составление монголо-китайского словаря «Хуа-и-и-юй».
1385 — Освобождение всего Китая от власти монголов.
1388 — Смерть Тогус-Тэмур-хагана.
1389 — Вступление на хаганский престол Усхала. Первое издание «Тайной истории монголов» на монгольском языке с китайским переводом.

БИБЛИОГРАФИЯ

Труды основоположников марксизма-ленинизма *

Маркс К. Из рукописного наследства К. Маркса.— Т. 12.
Маркс К. Капитал. Т. 3.— Т. 25. Ч. 2.
Маркс К. Маркс — Энгельсу, 2 июня 1853 г.— Т. 28.
Маркс К. Монголы в конце XIV века.— Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 6. М., 1938.
Энгельс Ф. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека.— Т. 20.
Маркс К. Хронологические выписки.— Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 5. М., 1938.
Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Т. 21.
В. И. Ленин Монголын тухай (В. И. Ленин о Монголии). Сб. У. Б., 1960.
В. И. Ленин о культуре и искусстве. Сб. М., 1956.

Постановления ЦК МНРП и произведения руководителей МНРП и МНР

Сухбаатар Д. Захидал бичгууд (Письма). У. Б., 1962.
Чойбалсан Х. Илтгэл ба огуулэл (Доклады и статьи). Т. 1—4. У. Б., 1951.
Чойбалсан Х. Монголын ардын үндэсний хувьсгалын анх үүсэн байгуулагдсан товч түүх (Краткая история возникновения национальной революции монгольского народа). У. Б., 1934.
Цеденбал Ю. Из истории развития и укрепления нерушимой дружбы монгольского и китайского народов.— «Вопросы истории». 1959, № 9.
Цеденбал Ю. Феодализмаас социализмд (От феодализма к социализму). У. Б., 1961.

Источники и литература

На монгольском языке

Алтан-Багана (пер.). Йуван улус-ун хаули чагаджин-у бичиг (Законы династии Юань). Рук., Научная б-ка Ин-та истории АН МНР.
Алтан-Очир. Дотгад монгол хэмэгэху бичиг (Внутренняя Монголия). Кн. 1. Рук. ГБ МНР.
Амур А. Монгол-ун тобчи тэукэ (Краткая история монголов). Кн. 1. У. Б., 1934.
Арбан буйанту ном-ун чаган тэукэ (Белая история о десяти добродетелях). Рук. ГБ МНР.
Асарагчи нэрэту-йин тэукэ (История именуемого Асарагчи). Подг. к изд. Х. Пэрлээ. У. Б., 1960.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса цитируются по 2-му изданию.

Бадамхатан С. Хөвсгөлийн цаатан ардын аж байдлын товч (Краткая история хувсугульских оленеводов). У. Б., 1962.
Бадамхатан С. Хөвсгөлийн дархад ястан (Хубсугульские дархаты). У. Б., 1969.
Бадрах Г. Монголын эртний үеийн хувцасны өгүүлбэр (Образцы древней монгольской одежды). Рук. ГБ МНР.
Бадрах Г. Монголын хөгжмийн түүхээс (Из истории развития Монголии). У. Б., 1960.
Бату-Очир Ч. Монггол улус-ун эртэн эчэ уламджилан ирэгсэн-и тобчилан тэмдэглэгсэн бичиг (Краткие заметки о древних традициях монгольского государства). У. Б., 1928.
Баянчулуун Б. Дөрвөн ойрдын түүх (История четырех ойратов). Рук. ГБ МНР.
Баянчулуун Б. Аж ахуйн тэмдэглэл (Заметки о хозяйстве). Рук. ГБ МНР.
Бира Ш. XIII—XIV зууны монголын соёл (Культура Монголии XIII—XIV вв.).— БНМАУ-ын түүх (История МНР). Т. 1. У. Б., 1966.
Бира Ш. Монголын хуучны түүх бичлэгийн зарим нэг асуудал (Некоторые вопросы старой монгольской историографии).— «ШУА-ийн мэдээ». У. Б., 1966, № 1.
Бира Ш. Монголын түүх бичлэг (Монгольская историография).— БНМАУ-ын түүх (История МНР). Т. 1, У. Б., 1966.
БНМАУ-ын түүх (История Монгольской Народной республики). Т. 1. Отв. ред. Ш. Нацагдорж. У. Б., 1966.
БНМАУ-ын түүх (История Монгольской Народной республики). Т. 1—3. У. Б., 1966—1969.
Богда багатур бийэ бэр дайилагсан-у тэмдэглэл (Записки о личных войнах священного героя). Пер. Данда. Рук. ГБ МНР.
Гал тахилганы судар (Сутра о жертвоприношениях огню). Рук. ГБ МНР.
Галдан. Эрдэни-йин эрикэ (Драгоценные четки). Подг. к изд. Ц. Насанбалжира. У. Б., 1960.
Галын ероол (Еролы об огне). Рук. ГБ МНР.
Ганзагын судар (Сутра о тороке). Рук. ГБ МНР.
Гомбожав С. Монголчуудын төвд хэлээр зохиосон зохиолын зүйл (Литература монголов на тибетском языке). У. Б., 1959.
Гонгор Д. Халх товчоон I. Халх монголчуудын өвөг дээдэс ба халхын хаант улс. VIII—XII зуун (Краткая история Халхи I. Предки халха-монголов и Халхаское ханство VIII—XII вв.). У. Б., 1970.
Гонгор Д. Халх товчоон II. (Краткая история Халхи II). У. Б., 1979.
Гонгор Д. Халхын хаант услын түүхийн зарим асуудал VIII—XVII зуун (Некоторые вопросы истории Халхаского ханства VIII—XVII вв.).— ШУА-ийн мэдээ. 1967, № 4.
Далай Ч. Монголын бөөгийн мөргөлийн товч түүх (Краткая история монгольского шаманства). У. Б., 1958.
Далай Ч. Ар Юан улсын монгол-хятадын харилцааны асуудалд (К вопросу о взаимоотношениях Монголии и Китая периода государства Северной Юань).— Труды III Международного конгресса монголоведов. Т. 1. У. Б., 1979.
Далай Ч. Монгол-хятадын харилцаа XIII—XIV зуун (Монголо-китайские отношения. XIII—XIV вв.).— «Дорнодахины асуудал». 1978, № 1.
Далай Ч. Юан улсын судар-ын монгол орчуулга (Монгольский перевод Юань ши).— Труды II Международного конгресса монголоведов. Т. 1. У. Б., 1973.
Далай Ч. Юан гүрний үеийн монголын түүхийн зарим асуудал (Некоторые вопросы истории Монголии периода Юань).— ШУА-ийн мэдээ. 1976, № 1.
Далай Ч. Юан гурний уеийн Монгол (XIII зууны II хагасаас XIV зуун) (Монголия в эпоху Юань. Вторая половина XIII—XIV в.). У. Б., 1973.
Дамдинсүрэн Ц. Монгол-ун ниуча тобча'ан (Тайная история монголов). У. Б., 1947.

Дамдинсүрэн Ц. Монголын уран зохиолын тойм (Обзор монгольской литературы). Т. 1. У. Б., 1957.

Дамдинсүрэн Ц. Монголын уран зохиолын дээж бичиг зуун билэг оршив (Антология монгольской литературы в ста лучших образцах). У. Б., 1962.

Дамдинсүрэн Ц. Монголын уран зохиолын тойм (Обзор монгольской литературы). Т. 2. У. Б. 1976.

Дөрбэн ойирад-ун намтар тэукэ (История четырех ойратов). Рук. ГБ МНР.

Дөрбэн төрө-йин арбан буйанту ном-ун чаган тэүкэ (Белая история учения о десяти добродетелях четырех принципов управления). Рук. ГБ МНР.

Дорджсурэн Ц. Умарт хунну (Северные хунну). У. Б., 1961.

Дэндэв Л. Монгол-ун нийгтэӱкэ байгуулал (Общественный строй Монголии). Рук. ГБ МНР.

Дэндэв Л. Монгол-ун эм-ӱн тобчи (Краткая история Монголии). У. Б., 1934.

Жагварал Н. Мал аж ахуйн эдийн засгийн асуудал (Вопросы экономики животноводства). У. Б., 1972.

Жалан-аажав С. Халх журам бол монголын хууль цаазны эртний дурегалт бичиг (Халха джирум — памятник древнего монгольского права). У. Б., 1958.

Ишжамц Н. Монголд нэгдсэн төр байгуулагдаж, монголд феодализм бурэлдэн тойсон нь (Создание единого государства и становление феодализма в Монголии). У. Б., 1974.

Ишжамц Н. Монгол угсаатан үүсэн бүрэлдсэн тухай (О формировании монгольской народности). У. Б., 1965.

Йуван улус-ун богда хаули (Священные законы династии Юань). Пер. Алтан-Баганы. Рук. ГБ МНР.

Йуван улус-ун судур (История династии Юань). Пер. Ч. Данды. Рук. ГБ МНР.

Йэкэ йуван улус-ун богда багатур бийэ-бэр дайилагсан сан тэмдэглэл (Описание личных походов священно-воинственного [императора Чингиса] Великой династии Юань). Монг. пер. Ч. Данда. Рук. ГБ МНР.

Йэкэ монгол улус-ун ӱндэсэн алтан тобчи (Золотой обзор происхождения Великой монгольской империи). Изд. Внутренней Монголии, 1941.

Лувсанбалдан Х. Ачлалту номын тухай (О книге Сяо-цзин). У. Б.

Лувсанбалдан Х. Аруг вангийн хөшөөнийн бичиг (Надпись Аруг-вана). У. Б., 1962.

Магсаржав Хурц. Долоон хошууны наадам (Праздник семи хошунов). У. Б., 1960.

Майдар Д. Монголын архитектур ба хот байгуулалт (Монгольская архитектура и градостроительство). У. Б., 1973.

Марко Поло. Марко Поло — гийн айан-у тэмдэглэл (Путевые записки Марко Поло). Хухэ-Хото, 1941.

Манхгол-ун ни'уча тобча'ан (Тайная история монголов); реконстр. текст П. Пеллио: P. Pelliot. Histoire sécrete des Mongols. P., 1949. См. также Монгол-ун ниуча тугуджи («Тайная повесть монголов»). Пер. Байан-Кэшиг. Изд. Внутренней Монголии, 1940; Монгол утга-ун йуван улус-ун ниуча тобча'ан (Тайная история династии Юань на монгольском языке). Пер. Д. Кэшиг-Бату. Хухэ-Хото, 1941.

Монггол кэлэн-ӱ дургсалту бичиг (Памятник монгольского языка). Хухэ-Хото, 1959.

Монгол-ун эртэнӱ чагаджа хаули-ийн тэукэн-э холбогдоху хэрэглэгдэхун (Материалы, относящиеся к истории древнемонгольского права). У. Б., 1936.

Монголын бөө мөргөлийн холбогдолтой улсын номын санд бий гар бичмэлийн зүйлс (Рукописи, относящиеся к монгольскому шаманизму, хранящиеся в Государственной библиотеке МНР). Рук. ГБ МНР.

Надмид Ж. Монгол хэл, түүний бичгийн түүхэн хөгжлийн товч тойм (Краткий обзор исторического развития монгольского языка и письменности). У. Б., 1967.

Намнандорж О. Мөнх хааны хөшөө ба ордыг олж судалсан тухай (Об изучении памятника и дворца Мöнкэ-хагана). У. Б., 1956.
Нацагдорж Ш. Манжийн эрхшээлд байсан үеийн Халхын хураангуй түүх (Краткая история Халхи периода маньчжурского владычества). У. Б., 1963.
Нацагдорж Ш. Монголын феодализмын түүхэн замнал (Исторические пути монгольского феодализма). У. Б., 1978.
Нацагдорж Ш. Монголын феодализм эдийн засгийн үндэс (Экономические корни монгольского феодализма).— ШУАМ. 1964, № 3.
Нацагдорж Ш. Халхын түүх (История Халхи). У. Б., 1963.
Нацагдорж Ш. Цагаан түүхийн тухай (О «Чаган тэукэ»). У. Б.
Нацагдорж Ш. Чингэсийн дараах хаадын үеийн монгол гүрний феодалын бутрал (Феодальная раздробленность в монгольской империи при преемниках Чингиса).— ШУ. 1947, № 2—3.
Нацагдорж Ш. Юан улсын үеийн Монгол орон (Монголия в период династии Юань).— История МНР. Т. 1. У. Б., 1966.
Өөлдийн түүх (История олётов). Рук. ГБ МНР.
Пурэвжав С. Монголын шашны хураангуй түүх (Краткая история монгольского буддизма). У. Б.
Пэрлээ Х. Гурван мөрний монголчуудын аман түүхийн мөрийг мөшгөсөн нь (По следам одной устной легенды о монголах Трехречья). У. Б., 1969.
Пэрлээ Х. Гурван өгүүлэл (Три статьи). У. Б., 1962.
Пэрлээ Х. Монгол Ард улсын дундат үеийн хот суурины товчоон (Краткая история средневековых городов и поселений МНР). У. Б., 1962.
Пэрлээ Х. Монгол Ард улсын эрт, дундад уеийн хот суурины товчоон (Краткое описание древних и средневековых городов и поселений на территории МНР). У. Б., 1961.
Пэрлээ Х. Монголын түүхийг мөрөөр нь мөшгөсөн нь (По следам истории Монголии). У. Б., 1975.
Пэрлээ Х. Монголын хувьсгалын өмнөх түүх бичлэгийн асуудал (Вопросы дореволюционной монгольской историографии). У. Б., 1958.
Пэрлээ Х. Онон Хэрлэнгийн аймгууд X—XI зуун (Онон-керуленские племена X—XI вв.).— ШУТ. 1960, № 6.
Пэрлээ Х. Онон Хэрлэнгийн монголчууд VIII—XII зуун (Онон-керуленские монголы VIII—XII вв.).— «ШУА-ийн мэдээ». 1966, № 5—6.
Пэрлээ Х. Хятан нар тэдний монголчуудтай холбогдох нь (Кидани и их связи с монголами). У. Б., 1959.
Рашипунцуг. Дай йуван улус-ун болор эрикэ (Хрустальные четки истории империи Великая Юань). Изд. А. Мостарта и В. Хейссига. Кембридж (Массачусетс), 1959.
Саган Сэчэн. Эрдэни-йин тобчи (Драгоценный обзор истории). Подг. к изд. Ц. Насанбалжира. У. Б., 1960.
Сэр-Ожав Н. Эртний түрэгүүд. IV—VIII зууны (Древние тюрки. IV—VIII вв.). У. Б., 1970.
Тогтоху. Обэр монгол-ун хөгджил-ун тобчи тойм (Краткий обзор развития Южной Монголии). Хухэ-Хото. 1957.
Улаан хацарт (Красная книга). Подг. к печ. и введ. Ш. Нацагдоржа. У. Б., 1960.
Халха джирум (Законы Халхи). Подг. к печ. Ц. Насанбалжира. У. Б., 1959.
Цэвэл Я. Монголчуудын хоол хүнсээ бэлтгэн боловсруулах арга барилын тухай тэмдэглэл (Заметки о способах приготовления пищи и переработки пищевых продуктов). У. Б., 1969.
Цэрэнсодном Д. XIV зууны уеийн яруу найрагч Чойжи-Одсэр (Поэт XIV в. Чойджи-Одсэр). У. Б., 1969.
Эртэн-ӱ монгол хад-ун ӱднӱсӱн-ӱ йэкэ шара тугуджи орошиба (Великая желтая история происхождения древних монгольских ханов).— Шара туджи. Монгольская летопись XVII века. Сводный текст, пер. введ. и примеч. Н. П. Шастиной. М.— Л., 1957.

Бан Тунлин. Чжу-нго ши (История Китая). Т. 3. Пекин, 1934.
Бэй Цюн. Цин-цзян Бэй сянь-шэн цзи (Собрание сочинений господина Бэя из Цин-цзяна). Изд. СБЦК.
Ван Говэй. Да-да као (Исследование о татарах).— Хайнин Ван Цзинъань сянь-шэн и-шу (Посмертное собрание сочинений господина Ван Цзинъаня из Хайнина). Кн. 6. [Б. м.], 1940 (далее И-шу).
Ван Говэй. Елюй Вэнь-чжэн гун нянь-пу (Биография-хронология жизни его превосходительства Елюй Вэньчжэна).— И-шу. Кн. 3.
Ван Говэй. Мэн-гу као (Исследование о монголах).— И-шу. Кн. 6.
Ван Говэй. Нань-сун-жэнь со-чуань мэн-гу ши-ляо као (Исследование исторических источников о монголах, оставленных южными сунцами).— И-шу. Кн. 6.
Ван Говэй. Мэн-да бэй-лу цзянь-чжэи (Примечания к Мэн-да бэй-лу).— И-шу. Кн. 37.
Ван Говэй. Хэй-да ши-люе цзянь-чжэн (Примечания к «Краткому описанию черных татар»).— И-шу. Кн. 37.
Ван Говэй. Чанчунь чжэнь-жэнь си-ю цзи чжу (Комментарий к Записке о путешествии на Запад праведника Чанчуня).— И-шу. Кн. 39.
Ван Говэй. Шэн-у цинь-чжэн лу цзяо-чжу (Сверка текстов и комментарий к «Описанию личных походов священно-воинственного [императора Чингиса]»).— И-шу. Кн. 38.
Ван Даньцэн. Чжун-го нун-минь гэ-мин ши-хуа (История крестьянских революций в Китае). Изд. 2-е. Шанхай, 1953.
Ван Хуайлин. Дуй чжун-го ли-ши ган-яо юань-дай бу-фэнь ди и-цзянь (Замечания к разделу по эпохе Юань в Очерках истории Китая).— «Ли-ши янь-цзю». 1958, № 7.
Ван Э. Ин-у цзи (Собрание сочинений Ин-у). [Б. м., б. г.].
Вэй Чу. Цин-яя цзи (Собрание сочинений Цин-яя). Изд. СБЦК.
Ван Юнь. Цю-цзянь сянь-шэн да-цюань вэнь-цзи (Большое и полное собрание сочинений господина Цю-цзяня). Изд. СБЦК.
Вэй Юань. Юань ши синь-бянь (Новая книга Юань ши). [Б. м., б. г.].
Вэн Дуцзянь. Во-то цза-као (Исследование термина «во-то»).— «Яньцзин сюэ-бао», 1941, № 29.
Вэнь Тяньсян. Вэнь-шань цзи (Собрание сочинений Вэнь-шаня). Изд. СБЦК.
Вэнь Цзюньтянь. Чжун-го бао-цзя чжи-ду (Китайская система баоцзя). Шанхай, 1936.
Го-чу ли-сянь лу (Записки о первых заслуженных в начале империи). Сер. Цзи-лу хуэй-бянь. Шанхай, 1938.
Гу Цзеган, Чжан Сюнь, Тань Цисян. Чжун-го ли-ши ди-ту цзи, гу-дай бу-фэнь (Атлас исторических карт Китая, разд. древней истории). Шанхай, 1955.
Гэн-шэнь вай-ши (Неофициальная история Гэн-шэня). Изд. СБЦК.
Дай Лян. Цзю-лин-шань фан цзи (Собрание сочинений из дома на горе Цзюлиншань). Изд. СБЦК.
Да Юань ма-чжэн цзи (Записка о коневодстве при Великой Юань). Шанхай, 1935.
Дао-юань сюэ-гу-лу (Записи об изучении старины Дао-юаня). Изд. Цун-шу цзи-чэн (далее — ЦШЦЧ), Шанхай.
До-сан. Мэн-гу ши (Д'Оссон. История монголов). Пекин, 1962.
Дун-хуа лу (Описание событий [по материалам архива] кабинета министров). Шанхай, 1891.
Дин Цянь. Юань би-ши ди-ли као-чжэн (Географические исследования к Тайной истории [династии] Юань). Изд. Чжэцзян ту-шу-гуань цун-шу. [Б. м.], 1901.
Дэн Чжичэн. Чжун-хуа эр-цянь нянь ши (Две тысячи лет истории Китая). Т. 1—5. Пекин — Шанхай, 1956.

Дяо-юй-чэн цзи (Записка о городе Дяоюй).— Дяо-юй-чэн ши-ши као-га (Исследование исторических фактов о г. Дяоюй). Чэнду, 1961.
Елюй Чуцай. Чжань-жань цзюй-ши вэнь-цзи (Собрание сочинений отшельника Чжань-жаня). Изд. СБЦК. Кн. 1371—1374.
Елюй Чуцай. Си-ю лу (Описание путешествия на запад). Изд. Канда Киитиро. Токио, 1927.
Е Цзыци. Цао-му-цзы (Записки). Пекин, 1959.
Кан-си цзы-дянь (Словарь, составленный по повелению императора Кан-си). [Б. м.], 1958.
Кэ Шаоминь. Синь Юань ши (Новая история династии Юань).— Эр-ши у ши. Изд. Кай-мин шу-дянь. Т. 8. Шанхай, 1938.
Ли Вэнтянь. Си-ю лу чжу (Комментарий к Си-ю-лу). Изд. ЦШЦЧ. Шанхай, 1936.
Ли Вэньтянь. Ли Вэньтяиь чжу Юань-чао би-ши (Тайная история династии Юань с комментарием Ли Вэньтяня). Изд. ЦШЦЧ. Шанхай, 1936.
Ли Гуанби. Мин-чао ши-люэ (Краткая история династии Мин). Ухань, 1957.
Ли Синьчуань. Цзянь-янь и-лай си-нянь яо-лу (Хронологические описания важнейших событий с [периода правления] Цзянь-янь [1127—1130]. Т. 1—4. Пекин, 1956.
Ли Сычунь. Шо чжань (Объяснение термина «чжань»).— Сборник статей исторического факультета Сычуаньского университета. [Б. м.], 1956.
Ли Сюнь. Мин Цин ши (История Мин и Цин). Пекин, 1956.
Ли Цзи. Дао-юань вэнь цзю-цзи (Старое собрание сочинений Дао-юаня). [Б. м., б. г.].
Ло Чанпэй, Цай Мэйбяо. Ба-сы-ба цзы юй Юань-дай хань-юй (Письменность Пагбы и китайский язык эпохи Юань). Пекин, 1959.
Лу Шэнь. Пин ху лу (Записка об усмирении хусцев). Изд. Цзи-лу хуэйбянь. Шанхай, 1938.
Лю Бинчжун. Цан-чунь цзи (Собрание сочинений Цан-чуня). [Б. м., б. г.].
Лю Миньчжун. Пин Сун лу (Описание умиротворения Сунов).— Чжунань цзи (Собрание сочинений Чжунъаня). Изд. СБЦК.
Лю Цзи. Бэй-сюнь сы-цзи (Частная записка о путешествии на Север). Изд. Го-сюэ вэнь-ку.
Лю дай-чжи вэнь-цзи (Собрание сочинений Лю Дайчжи). Изд. Шан-у иньшу-гуань. Шанхай, 1936.
Люй Сымянь. Бэнь-го ши (Отечественная история). Шанхай, 1930.
Ляо ши (История [династии] Ляо). Изд. Бо-на. Шанхай — Пекин, 1958.
Ма Дуаньлинь. Вэнь-сянь тун-као (Общие исследования на основании древних текстов и современных сочинений). Т. 3. [Б. м.], 1899.
Ма Цзучан. Ши-тянь цзи (Собрание сочинений Ши-тяня). Изд. СБЦК.
Мин ши (История [династии] Мин). Изд. Бо-на-бэнь. Шанхай, 1959.
Мэн-вэнь Юань-чао би-ши (Тайная история династии Юань на монгольском языке). Изд. Шан-у инь-шу-гуань. Шанхай, 1936.
Мэн-гу цзу цзянь-ши (Краткая история монголов). Хухэ-Хото, 1977.
Мэн-гу ши янь-цзю (Исследования по истории монголов). Изд. Шан-у иньшу-гуань. Шанхай, 1935.
Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Изд. Шо-фу. Шан-у иньшу-гуань. Шанхай, 1927.
Мэн Сымин. Юань-дай шэ-хуэй цзе-цзи чжи-ду (Классовая структура общества эпохи Юань). Бэйпин, 1938.
Мэн Сымин. Юань-дай ди цзин-цзи чжи-ду (Экономический строй эпохи Юань).— «Дай ши-сюэ нянь-бао». Т. 2, № 3.
Мэн Хун. Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар).— И-шу. Кн. 37.
Оуян Сюань. Гуй-чжай вэнь-цзи (Собрание сочинений Гуй-чжая). Изд. СБЦК.
Нэй мэн-гу да-сюэ сюэ-бао.— «Ученые записки университета Внутренней Монголии». Сер. Общественных наук. 1961, № 1.
Пань Няньцы. Гуань-юй юань-дай ди и-чуань (О почтовых сообщениях эпохи Юань).— «Ли-ши янь-цзю». 1959, № 2.

Пэн Дая и Сюй Тин. Хэй-да ши-люэ (Краткое описание черных татар).— И-шу. Кн. 37.
Су Пин-чжун вэнь-цзи (Собрание сочинений Су Пин-чжуна). Изд. ЦШЦЧ.
Су Тяньцзюэ. Го-чао вэнь-лэй (Образцы сочинений правящей династии). Изд. СБЦК.
Су Тяньцзюэ. Цзы-си вэнь-гао (Черновые наброски Цзы-си). [Б. м., б. г.].
Су Тяньцзюэ. Юань-чао мин-чэнь ши-люэ (Краткие биографии знаменитых чиновниках династии Юань). 2 кн. Пекин, 1962.
Сун Вэнь-сянь гун цюань-цзи (Полное собрание сочинений его превосходительства Сун Вэнь-сяня). Изд. СБЦК.
Сун Сюэчжай вэнь-цзи (Собрание сочинений Сун Сюэчжая). Изд. ЦШЦЧ. Шанхай, 1935.
Сун сюэ-ши вэнь-цзи (Собрание сочинений ученого Суна). [Б. м., б. г.].
Сун ши (История [династии] Сун). Изд. Бо-на. Шанхай — Пекин, 1957.
Сэ Чэнся. Чжун-го ян-ма ши (История коневодства в Китае). Пекин, 1959.
Сы-ку цюань-шу цзун-му (Каталог собрания книг по четырем разделам). Шанхай, 1930.
Сы-ку цюань-шу цзун-му ти-яо (Извлечения из Каталога Собрания книг по четырем разделам). Шанхай, 1933.
Сыма Гуан. Цзы-чжи тун-цзянь (Всеобщее зерцало, помогающее управлению). Пекин, 1956.
Сюань-лань-тан цун-шу сюй-цзи (Продолжение собрания книг из зала Сюань-лань-тан). Изд. Государственной Центральной библиотеки. Пекин, 1948.
Сюэ Чжунсань, Оуян И. Лян цянь нянь чжун си ли дуй-чжаю бяо (Сравнительные таблицы китайского и европейского календарей за 2000 лет). Пекин, 1956.
Сюй вэнь-сянь тун-као (Продолжение Вэнь-сянь тун-као). Пекин, 1959.
Сюй Мэншэнь. Сань-чао бэй-мэн хуэй-бянь (Компиляция о [периоде] клятвенных договоров с Севером [в течение] трех правлений). Т. 1—4. Тайбэй, 1962.
Сюй Хэн. Лу Цзи и-шу (Посмертное собрание сочинений Лу Цзи). [Б. м., б. г.].
Сюй цзы-чжи тун-цзянь (Продолжение Всеобщего зерцала, управлению помогающего). Пекин, 1959.
Сюй Южэнь. Чжи-чжэн цзи (Записка о периоде правления Чжи-чжэн). Изд. СБЦК.
Сюй Южэнь. Гуй-тан сяо-чао (Мелкие рукописи Гуй-тана). Изд. СБЦК.
Сэ Чэнся. Чжун-го ян-ма ши (История коневодства в Китае). Пекин, 1959.
Тао Цзунъи. Нань-цунь чжо-гэн лу (Записи, сделанные во время перерыва в пахоте в южной деревне).— Собрание исторических источников и литературных заметок периодов Юань и Мин. Т. 1. Пекин, 1959.
Тао Цзунъи. Шо фу. Шанхай, 1927.
Тогтаху. Нэй Мэн-гу ли-ши фа-чжань ши (История исторического развития Внутренней Монголии). Хухэ-Хото, 1957.
Ту Цзи. Мэн-у-эр ши-цзи (Исторические записки о монголах). [Б. м.], 1934.
Тун-чжи тяо-гэ (Кодифицированные правила из «Всеобщих законов»). Фотолитограф. изд. Бэйпинской государственной библиотеки. Пекин, 1930.
Тун Чэнсюй. Пин хань лу (Записка об усмирении Хань). Изд. Цзи-лу хуэй-бянь. Шанхай, 1938.
Угусунь Чжундуань. Бэй-ши цзи (Записка о посольстве на Север). [Б. м., б. г.].
У Куань. Пин у лу (Записка об усмирении У). Изд. Цзи-лу хуэй-бянь. Шанхай, 1938.
У Хань. Ду-ши чжа-цзи (Записи при чтении исторических сочинений). Пекин. 1956.
У Хань. Сун юань и-лай лао-бай-син ди чэн-ху (Имена и прозвища простонародья со времен Сун и Юань). Пекин, 1961.
У Хань. Чжу Юань-чжан чжуань (Биография Чжу Юаньчжана). Пекин, 1965.

У Хань. Юань-дай чжи шэ-хуэй (Общество эпохи Юань).— «Го-ли цин-хуа да-сюэ шэ-хуэй кэ-сюэ». Т. 1, 1936, № 3 (отд. отт.).
У Хань. Юань ди-го чжи пэн-хуэй юй Мин чжи цзянь-го (Падение империи Юань и создание империи Мин).— «Цин-хуа сюэ-бао». 1936, Т. 11, № 2.
У Чэнло. Чжун-го ду лян хэн ши (История мер и весов Китая). Шанхай, 1957.
Фань Вэньлань. Чжун-го тун-ши цзянь-бянь (Краткая общая история Китая). Пекин, 1952.
Фэи Чэнцзюнь. Юань-дай бай-хуа бэй (Стелы на байхуа эпохи Юань). Шанхай, 1933.
Хань Жулинь. Лунь чэн-цзи-сы хань (О Чингисхане). «Ли-ши янь-цзю», 1962, № 3.
Хао Цзин. Лин-чуань вэнь-цзи (Собрание сочинений Лин-чуаня). Изд. СБЦК.
Хуан Бяо. Пин Ся лу (Описание усмирения государства Ся(. [Б. м., б. г.].
Хуан Сяньфань. Юань-дай дянь-ху чжи шэн-хо, вэй вань (Жизнь арендаторов в эпоху Юань, статья незаконченная).— «Ши-да юэ-кань». 1936, № 30.
Хуань Шань. Юань-дай фу-и чжи-ду као-люэ (Краткое исследование системы налогов и повинностей эпохи Юань).— «Вэнь-ши-чжэ». 1958, № 2.
Хун Хао. Сун-мо цзянь-вэнь (Увиденное и услышанное в Сунмо). Изд. Лидай сяо-ши. [Б. м., б. г.].
Хун Цзюнь. Юань ши и-вэнь чжэн-бу (Исправление и дополнение Юаньши переводными текстами). Изд. ЦШЦЧ. Шанхай, 1936.
Цай Мэйбяо. Юань-дай бай-хуа бэй цзи-лу (Собрание надписей на стелах на байхуа эпохи Юань). Пекин, 1955.
Цин-жун цзюй-ши цзи (Собрание сочинений ученого на покое Цин-жуна). Изд. Шан-у инь-шу-гуань. Шанхай. [Б. г.].
Цинь-дин сюй вэнь-сянь тун-као (Высочайше утвержденное продолжение Вэнь-сянь тун-као). [Б. м., б. г.].
Цзинь-хуа Хуан сянь-шэн вэнь-цзи (Собрание сочинений господина Хуана из Цзинь-хуа). Изд. ЦШЦЧ.
Цзинь ши (История [династии] Цзинь). Изд. Бо-на. Шанхай — Пекин, 1958.
Цзинь Юйцзы. Бэй-чжэн лу (Описание карательных походов на север). [Б. м., б. г.].
Цзинь Юйфу. Чжун-го ши-сюэ ши (История китайской исторической науки). Шанхай, 1957.
Цзэн Лянь. Юань шу (Книга истории Юаней). [Б. м., б. г.].
Цзяо И. Гай-юй цун-као (Собрание исследований Гай-юй). [Б. м., б. г.].
Цин-дай тун-ши (Общая история эпохи Цин). [Б. м., б. г.].
Цюань Хэн. Гэн-шэнь вай-ши (Частная история императора Гэншэнь). Пекин, 1959.
Цянь Дасинь. Эр-ши-эр ши као-и (Исследование ошибок в 22 династийных историях). Т. 2. Пекин — Шанхай, 1958.
Чан-чунь чжэнь-жэнь си-ю цзи (Записка о путешествии на Запад праведника Чан-чуня).— И-шу. Кн. 39.
Чжан Дэхуэй. Линбэй цзи-син (Записка о путешествии в Монголию).— Цю-цзянь сянь-шэн да-цюань цзи (Большое и полное собрание сочинений господина Цю-цзяня). Изд. Юй-тан цзя-хуа. [Б. м., б. г.].
Чжан Му. Мэн-гу ю-му цзи (Записки о монгольских кочевьях). Шанхай, 1939.
Чжан Цин. Чжун-хуа тун-ши (Общая история Китая). Шанхай, 1935.
Чжан Шуньхуэй. Чжун-го ли-ши яо-цзе цзе-шао (Ознакомление с важнейшими трудами по истории Китая). Ухань, 1955.
Чжан Яигао. Гуй-тянь лэй-гао (Классифицированные наброски Гуй-тяня). [Б. м., б. г.].
Чжань-чи (Ямщики). Изд. Го-сюе вэнь-ку. Бэйпин, 1936.

Чжао бу цзун-лу (Накопленные и систематизированные общие описания). [Б. м., б. г.].
Чжао И. Эр-ши-эр ши чжа-цзи (Заметки о 22 династийных историях). Изд. Сы-бу бэй-яо. Шанхай, 1936.
Чжао Хуа. Гуань-юй юань-чао цун-ши гэн-цзо ди цюй-коу чжи шэнь-фэнь вэнь-ти (О социальном положении цюй-коу, занимавшихся земледелием при династии Юань). Ши-сюэ юэ-кань. 1957, № 8.
Чжоу Боци. Чжун-го хо-би ши (История денег в Китае). Шанхай, 1934.
Чжоу Боци. Ху-цун бэй-син цзи (Записка о путешествии на Север в составе свиты). Изд. Коу-бэй сань-тин чжи. [Б. м., б. г.].
Чжоу Вэй. Чжун-го бин-ци ши-гао (Очерк истории оружия в Китае). Пекин, 1957.
Чжоу Гучэн. Чжун-го тун-ши (Общая история Китая). Шанхай, 1956.
Чжоу Илянь. Чжун-го юй я-си чжу го хэ-пин, гуань-си ли-ши (История мирных взаимоотношений Китая со странами Азии). Пекин, 1955.
Чжун-го гу-цзинь ди-мин да цы-дянь (Большой китайский словарь древних и современных географических названий). Шанхай, 1933.
Чжун-го жэнь-мин да цы-дянь (Большой китайский биографический словарь). Шанхай, 1930.
Чжун-го ли-ши цзи-нянь (Хронология китайской истории). Пекин, 1956.
Чжун-го ли-ши цзи-нянь бяо (Таблицы хронологии китайской истории). Шанхай, 1956.
Чжун-го тун-ши (Общая история Китая). Т. 6. Пекин, 1979.
Чжун-го цун-шу цзун-лу (Общий каталог китайских собраний книг). Шанхай, 1959—1962.
Чжун-го ши-сюэ ши (Историография Китая). Шанхай, 1957.
Чжун-го ши-бу му-лу сюэ (Каталогизация китайских исторических сочинений). Изд. Шан-у инь-шу-гуань. Шанхай, 1956.
Чжу Ци. Юань Дай-ду гун-дянь ту као (Исследование эскизов дворцов Дайду при Юань). Изд. ЦШЦЧ.
Чжэн-мянь лу (Описание карательного похода против Бирмы). Изд. СБЦК. [Б. м., б. г.].
Чэн Ибо вэнь-цзи (Собрание сочинений Чэн Ибо). Изд. Шан-у инь-шу-гуань. Шанхай, 1937.
Чэнь Банчжань. Юань ши цзи-ши бэнь-мо (Последовательное описание событий при династии Юань). Пекин, 1955.
Чэнь Гаохуа. Юань-мо нун-минь ци-и ди сы-сян у-ци (Идеологическое оружие крестьянских восстаний конца Юань).— «Гуанмин жибао». 1.XII.1965.
Чэнь Инькэ. Юань-дай хань-жэнь и-мин као (Исследование различных наименований китайцев в период Юань).— «Го-сюэ лунь-цун», 1929.
Чэнь Юань. Елюй Чуцай фу цзы синь-ян чжи и-цюй (Различие в вере между отцом и сыном Елюй Чуцаем и Елюй Чжу).— «Янь-цзин сюэ-бао». 1929, № 6.
Чэнь Юань. Шэнь кэ Юань-дянь-чжан цзяо-бу (Сверка текстов и дополнения к Юань-дянь-чжан ксилографического издания Шэня). Пекин, 1957.
Чэнь Юань. Юань би-ши и-инь юн-цзы као (Исследование иероглифической транскрипции Юань-чао би-ши). Бэйпин, 1934.
Чэнь Юань. Юань е-ли-кэ-вэнь као (Исследование о несторианстве при Юань). Шанхай, 1935.
Чэнь Юаньцзы. Ши-лин гуан-цзи (Обширные записки Ши-линя). [Б. м., б. г.].
Шан Юэ. Чжун-го ли-ши ган-яо (Очерк истории Китая). Пекин, 1954.
Шао Юаньпин. Юань ши лэй-бянь (Классифицированная история династии Юань). Изд. Сы-чао бе-ши. [Б. м., б. г.].
Ши Икуй. Юань-дай ди-ци (Земельные акты эпохи Юань).— «Ли-ши янь-цзю». 1957.
Ши Икуй. Юань хай-юнь — чуань лу као (Исследование о путях морских перевозок при Юань).— «Ди-ли сюэ-бао». 1957, № 23.
Шуй-юй чжоу-цзы лу. [Б. м., б. г.].

Шэн-у цинь-чжэн лу (Описание личных походов священно-воинственного [императора Чингиса]).— И-шу. Кн. 38.
Юаньдянь-чжан (Установления [династии] Юань). Фотолитогр. изд. Пекин, 1957.
Юань Тун. Цин-жуй цзюй-ши цзи (Собрание сочинений ученого на покое Цин-жуя). Изд. СБЦК.
Юань-чао би-ши (Тайная история династии Юань). Фотолитогр. изд. Шан-у инь-шу-гуань. Шанхай, 1927.
Юань ши (История [династии] Юань). Изд. Бо-на. Шанхай — Пекин, 1958.
Юй Цзи. Дао-юань сюэ гу-лу («Записки об изучении старины Дао-юаня»).— Изд. СБЦК.
Юй Юаньань (Юй Баян). Нэй мэн-гу ли-ши гай-яо (Очерк истории Внутренней Монголии). Шанхай, 1958.
Юй Юаньань (Юй Баян). Чэн-цзи-сы-хань чжуань (Биография Чингисхана). Шанхай, 1955.
Юйвэнь Маочжао. Ци-дань го-чжи (История Государства киданей). Изд. Сао-е-шань фан.
Янай Ватару. Мэн-гу ши янь-цзю (Исследования по истории монголов). Пер. с яп. Шанхай, 1932.
Ян Куань. Чжун-го ли-дай чи-ду као (Исследование китайских мер длины прошлых эпох). Шанхай, 1955.
Ян На. Юань-дай нун-цунь шэ чжи янь-цзю (Исследование системы общин шэ в деревне в эпоху Юань).— «Ли-ши янь-цзю». 1965, № 4.
Ян Шици. Ли-дай мин-чэнь цзоу-и (Доклады и представления знаменитых чиновников разных эпох). [Б. м., б. г.].
Яо Суй. Му-ань цзи (Собрание сочинений Му-аня). Изд. ЦШЦЧ.
Яо Цунцзу. Чэн-цзи-сы-хань ши-дай ди ша-мань-цзяо (Шаманизм в эпоху Чингисхана). [Б. м., б. г.].

На японском языке

Айва М. Гэндай но тоси сэйдо то соно кигэн (Возникновение городов и их система в период династии Юань). —«Тōёси кэнкю». 1938.
Аоки Т. Мōкодзин то канминдзоку то но канкэй (Отношения между монголами и китайцами). «Мōко». № 105, 1941.
Аритака И. Гэндай но кайун то дайгэн кайунки (Заметки о морских перевозках в империи Великая Юань).— «Тōё гакухō». 1911, № 7/3.
Аритака И. Гэндай ни окэру конъин ни кансуру хōрицу (Закон о браке в период Юань).— «Сигаку дзасси». № 45/7, 1934.
Аритака И. Гэндай но сосё сайбан сэйдо (Система судебных процессов в период Юань). —«Мōко гакухō». 1941, № 1.
Вада С. Урёха сан эй но хонкё ни цуйтэ (О базах «Трех стражей» урянхов).— «Сигаку дзасси». № 40/6, 1929.
Ивамура С. Гэнтё окуро кэнкю (Исследование термина ао-лу при династии Юань).— «Адзиа гакухō». 1942, № 1.
Ивамура С., Кацуфудзи Т. Даймōко тэйкоку (Монгольская империя). Токио, 1965.
Ивамура С. Ōсю ни окэру мōко кэнкю но хаттацу (Развитие монголистики в Европе).— «Мōко». № 93, 1940.
Ивамура С. Монгору сякай кэйдзайси но кэнкю (Исследования по социальной и экономической истории монголов). Киото, 1968.
Икэути К. Гэн но сисо то танрасима (Ши-цзу династии Юань и остров Танрасима).— «Тōё гакухō». № 16/1, 1926.
Икэути К. Гэнкō но синкэнкю (Новые исследования о юаньских разбойниках).— «Тōё бунка ронсō». № 15/2, 1931.
Исибаси У. Пекин о саманкё ни цуйтэ (О шаманизме в Пекине). Токио, 1937.
Исида М. Гэн но дзёто ни цуйтэ (О столице Шанду династии Юань).— «Когаку дзасси». № 28/2, 1938.

Исида М. Мōко модзи но кигэн то энгаку (Возникновение и развитие монгольской письменности).— «Тōа». 1930, № 3—12.
Кобаяси Т. Гэнтё хиси но кэнкю (Исследования по Тайной истории династии Юань). Токио, 1954.
Мурада Д. Гэндай мōко но кансюхō (Обычное право у монголов в эпоху Юань). — «Манмō». № 19/4, 1938.
Мурада Д. Манмō фуси (История шаманизма у маньчжуров и монголов).— «Манмō». 15/11, 1934.
Нака М. Тёнкиси кан дзицуроку (Правдивые описания [деяний] Чингис-хана). Токио, 1907.
Ниида Н. Гэнтэнсё но сэйрицу то дайтоку тэнсё (Составление Юань дяньчжана и кодекс правления Да-дэ).— «Сигаку дзасси». № 51/9, 1941.
Сиратори К. Онъяку мōбун гэнтё хиси (Юань-чао би-ши в транскрипции на монгольском языке). Токио, 1943.
Такэути К. Сигэн якуго ни араварэтару сина гоон (Китайские транскрипции в Чжи-юань и-юй).— «Синаго гакухō», № 3.
Ханеда Т. Мōкодзоку но сюкё тэки фӯдзоку сюкан (Религиозные обычаи и нравы у монголов). —«Мōко но Фудзин дзэнсю». № 170, 1909.
Ханеда Т. Гэнтё но кайсэйхай ни цуйтэ (О дощечках «хайцин-пай» периода Юань). —«Дзинруйгаку дзасси». № 44/12, 1929.
Харада У. Гэн Дзёто но исэки ни цуйтэ (О развалинах Шанду — столицы династии Юань). —«Сигаку дзасси». № 49/2, 1938.
Ямамото Т. Гэн но сисо но аннан кэйряку (Завоевание Аннама юаньским Ши-цзу).— «Сигаку дзасси». № 51/4, 1940.
Янай Ватари. Мōкоси кэнкю (Исследования по истории монголов). Токио, 1970.
Янай Ватари. Мэн-гу ши янь-цзю (Исследования по истории монголов). Пер. на кит. яз. Шанхай, 1932.

На русском языке

Алтан тобчи. Монгольская летопись, в подлинном тексте и переводе. Пер. Г. Гомбоев.— Труды ВОРАО. Ч. VI. 1858.
Банзаров Д. Собрание сочинений. Подг. к печ. и примеч. Г. Н. Румянцева. М., 1955.
Бартольд В. В. Образование империи Чингисхана (Пробная лекция, читанная в С.-Петербургском университете 8 апреля 1896 г.). Собрание сочинений. Т. V. М., 1968.
Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.— Собрание сочинений. Т. 1. М., 1963.
Березин И. Н. Сборник летописей. История монголов. Сочинение Рашид-Эддина. Введение: о турецких и монгольских племенах.— Труды ВОРАО. Ч. V, 1858 (пер.), 1861 (перс. текст).
Березин И. Н. Рашид-Эддин. История Чингиз-хана до восшествия его на престол.— Труды ВОРАО. Ч. XIII, 1868.
Березин И. Н. Рашид-Эддин. История Чингиз-хана от восшествия его на престол до кончины.— Труды ВОРАО. Ч. XV, 1888.
Бира Ш. Анализ основных данных «Белой истории» и время ее составления — «Түүхийн судлая». Т. 8. У. Б., 1970.
Бира Ш. О Золотой книге Ш. Дамдина. У. Б., 1964.
Бира Ш. Монгольская историография XIII—XVII вв. М., 1978.
Бира Ш. Монгольская тибетоязычная историческая литература (XII—XIX вв.). У. Б., 1980.
Бичурин Н. Я. История первых четырех ханов из дома Чингисова. Пер. с кит. монахом Иакинфом. СПб., 1829.
Бичурин Н. Я. История Тибета и Кукунора с 2282 года по Р. Х. до 1227 года по Р. Х. Ч. II. СПб., 1833.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.— Л., 1950.
Бобровников А. А. Памятники монгольского квадратного письма. СПб., 1870.
Боровкова Л. А. Восстание «красных войск» в Китае. М., 1971.
Васильев В. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века, с приложением перевода китайских известий о киданях, чжурчженях и монголо-татарах. СПб., 1857.
Владимирцов Б. Я. Панчатантра. Пг., 1921.
Владимирцов Б. Я. Чингис-хан. Б.-Пг.— М. 1922.
Владимирцов Б. Я. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах.— Северная Монголия. II, Л., 1927.
Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.
Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
Галстян А. Г. Армянские источники о Монголии. Извлечения из рукописей XIII—XIV вв. М., 1962.
Галстян А. Г. Новые армянские источники о монголах. М., 1963.
Греков Б. Д. и Якубовский А. Ю. Золотая орда и ее падение. М.— Л., 1950.
Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II. Л., 1926.
Далай Ч. Борьба за великоханский престол при Хубилае и его преемниках.— Татаро-монголы в Азии и Европе. Изд. 2-е, перераб., доп. М., 1977.
Далай Ч. Некоторые вопросы истории монголов в период Юаньской империи.— «Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века». Т. 3. Новосибирск, 1975.
Далай Ч. Монголо-китайские отношения (XIII—XV вв.).— «Проблемы Дальнего Востока». 1979, № 1.
Дамдинсурэн Ц. Древнемонгольские надписи на скале у подножия горы Богдо ула.— «Материалы по истории и филологии Центральной Азии», Труды Бурятского КНИИ». Вып. 8. Улан-Удэ, 1962.
Дамдинсурэн Ц. Исторические корни Гэсэриады. М., 1957.
Дылыков С. Д. Эджен-хоро.— Филология и история монгольских народов. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова. М., 1958.
Дылыков С. Д. Из истории селенгинских бурят.— «Краткие сообщения Института народов Азии». 1964, № 83.
Жамцарано Ц. Культ Чингиса в Ордосе. Из путешествия в Южную Монголию в 1910 г.— «Central Asian Journal». Vol. XI, 1961.
Жамцарано Ц. Ж. Монгольские летописи XVII века. М.— Л., 1936.
Захарова И. Историческое обозрение народонаселения Китая.— «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине». Т. 1, 1852.
Захарова И. В. Двенадцатилетний животный цикл у народов Центральной Азии.— Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. А.-А. 1960.
Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758). М., 1964.
Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. СПб., 1875.
Ишжамц. Культура Монголии XIII—XIV вв.— «Туухийн судлал». 1974.
Кара Д. Книги монгольских кочевников. М., 1972.
Плано Карпини, В. Рубрук. История монголов и Путешествие в восточные страны. Пер. А. И. Малеина. Ред., вступит. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. М., 1957.
Киселев С. В. Древние города Монголии.— «Советская этнография». 1957, № 2.
Киселев С. В. Монголия в древности. ИВАН СССР. Сер. «История и филология». Т. 4, 1947, № 4.
Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. 1, М.— Л., 1941.

Козлов П. К. Монголия и Кам. Т. 1, ч. 1, Пб., 1908.
Котвич В. Л. Монгольские надписи в Эрдэни-дзу.— «Сборник Музея антропологии и этнографии». V, 1917.
Лауфер Б. Очерк монгольской литературы. Л., 1927.
Линь Кюн-и и Н. Ц. Мункуев. «Краткие сведения о черных татарах». Пэн Да-я и Сюй Тина. Пер. Линь Кюн-и и Н. Ц. Мункуева, введ. и коммент. Н. Ц. Мункуева.— «Проблемы востоковедения». 1960, № 5.
Лубсан Данзан. Алтан тобчи (Золотое сказание). Пер. с монг., введ., коммент. и прил. Н. П. Шастиной. М., 1973.
Майдар Д., Борвеев Д. От кочевой до мобильной архитектуры. М., 1980.
Майский И. М. Чингисхан.— «Вопросы истории». 1962, № 25.
Михайлов Г. И. Литературное наследство монголов. М., 1969.
Мункуев Н. Ц. Основные китайские источники по истории Монголии (XIII—XIV вв.).— Современная историография стран Зарубежного Востока. Вып. 1. М., 1963.
Мункуев Н. Ц. К вопросу об экономическом положении Монголии и Китая в XIII—XIV вв.— «Краткие сообщения Института народов Азии». 1965, № 17.
Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М., 1965.
Мункуев Н. Ц. Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар). Факс. ксил., пер. с кит., введ., коммент. и прил. Н. Ц. Мункуева. М., 1975.
Мункуев Н. Ц. Некоторые проблемы истории монголов XIII в. по новым материалам. Исследования по южносунским источникам. Автореф. докт. дис. М., 1970.
Мункуев Н. Ц. О формах эксплуатации монгольских аратов в XIII—XIV вв.— «Материалы по истории и филологии Центральной Азии». Вып. 2. Улан-Удэ, 1965.
Д'Оссон К. История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана. пер. и предисл. Н. Козьмина. Т. 1. Иркутск, 1937.
Палладий (Кафаров П. И.). Старинное монгольское сказание о Чингис-хане.— «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», Т. IV. СПб., 1866.
Палладий. Си ю цзи или описание путешествия на запад.— «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине». Т. IV. СПб., 1866.
Палладий. Путевые записки китайца Чжан-дэ-хой во время путешествия его в Монголию в первой половине XIII ст. Пер. с примеч.— «Записки СОРГО», 1867, кн. IX—X.
Палладий. Старинное китайское сказание о Чингис-хане. Шэн-ву-цин-чжэн-лу. Описание личных походов священно-воинственного, перевод с предисловием и примечаниями.— Восточный сборник. Т. 1. СПб., 1877.
Патканов К. П. История монголов по армянским источникам. Вып. I. СПб., 1873; Вып. II. СПб., 1874.
Пашуто В. Т. Монгольский поход в глубь Европы.— Татаро-монголы в Азии и Европе. Изд. 2-е. М., 1977.
Петрушевский И. П. Новый источник по истории монгольского нашествия.— «Белек» в честь С. Е. Малова. Фрунзе, 1946.
Петрушевский И. П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия.— Татаро-монголы в Азии и Европе. Изд. 2-е. М., 1977.
Петрушевский И. П. Иран и Азербайджан под властью хулагуидов (1256—1353).— Татаро-монголы в Азии и Европе. Изд. 2-е. М., 1977.
Пигулевская Н. В. История Мар Ябалаха III и раббан Саумы. Исслед. и пер. Н. В. Пигулевской. М., 1958.
Позднеев А. М. Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ». СПб., 1883.
Позднеев А. М. Монголы и Монголия. Т. 1. СПб., 1898.
Позднеев А. М. Лекции по истории монгольской литературы Т. 1. СПб., 1896; Т. 2. СПб., 1897; Т. 3. Владивосток, 1893.
Покотилов Д. З. История восточных монголов в период династии Мин (1368—1634). По китайским источникам. СПб., 1893.

Марко Поло. Книга Марко Поло. Пер. И. П. Минаева, ред. и вступит. ст. И. П. Магидовича. М., 1956.
Попов П. С. Мэн-гу ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях. СПб., 1895.
Попов П. Яса Чингис-хана и Уложение монгольской династии Юань-чао-дянь-чжан.— Записки ВОРАО. Т. XVII. 1907.
Пучковский Л. С. Монгольская феодальная историография XIII—XVIII вв.— «Ученые записки Института востоковедения». Т. 6, 1953.
Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. Пер. Л. А. Хетагурова, ред. и примеч. А. А. Семенова, М.— Л., 1952.
Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 2. Пер. О. И. Смирновой, примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой, ред. А. А. Семенова. М.— Л., 1952.
Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. Пер. Ю. П. Верховского, примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевского. М.— Л., 1960.
Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. Пер. А. К. Арендса, ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского. М.— Л., 1946.
Рерих Ю. Н. Монгольско-тибетские отношения в XIII—XIV вв.— История и филология монгольских народов. М., 1958.
Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и кочевниках.— Географическое общество Союза ССР. Материалы по этнографии. Вып. 1. Л., 1961.
Рязановский В. А. Монгольское право и сравнительное правоведение.— «Известия Юридического факультета в Харбине». Т. VII. Харбин, 1929.
Сандаг Ш. Образование единого монгольского государства и Чингис-хан.— Татаро-монголы в Азии и Европе. Изд. 2-е. М., 1977.
Свистунова Н. П. Гибель Южносунского государства.— Татаро-монголы в Азии и Европе. Изд. 2-е. М., 1977.
Серов В. М. Поход монголов в Корею 1231—1232 гг. и его последствия.— Татаро-монголы в Азии и Европе. Изд. 2-е. М., 1977.
Таскин В. С. История государства киданей. М., 1979.
Тихвинский С. Л. Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе.— Татаро-монголы в Азии и Европе. Изд. 2-е. М., 1977.
Успенский В. Страна Кукэ-нор или Цинхай с прибавлением краткой истории ойратов и монголов.— ЗРГО. Т. 6, 1880.
Шара туджи. Монгольская летопись XVII века. Сводн. текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. М.— Л., 1957.
Щепетильников Н. М. Архитектура Монголии. М., 1960.
Якубовский А. Ю. Из истории изучения монголов периода XI—XIII вв.— Очерки по истории русского востоковедения. М., 1953.

На западноевропейских языках

Aboul Ghāzī. Histoire des Mogols et des Tatares, publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons. T. 2, SPB., 1874.
Aziz Ahmad. Mongol Pressure in an Alien Land.— «Central Asian Journal» (CAJ). Vol. 6, 1961.
Bawden C. R. The Mongol Chronicle Altan Tobči. Wiesbaden, 1955.
Blake R. P. and Frye R. N. History of the Nation of the Archers. Cambridge. Mass., 1954.
Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. 1—2. L., 1910.
Chavannes E. Inscriptions et pieces de chancellerie chinoise de l'époque mongole (Extrait du «T'oung Pao», Ser. II. Vol. V et VI). Leide, 1904, 1905.
Gerard Clauson. Turkish and Mongolian Horses, An Etimological Study.— CAJ. Vol. 10. 1965.

Cleaves F. W. The Bodistw-a Čari-a Awatar-un Tayilbur of 1312 by Čosgi Odsir.— Harvard Journal of Asiatic Studies. (HJAS). Vol. 17, 1954.
Cleaves F. W. The Biography of Bayan of the Bārin in the Yüan shih.— HJAS. Vol. 19, 1956.
Cleaves F. M. A Chancellery Practice of the Mongols in the Thirteenth and Fourteenth Centuries.— HJAS. Vol. 14, 1951.
Cleaves F. W. The Lingji of Aruγ of 1340.— HJAS. Vol. 25, 1964—1965.
Cleaves F. W. The Mongolian Documents in the Musée de Téhéran — HJAS. Vol. 16, 1953.
Cleaves F. W. The Sino-Mongolian Inscription of 1362 in Memory of Prince Hindu. (HJAS). Vol. 12, 1949.
Cleaves F. W. The Sino-Mongolian Inscription of 1346.— HJAS. Vol. 15, 1952.
Cleaves F. W. The Sino-Mongolian Inscription of 1335 in Memory of Chang Ying Jui.— HJAS. Vol. 13, 1950.
Cleaves F. W. The Sino-Mongolian Inscription of 1338 in Memory of Jigüntei.— HJAS. Vol. 14, 1951.
Cleaves F. W. The Sino-Mongolian Inscription of 1240.— HJAS. Vol. 23, 1960—1961.
Eberhard W. Conquerors and Rulers. Leiden, 1952.
Grousset R. L'empire mongol (1re phase). P., 1941.
Hambis L. Le chapitre CVII du Yuan che. Leiden, 1945.
Hambis L. Le chapitre CVIII du Yuan che. Leiden, 1954.
Hammer-Purgstall J. Geschichte der Goldenen Horde. Pesth, 1840.
Hammer-Purgstall J. Geschichte der Il-khanes, Darmstadt, 1842.
Heissig W. Die Familien-und Kirchengeschichtsschreibung der Mongolen. Bd 1—2. Wiesbaden, 1959, 1965.
Heissig W. A Lost Civilization. The Mongols Rediscovered. L., 1966.
Howorth H. History of the Mongols, Pt. 1. L., 1876.
Huth G. Geschichte des Buddhismus in der Mongolei. Bd 1—2. Strassbourg, 1896.
Jagchid S. and Bawden C. R. Some Notes on the Horse-Policy of the Yuan Dynasty.— CAJ. Vol. 10, 1965.
Juvaini 'Ata-Malik. The History of the World-Conqueror by 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik Juvaini. Translated from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle. Pt. 1—2, Cambridge, Mass., 1958.
Kara K. L'inscription mongole d'Arur prince de Tun-nan (1340).— «Acta Orientalia». T. 17, 1964.
Lattimore O. Studies in Frontier History. N. Y., 1962.
Munkuyev N. Ts. A New Mongolian P'ai-ts'u from Simferopol.— «Acta Orientalia». 1977, t. 31, Fasc. 2.
Munkuyev N. Ts. Two Mongolian Printed Fragments from Khara-khoto.— Mongolian Studies. Budapest, 1972.
D'Ohsson K. Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-khan jusqu'a Timour Bey ou Tamerlan, La Haye et Amsterdam. T. 1—4, 1834—1835.
Pelliot P. Les Mongols et la Papauté. Extrait de la Revue de L'Orient Chretien, 3-e Sér. T. III (XXIII), № 1, 2 (1922—1923). P., 1923.
Pelliot P. Histoire sécrete des Mongols, Restitution du texte mongol et tradition française des chapitres I à VI. Oevres posthumes I. P., 1949.
Pelliot P. Notes on Marco Polo I. Ouvrage posthume. P., 1959.
Pelliot P. et Hambis L. Histoire des campagnes de Gengis Khan. T. I. Leiden, 1951.
Phillips E. D. The Mongols. L., 1969.
Prawdin M. The Mongols Empire, Its Rise and Legacy. L., 1953.
Rachewiltz I. de. The Hsi-yu lu by Yeh-lü Ch'u-ts'ai. Monumenta Serica. Vol. XXI, 1962.
Rachewiltz I. de. Personnel and Personalities in North China in the Early Mongol Period.— Journal of the Economic and Social History of the Orient. Vol. IX, 1966.

Rachewiltz I. de. Papal Envoys to the Great Khans. L., 1971.
Ratchnevsky P. Un code des Yuan. P., 1937.
Reishauer E. O., Fairbank J. K. East Asia, The Great Tradition. Boston, 1960.
Rockhill W. W. The Journey of William of Rubruck. L., 1900.
Schmidt I. J. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses. SPB. 1829.
Schurmann H. F. The Economic Structure of the Yüan Dynasty. Cambridge (Mass.), 1956.
Schurmann H. F. Mongolian Tributary Practices of the Thirteenth Century.— HJAS. Vol. 19, 1956.
Serruys H. The Mongols in China during the Hung-u Period (1368—1398). Bruxelles, 1959.
Vernadsky G. The Scope and Contents of Chingis Khan's Yasa.— HJAS. Vol. 3, 1938.
Wallis Budge E. A. The Monks of Kublâi Khan, Emperor of China. L., 1928.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

SUMMARY

Beginning from the Middle Ages the Mongols, who perhaps are known to the reader best of all the nomads, have been one of the most popular and productive topics for historians and writers of the world. Certainly it is explained by aggressive wars of Genghis Khan and his successors in the 13th—14th centuries A. D. which shook the world of those times. The bulk of this great a number of works is devoted to Genghis Khan and other Mongol khaghans, noyans and their military campaigns against remote countries, but to the Mongols as a genuine people.

In particular, numerous works on the Yüan dynasty (1260—1368), often treat the history of the Mongols of that period as a history of China. Both old and modern Chinese literatures regard the Yüan dynasty as one of the Chinese dynasties. Nowadays some of the Chinese historians have even come to proclaiming all great khans of the Mongol Empire «Chinese emperors out of national minorities», who accomplished «he first great unification (ta t'ung-yi)» of the empire since the Han and T'ang. In fact, as is well known. China of that period was deprived of its sovereignty. The country was ruled by the alien Mongol dynasty founded in 1206 by Genghis Khan and which by 1271 became known as Yüan and was part of Mongol empire.

As is evident from the title this work attempts to give the history of Mongolia proper of that period which was the main part of the Mongolian Yüan Empire, and whose vast territory stretched from the Hingan mountain ridge in the east to the Altai mountains in the West.

The introductory part of the work characterizes the sources used by the author. Most of them are originally Chinese. Undoubtedly the Yüan shih, compiled in 1370, is the most important source for a student of Mongol history. In this connection I would like to note that this bulky work consisting of 210 chapters was completely translated into Mongolian in 1917—1928 by Cimid-ün Demcig-Dorje (1863—1932) known in Mongolia under his literary name C. Danda.

The first chapter concentrates attention on the political events which took place immediately after the death of Mongol Möngke khaghan (1251—1259). It analyses in detail the struggle for the throne between Arik Böge and Kublai, which in 1264 ended in the latter's victory. As is known, this struggle began in 1260 soon after the Great quriltai convoked by Kublai in Kaiping at which he proclaimed himself great khan of the Mongol Empire simultaneously. With that gathered by his brother Arik Böge in Karakorum. It should be noted here that it was not a struggle for the throne of an ulus khan ruling a part of the empire but for that of the great khan of the whole Mongol Empire founded by Genghis Khan.

The question of the administrative structure of Mongolia in the Yüan period is discussed in the corresponding chapter. This part of the work considers the central bodies of States power in the Mongol Yüan Empire, but attention is accented mainly on administrating of Mongolia proper, which is characterized as a vicegerency where the State power was represented by the heir of the khaghan of the empire, obliged to constantly live in Karakorum. Special paragraph deals with the economic situation in Mongolia proper and the living conditions of the Mongols in their homeland.

One of the chapters of the work studies the economy and social relations of the Mongols in the 13th—14th centuries. As is known, the Mongols in that period, as well as before, were engaged in extensive cattle-breeding. The Mongol arats roamed from place to place by small groups of ayils (households) within the limits of a strictly fixed territory, included into the domain of a feudal lord. The arats were registered to his lands and had no right to leave him. In that period hunting still played an important part in the economy. At the same time, agriculture, handicraft and commerce began to develop. Economic decline of Mongolia proper in that period is accounted for the feudal wars which burst out from time to time on its territory almost during the whole Yüan rule.

The corresponding sections deal with the fall of the Yüan dynasty as a result of peasant uprisings in China and the flight of the Mongol court first to Yinch'ang in 1368 and then to Karakorum in 1378, as well as the struggle of the Mongol great khans Togon Temür (1333—1370), Ayusiridara (1370—1378) and Toquz Temür (1378—1388) against the Chinese Ming dynasty. In this connection the work describes in detail the Mongol-Chinese relations during the post-Yüan period.

The work ends in a chapter devoted to culture and religious beliefs of the Mongols in the 13th—14th centuries.

In this study on the Mongol history, the author makes an attempt to use as many new data, especially from Chinese sources, as possible and at the same time to adequately solve its problems, but it is up to the reader to decide, whether he has succeeded or not. Any criticism on the side of students of the Mongol history will be accepted with due consideration.

СОДЕРЖАНИЕ